

Право и общество

16+

№ 1 (1) 2020

Выходит 4 раза в год

Территория распространения: Российская Федерация, зарубежные страны

Зарегистрирован 30 июля 2020 г. Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Регистрационный номер: серия ПИ № ФС-78826

Учредитель: Кировское региональное отделение Общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России»

Адрес учредителя: 610000, Кировская область, г. Киров, ул. Дерендяева, д. 23

Издатель: Волго-Вятский институт (филиал) Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)

Адрес редакции и издателя: 610000, Кировская область, г. Киров, ул. Ленина, д. 99

Телефон редакции и издателя: (833-2) 67-54-24

Электронная почта редакции: science@msalkirov.ru

Позиция редакции может не совпадать с мнением авторов. Получение материалов для публикации означает согласие авторов на передачу права на издание отредактированного варианта статьи в журнале.

Учредитель и издатель не несут ответственности за ущерб, который может наступить в результате использования или ненадлежащего использования информации, содержащейся в данном издании.

Полное или частичное воспроизведение в печатной или электронной форме материалов, содержащихся в настоящем издании, допускается только с письменного разрешения редакции.

Подписано в печать 20.12.2020 г. Тираж 100 экз. Дата выхода в свет 20.12.2020 г. Цена свободная. Заказ 516/1. Формат 60x84x1/8. Усл. печ. л. 8,28.

Отпечатано в ООО «Издательство «Аверс»: 610020, Кировская область, г. Киров, ул. Труда, 70 Тел.: (833-2) 47-42-77, e-mail: avers@kirovnet.net

© ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)» Волго-Вятский институт (филиал) Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), 2020

Главный редактор:

Шаклеин Николай Иванович – доктор юридических наук, почетный работник прокуратуры СССР, заслуженный юрист России, председатель Кировского регионального отделения Общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России», советник ректора Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Редакционная коллегия:

Винокуров Алексей Дмитриевич – руководитель Кировского филиала Московской коллегии адвокатов «Яковлев и партнеры», адвокат, председатель исполнительного комитета Кировского регионального отделения Общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России»

Дряхлов Владимир Николаевич – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Волго-Вятского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Ермакова Татьяна Николаевна – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовно-процессуального права и криминалистики Волго-Вятского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Иногамова-Хегай Людмила Валентиновна – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Караваев Николай Викторович – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского права и процесса Волго-Вятского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Комарова Валентина Викторовна – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и муниципального права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), почетный работник высшего образования Российской Федерации

Кононов Павел Иванович – доктор юридических наук, профессор, судья Второго арбитражного апелляционного суда

Макарова Елена Владимировна – исполнительный директор-руководитель аппарата Кировского регионального отделения Общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России»

Плотникова Елена Валерьевна – кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой общегуманитарных и социально-экономических дисциплин Волго-Вятского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Седельникова Раиса Игоревна – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин Волго-Вятского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Фешенко Павел Николаевич – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии, Волго-Вятского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Именной указатель

Author Index

Арзамазов Алексей Александрович.....	24
Бармина Ольга Николаевна	24
Василевская Людмила Юрьевна	12
Васильева Наталья Викторовна.....	20
Ермакова Татьяна Николаевна	51
Кадаева Ольга Владимировна.....	68
Капустина Анастасия Владимировна.....	65
Каракпаева Сарбиназ Куанышбековна.....	33
Кирилловых Андрей Александрович.....	27
Козловский Станислав Иванович	57
Косеева Елена Сергеевна	54
Петрунева Анна Николаевна.....	54
Пибаев Игорь Александрович.....	47
Пятковская Юлия Валерьевна.....	20
Рогова Наталья Николаевна.....	30
Савельев Дмитрий Борисович.....	35
Сосновщенко Татьяна Романовна.....	57
Сурманидзе Илья Нодариевич	27
Травина Ирина Геннадьевна.....	40
Фешенко Павел Николаевич	42
Холкин Олег Михайлович	61
Чубукова Светлана Георгиевна	16
Щуракова Анастасия Дмитриевна	57

Arzamazov Aleksei Aleksandrovich.....	24
Barmina Olga Nikolaevna	24
Chubukova Svetlana Georgievna.....	16
Ermakova Tatyana Nikolaevna	51
Feshchenko Pavel Nikolaevich	42
Holkin Oleg Mihailovich	61
Kadaeva Olga Vladimirovna.....	68
Kapustina Anastasiya Vladimirovna	65
Karakpaeva Sarbinaz Kuanyshbekovna.....	33
Kirillovykh Andrey Aleksandrovich	27
Koscheeva Elena Sergeevna	54
Kozlovsky Stanislav Ivanovich.....	57
Petruneva Anna Nikolaevna.....	54
Pibaev Igor Aleksandrovich	47
Pyatkovskaya Yulia Valeryevna.....	20
Rogova Natalya Nikolaevna	30
Savelyev Dmitriy Borisovich	35
Shurakova Anastasiya Dmitrievna.....	57
Sosnovshchenko Tatyana Romanovna.....	57
Surmanidze Ilya Nodarievich	27
Travina Irina Gennadyevna	40
Vasilevskaya Lyudmila Yuryevna	12
Vasilyeva Natalya Viktorovna	20

Содержание

Приветственные слова.....	4
«Юристы в онлайн-измерении» и другие сюжеты 2020-го.....	10
Актуальные вопросы юридической науки	
Василевская Л. Ю. Цифровизация муниципальных услуг: проблемы кибербезопасности	12
Чубукова С. Г. Использование системы искусственного интеллекта в государственном управлении: правовые проблемы	16
Васильева Н. В., Пятковская Ю. В. Муниципальный финансовый контроль как основа безопасного развития муниципальных образований: тенденции и новации.....	20
Бармина О. Н., Арзамазов А. А. Меры по совершенствованию антимонопольного регулирования на основе анализа системы требований к торгам.....	24
Кирилловых А. А., Сурманидзе И. Н. Основные направления развития полномочий органов местного самоуправления в контексте реализации Стратегии экологической безопасности	27
Рогова Н. Н. Уголовно-правовое значение свойств потерпевшего от преступления.....	30
Каракаева С. К. Консультирование для родителей детей с нарушениями развития	33
Савельев Д. Б. Практика обращения взыскания на часть единственного жилого помещения должника-гражданина в свете парадигмы института общей собственности	35
Травина И. Г. Юридические (уголовно-правовые) признаки личности осужденного за совершение незаконной рубки лесных насаждений.....	40
Фешченко П. Н. Проблемы формирования нетерпимости к коррупционным проявлениям в аспекте противодействия «цветным революциям»	42
Пибаев И. А. Пределы вмешательства органов публичной власти в проведение религиозных обрядов в жилых помещениях: в поиске баланса интересов	47
Ермакова Т. Н. К вопросу о судебной реформе в РФ ...	51
Косеева Е. С., Петрунева А. Н. Досудебный порядок урегулирования спора в частных и публичных правоотношениях: проблемы правопонимания	54
Козловский С. И., Сосновшченко Т. Р., Шуракова А. Д. Влияние идей эпохи Просвещения на содержание теории общественного договора и принципа народного суверенитета в трактовке Иммануила Канта	57
Холкин О. М. К вопросу о полноправосубъективности: подход, структура, валентность и ее числения.....	61
Трибуна молодого ученого	
Капустина А. В. Принцип разделения властей: трансформация политико-правовой мысли	65
Кадаева О. В. Проблемы квалификации мошенничества в сфере кредитования	68

Contents

Welcome speech.....	4
"Lawyers in the online dimension" and other stories of 2020	10
Current issues of legal science	
Vasilevskaya L. Y. Digitalization of Municipal Services: Cybersecurity Issues	12
Chubukova S. G. The Artificial Intelligence in public administration: legal problems	16
Vasilyeva N. V., Pyatkovskaya Y. V. Municipal financial control as the basis for the safe development of municipalities: trends and innovations.....	20
Barmina O. N., Arzamazov A. A. Measures to improve antitrust regulation based on an analysis of the bidding requirements system	24
Kirillovykh A. A., Surmanidze I. N. Main directions of development of the powers of local self-government bodies in the context of implementation of the environmental safety Strategy.....	27
Rogova N. N. Criminal-legal value of special properties of the victim of a crimes.....	30
Karakpaeva S. K. Counseling for parents of children with developmental disabilities	33
Savelyev D. B. Practice of foreclosure for a part of the sole dwelling of a citizen debtor from the point of view of the paradigm of the institute of common property	35
Travina I. G. Legal (criminal-legal) features of a person convicted for illegal logging.....	40
Feshchenko P. N. Problems of the formation of intolerance to corruption manifestations in the aspect of the counteraction to "color revolutions"	42
Pibaev I. A. Limits of interference of public authorities in the performing of religious rites in private premises: searching the balance of interests.....	47
Ermakova T. N. On the Issue of Judicial Reform in the Russian Federation.....	51
Koscheeva E. S., Petruneva A. N. Pre-trial procedure for resolving a dispute in private and public legal relations: problems of legal thinking.....	54
Kozlovsky S. I., Sosnovshchenko T. R., Shurakova A. D. The influence of the ideas of the Enlightenment on the content of the theory of social contract and the principle of popular sovereignty in the interpretation of Immanuel Kant...57	
Holkin O. M. On the question of full subjectivity: approach, structure, valence and its numbers	61
Rostrum of the young scientist	
Kapustina A. V. The principle of separation of powers: transformation of political and legal thought	65
Kadaeva O. V. Problems of qualification of fraud in the field of lending.....	68

Приветственные слова

Виктор Владимирович Блажеев,
ректор Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
сопредседатель Ассоциации юристов России, кандидат юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации

Уважаемые читатели!

Приветствую вас на страницах первого номера научно-практического журнала «Право и общество», учрежденного Кировским региональным отделением Ассоциации юристов России и Волго-Вятским институтом (филиалом) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Сегодня, когда юридическая наука и практика динамично развиваются и усложняются, возникают новые области правового регулирования, значимость содержательной профессиональной юридической коммуникации становится все более востребованной.

Журнал «Право и общество» призван стать площадкой для развития всестороннего сотрудничества между юристами, связи между юридическим образованием, наукой и практикой не только в Кировской области, но и далеко за ее пределами. Кстати, эта цель является одной из основных, закрепленных в уставе Ассоциации юристов России.

Уверен, что журнал будет интересен самым различным категориям читателей: научно-педагогическим работникам, представителям органов государственной власти, местного самоуправления, практикующим юристам, аспирантам и студентам.

Желаю всем организаторам и издателям журнала, будущим авторам и читателям творческих успехов и плодотворного сотрудничества!

Николай Иванович Шаклеин,

главный редактор журнала, председатель Совета Кировского регионального отделения Ассоциации юристов России, советник ректора Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, почетный работник прокуратуры СССР, заслуженный юрист Российской Федерации

Уважаемые читатели!

Перед вами первый номер нового журнала «Право и общество», учрежденного Волго-Вятским институтом Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) и Кировским региональным отделением Ассоциации юристов России.

Современная юридическая теория и практика включает в себя разные области и сферы применения. Вот почему нам представляется важным на страницах журнала отразить актуальные как теоретические, так и практические проблемы правового регулирования и правоприменительной практики, взаимодействия юридического сообщества.

Приглашаю к сотрудничеству ученых, аспирантов, юристов-практиков, зарубежных представителей научного сообщества всех заинтересованных специалистов и рекламодателей через журнал обмениваться мыслями, идеями о состоянии и перспективах развития юриспруденции, опыте работы Кировского регионального отделения Ассоциации юристов России.

Желаю редакции и авторам творческой продуктивности, содержательных публикаций на актуальные темы по вопросам правового регулирования и правоприменительной практики!

От имени коллектива,
Владимир Анатольевич Устюжанинов,
председатель Второго арбитражного апелляционного суда, член Совета Кировского регионального отделения Общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России», кандидат юридических наук

Уважаемые коллеги!

Приветствуем решение Волго-Вятского института (филиала) Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) об учреждении и начале издания научно-практического журнала «Право и общество». Этим решением по существу возобновляется работа по изданию юридической периодики, которая велась Волго-Вятским филиалом МГЮА на протяжении многих лет посредством выпуска журнала «Право и практика». Необходимость издания периодического научного журнала на Вятской земле очевидна. В Кировской области сформировался и успешно работает большой корпус преподавателей юридических дисциплин, многие из которых ведут активную научную деятельность и публикуют свои труды. В Волго-Вятском институте (филиале) Университета имени О.Е. Кутафина, а также в других вузах города функционирует магистратура по юридическим специальностям, обучающиеся которой обязаны публиковать результаты проводимых ими научных исследований. Издание нового журнала предоставит профессорско-преподавательскому составу, магистрантам и студентам дополнительные возможности для реализации своих научно-исследовательских планов, доведения научных достижений до сведения юридической общественности.

Хотелось бы пожелать редакции и авторам журнала «Право и общество» успешной издательской, публикационной деятельности на благо развития юридической науки, совершенствования правоприменительной практики, а читателям этого журнала – интересным и востребованным реальной жизнью материалам!

Константин Иванович Егоров,
председатель Кировского областного суда, член
Совета Кировского регионального отделения Обще-
российской общественной организации «Ассоциа-
ция юристов России», кандидат юридических наук

Уважаемые читатели!

Поздравляю с выходом первого номера научно-практического, юридического журнала. Само название журнала «Право и общество» содержит важные правовые категории, которые диалектически взаимосвязаны и охватывают во всем многообразии все стороны человеческой жизни.

Данное название ко многому обязывает редакционную коллегию. С одной стороны, надо продемонстрировать глубину и многогранность научного подхода, а с другой стороны, надо найти своего читателя, свою целевую аудиторию, для чего необходимо привлечь к обсуждению острых и актуальных проблем, как представителей науки, так и практикующих юристов, судей, следователей, прокуроров.

Желаю редакционной коллегии, чтобы журнал нашел свою «нишу», внес лепту в развитие юридической науки, прежде всего, в Волго-Вятском регионе, продемонстрировал взвешенность и профессионализм, а также сумел донести многообразие точек зрения и подходов!

Александр Викторович Плотников,
директор Волго-Вятского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), заслу-
женный деятель Российского общества социологов,
кандидат социологических наук, доцент

Уважаемые читатели!

Издание журнала «Право и общество», первый номер которого перед вами, инициировано Волго-Вятским институтом Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) при поддержке Кировского регионального отделения Ассоциации юристов России. Волго-Вятский институт МГЮА сегодня – единственный в Кировской области межрегиональный специализированный вуз по подготовке юристов высшей квалификации, который в 2021 году будет отмечать свой полувековой юбилей. Штатный профессорско-преподавательский состав института насчитывает около 50 человек, 80% из которых имеют ученые степени докторов и кандидатов наук. Кроме того, активное участие в подготовке юридических кадров – бакалавров, специалистов, магистров, принимают практикующие юристы, представляющие почти все отрасли юридической профессии – судейский корпус, адвокатуру, нотариат, прокуратуру, органы следствия, органы государственного и муниципального управления, субъекты хозяйственной деятельности и др. Таким образом, институт представляет собой своего рода «плавильный котел» юридической науки, других наук о человеке и обществе, теории и правовой практики, формирующий новое поколение молодых юристов. Эти обстоятельства и определили необходимость и актуальность издания нового журнала «Право и общество», на страницах которого найдут отражение как результаты научных исследований, так и обсуждение острых правовых и социальных проблем. Желаю авторам и читателям журнала «Право и общество» творческих успехов!

Марина Николаевна Копырина,
президент Адвокатской палаты Кировской области, член Совета Кировского регионального отделения Общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России»

Уважаемые друзья, коллеги!

Сердечно поздравляю коллектив Волго-Вятского института МГЮА и Кировское региональное отделение Ассоциации юристов России с выходом в свет ПЕРВОГО номера журнала «Право и общество».

Уверена, что ученые и юристы-практики могут работать в одном стиле – взвешенного, содержательного, открытого и доброжелательного обсуждения актуальных проблем различных отраслей юридической деятельности. Журнал «Право и общество» – один из важных источников обратной связи и с адвокатским сообществом, призванный отражать реакцию профессионального сообщества на различные проблемы правоприменительной практики. Желаю авторам журнала творческих находок, легкого (но не легковесного) пера, дальнейших успехов во всех начинаниях!

«Юристы в онлайн-измерении» и другие сюжеты 2020-го

Алексей Дмитриевич Винокуров,
руководитель Кировского филиала Московской коллегии адвокатов «Яковлев и партнеры», адвокат, председатель исполнительного комитета Кировского регионального отделения Общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России»

В этом тексте только одна аббревиатура – КРО АЮР (Кировское региональное отделение Ассоциации юристов России). Он задуман таким, чтобы быть понятным не только юристу. Сама стратегия работы КРО строится в подобном ключе: «быть отделением, которое не отделяет себя от общественной повестки региона».

С учётом информационных реалий цифрового века, сообщение о текущей работе и перспективах КРО дополнено куар-ссылками, которые позволяют читателю узнать больше.

Не все законы пишутся юристами: законы развития общества сложились как данность для нас. Один из них гласит, формулируя упрощённо, что «проблемы двигают прогресс». В этом смысле 2020-й стал для КРО очень стимулирующим. Но так происходит, потому что отделение оказалось подготовленным к новым вызовам (в числе которых – массив противомикробных ограничений).

Благодаря этой готовности проходят штатно мероприятия, спланированные ещё до прихода «коронавирусной повестки» в нашу жизнь:

*ссылка на страницу ВКонтakte
про конференцию «Семья в праве»*

К работе в онлайн-измерении, говоря языком соцсетей, в КРО АЮР готовились «до того, как это стало мейнстримом». Не зная реалий, можно предположить, что поводом к освоению новых форматов стал избыток ресурса: запас свободного времени у юридического сообщества и т.д.

По факту наоборот: к построению онлайн-коммуникаций нас привело понимание ограниченности ресурса. Область велика, правовые проблемы разнообразны – и отреагировать на каждый возникающий вызов личным участием специалиста невозможно в принципе.

Исходя из данного понимания, ещё до наступления COVID-сезона мы плотно проработали технологии онлайн-взаимодействия с обществом:

ссылка на публикацию о проекте
«Мудрость и опыт во благо старшего поколения»

Глядя в предысторию несколько глубже, можно убедиться, что к форсированию онлайн-технологий нас привела сверхидея КРО: не замыкаться в рамках внутренних профессиональных интересов, принимать полезное участие в жизни общества.

Не будь этого профессионального альтруизма в предыдущие годы – не было бы нашей готовности к штатной работе в сложившихся условиях, когда технологии «дистанционного участия» приходят даже в судебный процесс:

ссылка на публикацию «Российской газеты»
о правилах дистанционного судебного процесса

Не менее важен и другой факт. «Перезагрузка» работы КРО стала возможной благодаря встречным процессам в самом обществе. Сегодня представители самых разных отраслей – даже далёких от юриспруденции – приходят к пониманию, что с правовыми горизонтами человек соприкасается не время от времени, а в том или ином контексте постоянно.

С учётом этого неудивительно, что всё больше инфоповодов, которые раньше воспринимались

как «сугубо юридические», сейчас находят отклик у широкой аудитории:

ссылка на раздел сайта ГТРК с размещением
выпусков программы «Вести. Право»

Удивиться, с учётом всех особенностей сезона, остаётся одному: откуда в такой непростой период юристы всё-таки находят время для общения и активного досуга. Летопись их начинаний на информационных площадках КРО АЮР регулярно пополняется. Наряду с вдохновляющими и поучительными эпизодами, здесь можно встретить даже один курьёзный – рассказывающий историю появления «локального мема» (по итогам участия команды юристов в спортивном состязании).

Будучи специалистами разных юридических сфер, в своих рабочих буднях мы иногда становимся «антагонистами поневоле».

Деятельность КРО АЮР остаётся той орбитой, на которой юристы сохраняют общие профессиональные интересы и общественно значимые цели.

ссылка на публикацию об участии команды КРО
в соревнованиях по скандинавской ходьбе

Завершение 2020-го уже не за горами. С приближением этого рубежа крепнет уверенность, что под бой курантов можно будет сказать:

– К счастью, для уходящего года у КРО АЮР был «план Б».

Над формированием такого плана для непредсказуемого 2021-го мы продолжаем работу здесь и сейчас.

Актуальные вопросы юридической науки

Цифровизация муниципальных услуг: проблемы кибербезопасности

Digitalization of Municipal Services: Cybersecurity Issues

Василевская Людмила Юрьевна,

профессор кафедры гражданского права
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
доктор юридических наук, профессор,
г. Москва

Vasilevskaya Lyudmila Yuryevna,

Professor, Chair of Civil Law, Kutafin Moscow State
Law University (MSAL), Doctor of Law, Professor,
Moscow

Цифровизация социальной инфраструктуры в Российской Федерации не могла обойти и сферу муниципальных услуг на территории нашей страны. Единый портал государственных услуг (далее – ЕПГУ) дает возможность, как известно, физическим и юридическим лицам получать в цифровой форме различные сведения о муниципальных услугах, включенных в федеральный реестр. Для оказания физическим и юридическим лицам различных услуг в электронной форме было предусмотрено создание цифрового инструмента для удобной онлайн-идентификации. Им стала Единая система идентификации и аутентификации (далее – ЕСИА), целью которой было обеспечение цифровой интеграции различных каналов доступа к цифровым услугам через упорядочение процессов регистрации, идентификации, аутентификации и авторизации пользователей электронной системы. Речь идет об информационной системе, доступ к которой осуществляется в автоматическом режиме через систему единой учетной записи, позволяющей пользователям заходить под одним и тем же паролем и логином из своего

В статье рассматриваются частноправовые проблемы кибербезопасности при оказании цифровых муниципальных услуг. Сделан вывод о нецелесообразности использования электронной подписи, электронной формы документа при совершении сделок с недвижимостью. Анализируется правовой опыт Германии по отчуждению недвижимости. Аргументирована позиция автора о возможности исключения цифровых услуг по обороту недвижимого имущества из сферы единого портала государственных услуг.

Ключевые слова: цифровые муниципальные услуги, кибербезопасность, электронная подпись, электронная форма сделок, письменная форма документа, отчуждение недвижимости, меры юридической ответственности.

The article deals with private legal problems of cybersecurity in the provision of digital municipal services. It is concluded that it is not advisable to use an electronic signature, an electronic form of the document when making real estate transactions. The article analyzes the legal experience of Germany on the alienation of real estate. The author's position on the possibility of excluding digital services for real estate turnover from the sphere of the unified portal of public services is argued.

Key words: digital municipal services, cybersecurity, electronic signature, electronic transaction form, written document form, real estate alienation, legal liability measures.

личного кабинета на различные порталы муниципальных услуг, а также переходить в рамках электронного взаимодействия с одного портала на другой. Все эти цифровые нововведения при оказании муниципальных услуг стали возможны благодаря внедрению электронных технологий в экономику, одним из определяющих направлений которой стала информационная безопасность (кибербезопасность).

В целях обеспечения кибербезопасности информационной системы, а также *bigdata* (больших данных) муниципальных образований и персональных данных пользователей насущной потребностью на уровне цифровой инфраструктуры становится создание сервиса электронной идентификации и аутентификации физических и юридических лиц. Как показывает практика,

эти цифровые данные становятся наиболее уязвимым звеном в рамках электронного взаимодействия не только физических и юридических лиц, но и работников муниципальных органов в процессе обмена сведениями между различными ведомствами.

Как известно, заявления и подаваемые документы граждан могут быть заверены простой электрон-

ной подписью, которую с помощью современных цифровых технологий можно легко взломать, подделать и использовать в мошеннических целях недобросовестными участниками гражданского оборота. Речь идет о подписи, которая, с одной стороны, служит общим идентификатором физического лица, а с другой, исключает возможность подавать им заявки на юридически значимые сообщения и документы (например, лицензии на частную охранную или на образовательную деятельность, разрешение на уличную торговлю и т.п.). Вместе с тем, как показывает практика, до августа 2019 года число мошенничеств, связанных с использованием простой электронной подписи в России при отчуждении объектов недвижимости, стремительно росло, а количество микрозаймов, оформленных аналогичным образом, по сравнению с прошлым годом стало в три раза больше [1]. Поэтому 2 августа 2019 года был принят Федеральный закон № 286-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О государственной регистрации недвижимости» (далее – Закон № 286), регламентирующий использование электронной подписи при сделках с недвижимостью, призванный, прежде всего, защитить простых граждан от распространяющихся в сфере недвижимости мошеннических действий. Согласно предписаниям закона переход вещных прав на недвижимость на основании оформленного на портале муниципальных услуг в электронной форме заявления физического лица возможен только в случае, если собственник объекта недвижимости заранее уведомил об этом Росреестр (ст. 1 Закона № 286). После получения указанного заявления Росреестр обязан сделать специальную отметку в ЕГРН (Едином государственном реестре недвижимости) о возможности отчуждения конкретного объекта на основании электронного заявления физического лица с использованием усиленной квалифицированной электронной подписи [2].

Таким образом, согласно предписаниям закона № 286 решение вопроса об электронном взаимодействии сторон договора по отчуждению недвижимости через цифровой портал муниципальных услуг определяется исключительно волей граждан, а именно: субъект права сам решает и оценивает: 1) возможные риски, связанные с подачей в электронной форме заявления о купле-продаже или дарении своего недвижимого имущества; 2) потенциальные проблемы, сопряженные с электронным взаимодействием со своим контрагентом и возможным использованием квалифицированной электронной подписи.

Вместе с тем применение на практике такого способа идентификации, как усиленная квалифицированная электронная подпись, также не защищает от риска получения ключа проверки электронной подписи неуправомоченным лицом. Известно, что усиленную (квалифицированную и неквалифицированную) электронную подпись в соответствии с ч. 1, п. 1 ч. 3, ч. 4 ст. 5 Федерального закона от 06.04.2011 № 63-ФЗ «Об электронной подписи» (далее – Закон

об ЭП) получают в результате криптографического преобразования информации с использованием ключа электронной подписи (ч. 1, п. 1 ч. 3, ч. 4 ст. 5 Закона об ЭП). Выдачу усиленной квалифицированной электронной подписи, а также квалифицированного сертификата ключа проверки электронной подписи (документа, подтверждающего, что такой ключ принадлежит владельцу усиленной квалифицированной подписи) выдается аккредитованным удостоверяющим центром (п. 3 ст. 2, ч.ч. 1, 2, 4 ст. 17 Закона об ЭП). В настоящее время появились ранее не известные схемы завладения чужой недвижимостью – путем незаконного доступа к ключу проверки электронной подписи и дальнейшей подачи в Росреестр через ЕПГУ заявления в электронной форме от имени собственника. Таким образом, электронная подпись стала гибким инструментом мошенничества и преступлений, жертвами которых становятся не только пожилые люди, но и молодежь, активно использующая мобильные приложения с целью совершения различных мелких бытовых сделок. Проблема использования электронной подписи усугубляется тем, что ключ проверки электронной подписи может храниться на отчуждаемых носителях (флешках, CD/DVD-дисках), к которым неуправомоченное лицо может без особых проблем получить доступ. Кроме того, до сих пор оказание муниципальных услуг через ЕПГУ происходит при отсутствии эффективных и оперативных механизмов контроля за подлинностью выданного удостоверяющим центром квалифицированного сертификата ключей проверки электронных подписей, получение которого допускается на основании копии документа, удостоверяющего личность получателя сертификата (заявителя), либо на основании оформленной им доверенности (ст. 13 Закона об ЭП).

Очевидно, предусмотренное Законом № 286 внесение отметок (т.е. дополнительных сведений об объекте недвижимости и правах на него), по существу, не решает проблему кибербезопасности – не дает гарантий от мошенничества в сфере недвижимости. К примеру, по требованию физического лица в ЕГРН может появиться запись о запрете государственной регистрации без личного участия собственника недвижимости. В этом случае через портал муниципальных услуг в электронной форме подается заявление о государственной регистрации вешного права на объект недвижимости, на основании которого делается отметка в ЕГРН. Такая отметка, допускаемая ст. 8.1 ГК РФ, как справедливо отмечает Е.В. Бадулина, не может защитить в полной мере собственника недвижимости, «поскольку предполагает лишь невозможность осуществления государственной регистрации прав на основании доверенности, в то время как целью кражи электронной подписи может являться как раз осуществление действий от лица собственника» [3].

Это означает, что вводимая Законом № 286 презумпция на согласие физического лица об электрон-

ной форме заявления по отчуждению недвижимости с использованием усиленной квалифицированной электронной подписи не решает проблему гарантий и безопасности, связанной с электронной формой любого документа, сопровождающего сделку с недвижимостью [4]. Более того, целесообразным видится получение усиленной квалифицированной электронной подписи только профессиональными участниками электронного взаимодействия – коммерческими организациями и индивидуальными предпринимателями, регулярно совершающими различные сделки. Для совершения разовых сделок физическими лицами, не имеющими статуса индивидуального предпринимателя, выдача такой подписи, связанной с немалыми финансовыми затратами, явно не имеет смысла.

Думается, что предписанный законодателем подход, заключающийся в перекалывании ответственности на граждан в решении ими вопроса об использовании электронной подписи при совершении сделок в электронной форме, нельзя считать оправданным. Заключение договоров с таким особо ценным имуществом, как недвижимость, должно происходить для физических лиц с участием нотариуса. На взгляд автора, вопрос о возможности исключения цифровых услуг по обороту недвижимого имущества из сферы ЕПГУ требует в настоящее время пристального внимания со стороны государства. Обоснование такой позиции видится в следующем.

Известно, что ГК РФ лишь в отношении некоторых договоров устанавливает жесткие правила по обязательному оформлению договора посредством составления одного документа, подписанного сторонами (классическая вариация простой письменной формы договора) – договор продажи недвижимого имущества (ст. 550 ГК РФ), договор аренды здания или сооружения (ст. 651 ГК РФ), договор продажи предприятия (ст. 560 ГК РФ), договор аренды предприятия (658 ГК РФ) и др. В отношении договоров дарения, мены, залога, предметом которых является недвижимость, законодатель не устанавливает специальных требований, поэтому стороны вправе использовать вторую вариацию простой письменной формы договора путем обмена электронными документами (п. 2 ст. 434 ГК РФ), скрепляя электронный документ по новым правилам Закона № 286 квалифицированной электронной подписью.

Более того, если обратить внимание на новую редакцию п. 2 ст. 434 ГК РФ, то нетрудно заметить, что и в рамках первой вариации простой письменной формы договора законодатель допускает электронное взаимодействие сторон: «Договор в письменной форме может быть заключен путем составления одного документа (в том числе электронного), подписанного сторонами... (выделено автором – Л.В.)». Электронный документ (в отличие от бумажного) лицо может подписать только с помощью такого аналога собственноручной подписи, как

квалифицированная электронная подпись. Нет смысла составлять электронный документ без электронного взаимодействия сторон, допускаемого в рамках предлагаемых ЕПГУ цифровых услуг муниципальных образований. Следовательно, возможность составления электронного документа в рамках первой вариации письменной формы (договора путем составления одного бумажного документа, подписанного сторонами) означает ни что иное, как «размывание» особенностей между двумя разновидностями письменной формы. Теряется смысл их выделения. Это – во-первых. Во-вторых, допустимость составления электронного документа в рамках первой вариации письменной формы договора свидетельствует и о необходимости использования такого аналога собственноручной подписи, как квалифицированная электронная подпись при заключении сделок с недвижимостью. Это означает не что иное, как отход законодателя от жестких правил заключения определенных договоров (например, договора купли-продажи недвижимости по ст. 550 ГК РФ), предполагающих обязательное применение норм о первой вариации простой письменной формы [4].

Очевидно, ревизия классического подхода к трактовке простой письменной формы может привести к новому всплеску мошенничества в имущественном обороте недвижимости и обернуться для простых граждан новым потрясением – незаконным отчуждением жилых помещений. Следовательно, внедрение цифровых технологий в имущественный оборот посредством их обращения к ЕПГУ как никогда требует более взвешенного подхода законодателя ко всем предлагаемым нововведениям, в противном случае возникает реальная опасность использования недобросовестными участниками рынка недвижимости упущений и пробелов в законодательстве как инструмента для передела собственности.

Вот почему, на наш взгляд, заслуживает внимания дифференцированный подход к трактовке письменной и электронной форм, характерный прежде всего для государств с правопорядком германского типа (Германия, Австрия, Швейцария). Как показывает практика, мошенничество при совершении сделок с недвижимостью в этих странах отсутствует. Показателен в этом отношении опыт Германии, правопорядок которой наиболее близок к российскому. В ФРГ письменная форма сделки исключает использование любого аналога собственноручной подписи, в том числе и электронной подписи. В соответствии с п. 1 § 126 Германского гражданского уложения (далее – ГГУ) документ в письменной форме должен быть скреплен собственноручной подписью составителя либо знаком, исполненным от руки и засвидетельствованным нотариально [5], что исключает возможность цифровой подделки электронной подписи. Кроме того, письменная форма сделки по ГГУ (в отличие от предписаний ГК РФ) может быть представлена только одной вариацией – путем составления документа, подписанного сторонами.

Письменную форму договора по ГГУ следует отличать от электронной (ElektronischeForm), правовая регламентация которой содержится в § 126а. Так, согласно § 126а ГГУ: «(1) Если предписанная законом письменная форма должна быть заменена электронной формой, то составитель обязан дополнить волеизъявление своим именем и снабдить электронный документ квалифицированной электронной подписью. (2) При заключении договора каждая из сторон договора должна подписать аутентичный документ предусмотренным в п. 1 электронным способом». Если речь идет о документе юридического лица, то он должен предусматривать электронную печать (elektronischesSiegel), которая, как отмечается в доктрине, выполняет функцию «технической подписи» (technischeSignatur), «аналога штампа» (Stempelersatz), являясь лишь инструментом для доказательства целостности электронного документа и подтверждения источника его происхождения (т.е. юридического лица, направившего электронный документ) [6].

Следует обратить внимание, что сделки по отчуждению недвижимости в ФРГ должны совершаться только в форме единого письменного документа, удостоверенного нотариусом, а не путем обмена письмами, сообщениями с использованием телекоммуникационной связи. Если сторонами избрана электронная форма и для одной из них электронное подписание оказалось невозможным, контрагенты могут потребовать нотариального удостоверения договора (§ 127 III ГГУ). Волеизъявления, совершенные посредством цифровых средств, германский законодатель «привязывает» к определенной форме сделки – электронной, придавая ей доказательственное значение лишь в случае ее удостоверения квалифицированной электронной подписью или электронной печатью. Полагаю, что анализ германского опыта в вопросах регламентации различных форм сделок может оказаться полезным для российского законодателя именно в виду сходства решаемых задач – нахождения тех универсальных критериев, с помощью которых можно было бы отграничить электронную форму от письменной, предусмотрев для сделок в электронной форме особый правовой режим [4].

Угроза негативных правовых последствий от хакерских атак на электронные данные остро ставит проблему защиты киберпространства ЕПГУ и ответственности за киберпреступления в различных отраслях права – прежде всего гражданском, уголовном, муниципальном и административном. Решение вопроса об ответственности за киберпреступления

осложняется тем, что удаление и изменение цифровых данных, сокрытие виртуальных следов преступления в информационной сети для IT-интервента не представляет проблемы, что вызывает трудности в доказывании, например, состава гражданского правонарушения. Это означает, что хакерское вмешательство в цифровую среду должно рассматривать, как отдельное противоправное деяние, а не как возможный вариант гражданско-правового «пособничества» [7] в нарушении недобросовестным пользователем ЕПГУ «электронных» правил по оказанию муниципальных услуг.

Следовательно, цифровизация муниципальных услуг, допущение в рамках ЕПГУ электронного взаимодействия физических и юридических лиц, совершения ими цифровых сделок должны сопровождаться со стороны законодателя разработкой специальных правовых норм об особой разновидности деликта, совершение которого могло бы служить основанием для привлечения хакера к различным мерам юридической ответственности. Что касается гражданского законодательства, то очевидно, речь должна идти о привлечении хакера к такой мере гражданско-правовой ответственности, как возмещение убытков.

Примечания:

1. <https://iz.ru/905966/2019-08-02>.
2. Письмо Министерства экономического развития Российской Федерации от 13 августа 2019 г. № 26558-ВА/Д23и «О применении положений Федерального закона от 2 августа 2019 г. № 286-ФЗ» // Консультант Плюс: Законодательство.
3. Бадулина Е.В. Отметка в ЕПРН о возможности электронной регистрации – дополнительная гарантия права собственности на недвижимость // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2019. № 9. С. 55-60.
4. Василевская Л.Ю. Электронная форма сделок в условиях развития цифровых технологий: проблемы определения и толкования // Хозяйство и право. 2019. № 9. С. 15-30.
5. Текст Германского гражданского уложения (ГГУ; BürgerlichesGesetzbuch=BGB) см: <https://www.gesetze-im-internet.de> (дата обращения: 26.02.2020).
6. Frohn M. Schriftform und Vertrauensdienste nach der eIDAS-Verordnung //www.edvgt.de.
7. Василевская Л.Ю. Цифровые права как новый объект гражданских прав: проблемы юридической квалификации // Хозяйство и право. 2019. № 5. С. 3-14.

Использование системы искусственного интеллекта в государственном управлении: правовые проблемы¹

Чубукова Светлана Георгиевна,
доцент кафедры информационного права
и цифровых технологий Московского
государственного юридического
университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук, г. Москва

The Artificial Intelligence in public administration: legal problems

Chbukova Svetlana Georgievna,
Associate Professor of the Information Law and
Digital Technologies Department, Kutafin Moscow
State Law University (MSAL), PhD in Law, Moscow

Применение искусственного интеллекта (ИИ) в государственном управлении постоянно расширяется. Когнитивные технологии обладают потенциалом, способным революционизировать сектор государственного управления – сократить отставание, сократить расходы, преодолеть ресурсные ограничения, освободить работников от рутинных задач, повысить точность прогнозов, внедрить интеллект в десятки процессов и систем и справиться со многими другими задачами, которые люди не могут легко сделать самостоятельно [1].

По мнению Хилы Мер из Гарвардского центра по технологиям и демократии (Harvard Ash Center Technology & Democracy Fellow) ИИ может эффективно использоваться для решения шести типов проблем системы государственного

В статье рассмотрено понятие и виды автоматизированных решений, принимаемых системами искусственного интеллекта. Приведены критерии определения исключительно автоматизированной обработки. Определены риски автоматизированных решений для лиц, в отношении которых они принимаются, и механизмы их преодоления. Проанализировано законодательство Европейского Союза, регулирующее автоматизированное принятие решений.

Ключевые слова: искусственный интеллект, системы искусственного интеллекта, государственное управление, Общий регламент защиты данных, автоматизированное принятие решений.

The concept and types of automated decisions-making by artificial intelligence systems are considered in the article. The criteria for solely automated decisions-making are given. The risks of automated decisions for the persons and the mechanisms for overcoming them are identified. In the article the legislation of the European Union about automated decision-making are analyzed.

Key words: artificial intelligence, artificial intelligence systems, public administration, General Data Protection Regulation, automated decision-making.

управления: распределение трудовых ресурсов для более быстрого выполнения задач; анализ больших объемов данных, чтобы обеспечить более глубокое понимание; нехватка экспертов; прогнозирование сценариев на основе анализа исторических данных; решение стандартных процедурных повторяющихся задач; обобщение разнообразных данных (визуальных, лингвистических и др.) [2].

На практике когнитивные технологии активно используются при: начислении в автоматическом режиме пособий при потере работы, выходе на пенсию, потере кормильца и рождении ребенка и предоставлении других услуг по социальному страхованию [3]; классификации экстренных вызовов служб обеспечения безопасности; выявлении и предупреждении распространения заболеваний [4]; ока-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-16014 «Место и роль правового регулирования в развитии цифровых технологий, правовое регулирование и саморегулирование, в том числе с учетом особенностей отраслей права».

зании помощи государственным служащим в принятии иммиграционных решений [5]; мониторинге социальных медиа для получения общественного мнения о проводимой государственной политике и выявления чрезвычайных ситуаций; прогнозировании транспортных заторов, дорожно-транспортных происшествий и потребностей в техническом обслуживании дорог; выявлении нарушений санитарных правил [6].

Государственные органы во многих странах используют виртуальных помощников, которые оказывают содействие при взаимодействии их с общественностью и доступе граждан и организаций к государственным услугам [7].

Доктор Эндрю Витфорд (SPIA), выступая на конференции Академического исследовательского центра передовых технологий (ATARC) в октябре 2019 года отметил, что «машины учатся быстрее, чем люди, и оперируют большими массивами данных, то есть ИИ может прочесть более миллиона случаев, в то время как человек не смог бы прочесть миллион случаев за всю свою жизнь. ИИ может сделать бизнес как государственного, так и частного сектора гораздо более эффективным» [8].

Очевидно, что технологии искусственного интеллекта становятся неотъемлемой частью систем принятия решений, используемых в государственном управлении. Законодательство многих зарубежных стран устанавливают очень строгие требования в отношении систем, которые принимают автоматизированные решения без участия человека, с правовыми или аналогичными значимыми последствиями для физических лиц.

Так Европейский Совет по защите данных (European Data Protection Board, EDPB) и независимый орган Великобритании, созданный для защиты прав на информацию в общественных интересах и содействия открытости государственных органов и конфиденциальности данных для физических лиц, (Information Commissioner's Office, ICO) уже опубликовали руководящие документы, касающиеся автоматизированного принятия решений (Automated Decision-Making, ADM) [9, 10].

Степень и качество вмешательства человека в процесс принятия решения является ключевым фактором в определении того, является ли система принятия решений полностью или частично автоматизированной. При решении этого вопроса учитывают: осуществляет ли человек проверку рекомендаций системы; имеет ли он возможность принять решение, идущее вразрез с автоматизированным; принимает ли он в расчет не только выводы системы, но и другие дополнительные факторы.

При этом с развитием систем ИИ исследователи отмечают два существенных риска при их использовании. Первый (так называемый «крен в автоматизацию») связан с необоснованным доверием к решению, принимаемому системой искусственного интеллекта, когда человек перестает сомневаться в том, что

полученный системой результат может быть неправильным, и перестает учитывать свои собственные суждения.

Второй риск связан с постоянным развитием и усложнением технологий искусственного интеллекта. Некоторые типы систем, например, те, которые используют глубокое обучение, настолько сложны, что их «рассуждения» могут быть трудны для понимания принимающего решения человека. Если ход решения системы ИИ не поддается простой интерпретации, а другие инструменты объяснения недоступны или ненадежны, существует риск того, что человек не сможет осмысленно воспринять решение системы ИИ и может начать просто соглашаться с рекомендациями системы без рассуждения или оспаривания.

И первый, и второй случаи означают, что решение было полностью автоматизированным, и участие человека в процессе его принятия отсутствует.

Согласно зарубежной практике организации должны иметь четкое представление о степени предполагаемого использования любого приложения с технологией искусственного интеллекта. Они должны обязательно информировать и прописывать в соответствующих документах, закрепляющих политику организации управления рисками, будет ли ИИ использоваться для повышения эффективности принятия решений человеком или для принятия исключительно автоматизированных решений.

В документах, связанных с использованием систем ИИ для поддержки решений человека, должны учитываться и указанные дополнительные факторы риска. Справиться с ними возможно еще на этапе проектирования систем принятия решений. Заказчики, разработчики, специалисты по анализу данных и другие лица, принимающие участие в создании указанных систем, должны заниматься разработкой требований к проектированию, которые с самого начала предполагают содержательный анализ информации человеком. Следует определить факторы, которые будет учитывать система искусственного интеллекта, и дополнительные факторы, которые должны учитывать эксперты, прежде чем принимать окончательное решение. Например, система искусственного интеллекта может рассматривать измеримые свойства, такие как возраст, количество лет опыта соискателя работы, в то время как человек оценивает навыки соискателей, которые не могут быть отражены в формах анкеты – владение специальной терминологией при собеседовании, эмоциональную возбудимость и др. Если люди-рецензенты могут получить доступ или использовать только те же данные, которые использует система ИИ, и не принимают во внимание другие дополнительные факторы, это означает, что их участие недостаточно, и в конечном итоге решение должно рассматриваться как исключительно автоматизированное.

Поэтому разработчики системы должны заранее определить те дополнительные факторы, которые

учитываются в процессе принятия решения человеком. Например, обязуя людей взаимодействовать непосредственно с человеком, в отношении которого принимается решение.

Возможность интерпретировать автоматизированные решения, способность объяснить действия системы или показать их в понятном человеку виде, также должны рассматриваться на этапе проектирования.

Интерпретируемость трудно определить в точных терминах и измерена она может быть по-разному. Например, при ответе на такие вопросы как:

- может ли человек предсказать, как изменятся выходные данные системы при различных входных данных?
- может ли эксперт определить наиболее важные входные данные, способствующие определенному выходу?
- может ли эксперт определить, когда решение неправильное?

Вот почему важно, чтобы разработчики определяли и документировали, что означает интерпретируемость и как ее измерять в конкретном контексте каждой системы ИИ, которую они хотят использовать.

Именно поэтому политики управления рисками организации должны устанавливать надежный процесс интерпретирования для каждой системы ИИ. В этих документах также должно быть указано, кто несет ответственность за тестирование и окончательную проверку системы до ее развертывания. Эти лица должны обеспечивать работу системы только в том случае, если она соответствует принятой политике управления рисками.

И, конечно, ключевую роль в обеспечении того, чтобы система искусственного интеллекта считалась не только автоматизированной, играет обучение экспертов.

В качестве отправной точки следует обучить специалистов так, чтобы они могли:

- понять, как работает система искусственного интеллекта и ее ограничения; предвидеть, когда система может вводить в заблуждение или ошибаться и почему;
- иметь здоровый уровень скептицизма в отношении решений системы искусственного интеллекта и получить представление о том, как часто система может ошибаться;
- понимать, как их собственный опыт должен дополнять систему, и получить список факторов, которые следует учитывать;
- дать содержательные объяснения своего решения по отклонению, либо принятию вывода системы ИИ – решение, за которое они должны нести ответственность.

Для того, чтобы обучение было эффективным, важно, чтобы эксперты имели полномочия переопределять результаты, генерируемые системой ИИ. Систему обучения также необходимо дополнить организацией внутреннего аудита системы автома-

тизированного принятия решений, основанной на *эффективной системе мониторинга рисков*. Анализ того, почему и сколько раз человек-рецензент принимал или отклонял результаты работы системы искусственного интеллекта, станет ключевой частью системы мониторинга рисков.

Если отчеты о мониторинге рисков указывают на то, что специалисты по оценке персонала регулярно соглашались с результатами работы системы ИИ и не могут продемонстрировать, что они действительно оценивали их, то их решения должны быть классифицированы как исключительно автоматизированные. Организации должны иметь механизмы контроля для поддержания риска в пределах целевых уровней, включая, при необходимости, временное или постоянное прекращение обработки данных системой искусственного интеллекта.

Таким образом, лицо, использующее систему искусственного интеллекта для автоматизированного принятия решений должно: активно информировать субъекта данных о том, что решение принимается в автоматизированном режиме, выполнить оценку рисков и обеспечить соответствующую защиту данных; ввести процедуры, позволяющие физическим лицам осуществлять обращения в отношении автоматизированного принятия решения; реализовать механизм независимого мониторинга.

Примечания:

1. How artificial intelligence could transform government [Электронный ресурс] // URL: <https://www2.deloitte.com/us/en/insights/focus/cognitive-technologies/artificial-intelligence-government-summary.html> (дата обращения 02.03.2020).

2. Hila Mehr. Artificial Intelligence for Citizen Services and Government [Электронный ресурс] // URL: https://ash.harvard.edu/files/ash/files/artificial_intelligence_for_citizen_services.pdf (дата обращения 02.03.2020).

3. SmartHS: An AI Platform for Improving Government Service Provision [Электронный ресурс] // URL: <https://www.semanticscholar.org/paper/SmartHS%3A-An-AI-Platform-for-Improving-Government-Zheng-Yu/52883bf093c42ced1dddf36c7580f1e9bfb05b8f> (дата обращения 02.03.2020).

4. Unleashing the potential of Artificial Intelligence in the Public Sector [Электронный ресурс] // URL: <https://www.capgemini.com/consulting/wp-content/uploads/sites/30/2017/10/ai-in-public-sector.pdf> (дата обращения 02.03.2020).

5. How AI Could Help the Public Sector [Электронный ресурс] // URL: <https://hbr.org/2018/01/how-ai-could-help-the-public-sector> (дата обращения 02.03.2020).

6. Artificial Intelligence in the public sector [Электронный ресурс] // URL: <https://www.act.ipaa.org.au/brief-artificial> (дата обращения 02.03.2020).

7. Department of Human Services Annual Report 2017-18. Australian Government Department of Human

Services [Электронный ресурс] // URL: <https://www.servicesaustralia.gov.au/sites/default/files/2018/10/8802-1810-annual-report-web-2017-2018.pdf> (дата обращения 02.03.2020).

8. Artificial intelligence and the future of public administration [Электронный ресурс] // URL: <https://spia.uga.edu/artificial-intelligence-and-the-future-of-public-administration/> (дата обращения 02.03.2020).

9. Guidelines on automated individual decision-making and profiling [Электронный ресурс] // URL: http://ec.europa.eu/newsroom/document.cfm?doc_id=47742 (дата обращения 02.03.2020).

10. Art. 22 GDPR – Automated individual decision-making, including profiling [Электронный ресурс] // URL: <https://gdpr.eu/article-22-automated-individual-decision-making/> (дата обращения 02.03.2020).

Муниципальный финансовый контроль как основа безопасного развития муниципальных образований: тенденции и новации

Municipal financial control as the basis for the safe development of municipalities: rends and innovations

Васильева Наталья Викторовна,
заведующая кафедрой предпринимательского
и финансового права ФГБОУ ВО
«Байкальский государственный университет»,
доктор юридических наук, доцент, г. Иркутск

Vasilyeva Natalya Viktorovna,
Head of the Department of business and financial
law of the Baikal State University, Doctor of Law,
associate professor, Irkutsk

Пятковская Юлия Валерьевна,
заведующая кафедрой юриспруденции
ФГБОУ ВО «Иркутский национальный
исследовательский технический
университет», доктор юридических наук,
доцент, г. Иркутск

Pyatkovskaya Yulia Valeryevna,
Head of the Department of Law of the Irkutsk
National Research Technical University, Doctor of Law,
associate professor, Irkutsk

Развитие муниципального образования во многом определяется осуществлением эффективной финансовой деятельности, необходимой составляющей которой является муниципальный финансовый контроль. В рыночных условиях финансовый контроль должен быть направлен на ускорение экономического и социального развития территорий [1]. В настоящее время происходит совершенствование системы публичного финансового контроля в сфере бюджетных отношений, повышение эффективности его форм и методов, развитие методологии оценки эффективности и результативности

Авторами исследуются вопросы организации и осуществления муниципального финансового контроля как основы безопасного развития муниципального образования. Акцентируется внимание на новеллах бюджетного законодательства Российской Федерации в части расширения объектов муниципального финансового контроля, изменения методов контроля и круга полномочий контрольных органов.

Ключевые слова: финансовый контроль, бюджет, внутренний финансовый аудит, контрольно-счетный орган.

The authors study the organization and implementation of municipal financial control as the basis for the safe development of the municipality. Attention is focused on the novelties of the budget legislation of the Russian Federation regarding the expansion of municipal financial control facilities, changes in control methods and the terms of reference of control bodies.

Key words: financial control, budget, internal financial audit, control and accounting body.

деятельности органов власти [2], внедрение финансового аудита, что влечет за собой изменения бюджетного законодательства Российской Федерации.

Значительные изменения в части регламентации финансового контроля, были внесены Федеральным законом от 26 июля 2019 года № 199-ФЗ «О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации в части совершенствования государственного (муниципального) финансового контроля, внутреннего финансового контроля и внутреннего финансового аудита» [3]. Анализ федерального закона показывает, что он направлен на расширение

сферы государственного (муниципального) финансового контроля, формирование федеральной системы стандартов внутреннего государственного (муниципального) финансового контроля, развитие внутреннего финансового контроля и внутреннего финансового аудита.

Анализируя произошедшие изменения, необходимо отметить, что расширение сферы муниципального финансового контроля повлекло за собой вовлечение в сферу контроля новых объектов (лиц, получающих средства из бюджета на основании договоров (соглашений) о предоставлении средств и (или) муниципальных контрактов, кредиты, обеспеченные муниципальными гарантиями, а также являющихся исполнителями по договорам (соглашениям), которым открыты лицевые счета в финансовом органе муниципального образования). Отнесение к объектам контроля указанных субъектов, не являющихся бюджетополучателями, представляется оправданным и целесообразным, поскольку будет способствовать соблюдению финансовой дисциплины лицами, образующими инфраструктуру муниципального образования.

Расширение круга объектов контроля предопределило наделение соответствующими полномочиями органов муниципального финансового контроля, основной объем которых был передан органам внутреннего муниципального финансового контроля. При этом, порядок осуществления полномочий органами внутреннего муниципального финансового контроля, и стандарты его осуществления регламентируются исключительно правовыми актами местной администрации.

Обратимся к нормотворческой практике муниципальных образований. Прежде всего, обращает на себя внимание то, что порядок осуществления полномочий и стандарт осуществления муниципального финансового контроля органами внутреннего муниципального финансового контроля утверждаются либо одним актом, либо двумя разными актами местной администрации. Так, в г. Иркутске принят единый акт – Постановление администрации г. Иркутска от 21 февраля 2018 года № 031-06-116/8 «Об утверждении Порядка осуществления муниципального финансового контроля управлением финансового контроля администрации города Иркутска и Стандартов осуществления муниципального финансового контроля» [4]. В городе Тулун принято два самостоятельных акта: Постановление администрации муниципального образования «город Тулун» от 2 апреля 2014 года № 594 «Об утверждении Порядка осуществления внутреннего муниципального финансового контроля» [5]; Постановление администрации муниципального образования «город Тулун» от 20 апреля 2018 года № 489 «Об утверждении стандартов осуществления внутреннего муниципального финансового контроля» [6]. При этом, содержание таких актов, как правило, соответствует требованиям абзаца второго пункта 3 статьи 269.2

БК РФ [7] в части необходимого содержания. Отличаются в некоторой степени структурой и большим или меньшим объемом дублирования положений БК РФ. Однако, необходимо понимать, что в случае воспроизведения в муниципальном акте положений БК РФ такое дублирование должно быть полным, что не всегда соблюдается, в том числе в связи с изменениями БК РФ.

Таким образом, на сегодняшний день муниципальная нормотворческая практика имеет некоторые различия. Для унификации контрольной практики принято решение о централизации системы стандартов. С 1 июля 2020 года внутренний финансовый контроль будет осуществляться в соответствии с федеральными стандартами, утвержденными Правительством Российской Федерации. Указанную новеллу следует признать положительной, поскольку органы местного самоуправления, как показывает практика, нуждаются в единых руководящих началах проведения контрольных мероприятий.

Следует также приветствовать изменения, произошедшие в сфере регламентации методов муниципального финансового контроля. Так, из числа методов было исключено санкционирование операций, поскольку, этот метод является специфическим, правом использования которого наделяется только Федеральное казначейство, финансовые органы субъектов Российской Федерации и муниципальных образований, и применяется только в рамках исполнения местного бюджета по расходам.

Также существенным изменениям был подвергнут внутренний финансовый аудит. Основной целью внутреннего финансового аудита отдельных участников бюджетного процесса является своевременное выявление и незамедлительное устранение отклонений и ошибок, и, соответственно, оказание содействия в повышении эффективности и результативности работы.

По сути, в статье 160.2-1 БК РФ речь идет о внедрении системы управления финансовыми рисками, что позволит предупреждать финансовые правонарушения, последовательно повысить эффективность использования бюджетных средств. Функционирование такой системы, как отмечается в литературе [8], будет результативным, если будут соблюдаться такие принципы, как:

1) ответственность – каждый субъект внутреннего контроля за ненадлежащее выполнение контрольных функций, предусмотренных должностными обязанностями, должен нести экономическую и (или) дисциплинарную ответственность;

2) сбалансированность – субъекту внутреннего контроля нельзя поручать выполнение функций, не обеспеченных соответствующими организационными (приказ, распоряжение) и техническими (программы, счетные и мерные устройства) средствами для их надлежащего исполнения;

3) своевременное сообщение о выявленных существенных отклонениях – информация о них

должна быть оперативно доведена до лиц, непосредственно принимающих решения по данным отклонениям;

4) соответствие контролирующей и контролируемой систем – степень сложности системы внутреннего контроля хозяйствующего субъекта должна в каждый конкретный момент времени соответствовать степени сложности его бизнеса;

5) постоянство – система внутреннего контроля должна действовать на постоянной основе, что позволит своевременно выявлять отклонения от плановых заданий и норм;

6) комплексность – весь комплекс объектов внутреннего контроля в хозяйствующем субъекте должен быть охвачен его различными формами в зависимости от уровня риска;

7) распределение обязанностей – функции работников аппарата управления распределяются между ними таким образом, чтобы выполнялись требования к формированию контрольной среды.

Создание системы внутреннего контроля и аудита в муниципальном секторе стоит только приветствовать, поскольку это будет способствовать эффективности деятельности органов местного самоуправления и, соответственно, эффективности использования бюджетных средств.

Вместе с тем, принципиально обеспечить независимость подразделений внутреннего финансового аудита, что на местном уровне проблематично, в том числе, вследствие ограниченности финансовых средств. В связи с этим, стоит только приветствовать предусмотренную БК РФ возможность передачи полномочий.

Наряду с этим, по сей день остаются вопросы, решение которых находится вне рамок правовых конструкций. Так, не во всех муниципальных образованиях созданы контрольно-счетные органы. Необходимо отметить, что создание органа местного самоуправления, даже и в минимальных требованиях (согласно Федеральному закону от 7 февраля 2011 года № 6-ФЗ [9] контрольно-счетный орган муниципального образования образуется в составе председателя и аппарата контрольно-счетного органа) мероприятие затратное. Отсутствие финансовых средств на текущие и неотложные нужды местного самоуправления влечет за собой неосуществление необходимых расходов. Особенно ярко это проявляется на уровне поселений. Так, в 2012 году по данным Отчета о деятельности Контрольно-счетной палаты Иркутской области за 2012 год в Иркутской области только 20 % поселений проводили внешнюю проверку своих бюджетов.

Нередко, на практике эта проблема решается путем делегирования полномочий. Согласно пунктам 11 и 12 статьи 3 Федерального закона от 7 февраля 2011 года № 6-ФЗ представительные органы поселений, входящих в состав муниципального района, вправе заключать соглашения с представительным органом муниципального района о пере-

даче контрольно-счетному органу муниципального района полномочий контрольно-счетного органа поселения по осуществлению внешнего муниципального финансового контроля. В порядке, определяемом законами субъектов Российской Федерации, представительные органы муниципальных образований вправе заключать соглашения с контрольно-счетными органами субъектов Российской Федерации о передаче им полномочий по осуществлению внешнего муниципального финансового контроля. Согласно Отчету о деятельности Контрольно-счетной палаты Иркутской области за 2018 год по состоянию на 1 января 2019 года в муниципальных образованиях Иркутской области создано 50 контрольно-счетных органов (II уровень – 42, I уровень – 8). При этом, из 418 поселений области 385 передали полномочия внешнего финансового контроля на уровень районов, не передали полномочия 33 поселения, в 8 поселениях созданы свои контрольно-счетные органы. То есть ситуация значительно улучшилась.

Подводя итог, отметим, что произошедшие изменения в системе муниципального финансового контроля способствуют усилению финансовой дисциплины, как публичных субъектов, так лиц, способствующих образованию муниципальной инфраструктуры. Вместе с тем, по сей день остаются проблемы, решение которых не зависит от изменения тех либо иных правовых конструкций, а требует значительных финансовых вложений.

Примечания:

1. Правовое регулирование финансового контроля в Российской Федерации: проблемы и перспективы: монография / Л.Л. Арзуманова, О.В. Болтинова, О.Ю. Бубнова и др.; отв. ред. Е.Ю. Грачева. М.: НОРМА, ИНФРА-М, 2013. С. 4.

2. Андреев С.А. Роль внутреннего государственного (муниципального) финансового контроля в обеспечении эффективности использования бюджетных средств // Финансовое право. 2017. № 8. С. 25.

3. О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации в части совершенствования государственного (муниципального) финансового контроля, внутреннего финансового контроля и внутреннего финансового аудита: Федеральный закон от 26 июля 2019 г. № 199-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2019. № 30. Ст. 4101.

4. Об утверждении Порядка осуществления муниципального финансового контроля управлением финансового контроля администрации города Иркутска и Стандартов осуществления муниципального финансового контроля: постановление администрации г. Иркутска от 21 февраля 2018 г. № 031-06-116/8 // Иркутск официальный. 2018. 13 марта.

5. Об утверждении Порядка осуществления внутреннего муниципального финансового контроля:

постановление администрации муниципального образования «город Тулун» от 2 апреля 2014 г. № 594 // Тулунский вестник. 2014. 3 апреля.

6. Об утверждении стандартов осуществления внутреннего муниципального финансового контроля: постановление администрации муниципального образования «город Тулун» от 20 апреля 2018 года № 489 // Тулунский вестник. 2018. 26 апреля.

7. Бюджетный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 31 июля 1998 г. № 145-ФЗ

// Собрание законодательства РФ. 1998. № 31. Ст. 3823.

8. Ильин А.Ю. Проблемы и перспективы развития внутреннего государственного финансового контроля // Финансовое право. 2017. № 10. С. 14.

9. Об общих принципах организации и деятельности контрольно-счетных органов субъектов Российской Федерации и муниципальных образований: Федеральный закон от 7 февраля 2011 года № 6-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2011. № 7. Ст. 903.

Меры по совершенствованию антимонопольного регулирующего на основе анализа системы требований к торгам

Бармина Ольга Николаевна,

доцент кафедры трудового
и предпринимательского права
Волго-Вятского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук, г. Киров

Арзамазов Алексей Александрович,

студент 1 курса магистратуры ЗФО
Волго-Вятского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
г. Киров

Measures to improve antitrust regulation based on an analysis of the bidding requirements system

Barmina Olga Nikolaevna,

associate docent of the Department of labor
and business law Volga-Vyatka Institute (branch)
of the University name of O. E. Kutafin (MSAL),
PhD in law, Kirov

Arzamazov Aleksei Aleksandrovich,

1st year student of correspondence course
Volga-Vyatka Institute (branch) of the University
name of O. E. Kutafin (MSAL), Kirov

На современном этапе развития юридической науки серьезное внимание уделяется институту организации торгов, как одному из эффективных конкурентных способов определения стороны договора. Антимонопольные требования к торгам создают необходимые гарантии для развития и поддержания конкуренции в данной сфере.

При этом следует согласиться с точкой зрения А.Ю. Кинева: «Россия – одна из первых стран, где для государства стала очевидной общественной опасностью антиконкурентного поведения участников рынка, в том числе путем вступления в сговоры при проведении торгов» [1].

Таким образом, в целях обеспечения высокого значения торгов в сфере поддержания и развития

В работе приводится анализ системы антимонопольных требований к торгам в российском законодательстве, которая, по мнению авторов, в настоящее время нуждается в уточнении. Авторы предлагают способы совершенствования антимонопольного регулирования этой сферы в целях предупреждения нарушений установленных требований и повышения уровня правовой определенности понятийно-категориального аппарата.

Ключевые слова: торги, антимонопольные требования, добросовестная конкуренция, требования к торгам.

The paper provides an analysis of the system of antitrust requirements for tendering in Russian law, which, according to the authors, currently needs to be clarified. The authors suggest ways to improve antitrust regulation in this area in order to prevent violations of established requirements and increase the level of legal certainty of the conceptual and categorical apparatus.

Key words: bidding, antitrust requirements, fair competition, bidding requirements.

конкуренции сложилась система антимонопольных требований. Однако, их проблема заключается в способе определения исследуемых требований, что провоцирует формирование неограниченного, бессистемного перечня, потенциально создается почва для неоднообразных прецедентов.

Помимо сказанного одной из фундаментальных проблем является отсутствие легального определения антимонопольных требований. Анализ юридической литературы не дает четких примеров раскрытия содержания данного понятия. В связи с этим

видится необходимость в уточнении этого понятия.

Для целей конструирования дефиниции, следует учитывать ключевые особенности торгов.

На основании анализа работ П.В. Крашенинникова [2], О.А. Беляевой [3], Л.Ф. Гатаулиной [4], В.С. Груздева [5], а также положений ст. 447-449 ГК РФ [6] можно выделить ряд признаков: 1) состязательность; 2) победитель – лицо, сделавшее лучшее предложение (в т.ч. ценовое); 3) цель – заключить договор; 4) наличие специальной правовой формы (сложный юридический состав процедуры).

Таким образом, на основании проанализированных элементов понятия, в том числе с учетом практики Федеральной антимонопольной службы РФ [7], экономического значения термина [8], положений ГОСТа 1.1-2002 [9], а также с учетом основных положений антимонопольного законодательства РФ, особенно положений ст. 1 ФЗ «О защите конкуренции» [10], можно дать следующее определение.

Антимонопольные требования к торгам – это совокупность обязательных положений, определяющих необходимые критерии соответствия процедуры состязательного выявления победителя при заключении договора целям поддержания и развития конкуренции.

В качестве решения данной проблемы предлагается устранить пробел в законодательстве путем внесения изменений в ст. 4 ФЗ «О защите конкуренции» и закрепления понятия «антимонопольные требования к торгам».

Исследование российского законодательства демонстрирует, что основным источником антимонопольных требований является ФЗ «О защите конкуренции», а именно ст. 17. Из буквального толкования п. 1 указанного законоположения, следует, что этот перечень не является исчерпывающим. Данный вывод подтверждается позицией Петрова Д.А., в труде «Правовые основы антимонопольного контроля в ходе организации и проведения торгов» [11]. Абстрактный характер указанной нормы представляет собой критерий оценки качества антимонопольных требований потенциально заложенных в содержание иных норм российского законодательства.

Кроме четко сформулированных требований в ст. 17 ФЗ «О защите конкуренции» в данном акте также можно выделить «иные» нормы, в содержании которых также прослеживаются антимонопольные требования к торгам, например:

№	Ссылка	Антимонопольное требование
1	пп. 2 п. 3 ст. 11	запрет на картели, если это приводит к повышению, снижению или поддержанию цен на торгах
2	п. 5 ст. 11	запрет на координацию экономической деятельности хозяйствующих субъектов, если это влечет последствия как в пп. 2 п. 3 ст.11
3	пп. 2 п. 1 ст. 1.1	запрет на согласованные действия конкурентов, если это влечет последствия как в пп. 2 п. 3 ст. 11
4	ст.ст. 15,16	запрет для органа власти как заказчика исключать проведение торгов в силу наличия собственного решения или наличия соглашения с участниками (действия в обход торгов)

Примером содержания анализируемых требований в других правовых актах является ст. 17 Закон РФ «О недрах» [12]. В ней закреплен более точный перечень в сравнении с ФЗ «О защите конкуренции».

Таким образом, нормы, посвященные антимонопольным требованиям, могут уточняться в других законах.

Еще одним актом-примером, который содержит антимонопольные требования, является ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» [13] (далее также – ФЗ О контрактной системе закупок). Требования можно проиллюстрировать на примере п. 2 ст. 8, в котором законодатель абстрактно указывает на запрет любых действий, способных привести к ограничению конкуренции, выраженной «...в необоснованном ограничении числа участников закупок».

Положительным эффектом определения указанной нормы в форме принципа является возможность правоприменителя обосновывать свое решение в пределах аналогии права.

В развитии данного принципа в пп. 1 п.1 ст. 33 ФЗ «О контрактной системе закупок» содержится антимонопольное требование к торгам в виде запрета описывать объект таким образом, который приводил бы к ограничению количества участников торгов.

Из анализа разъяснения п.18 Обзора судебной практики от 28.06.2017 [14] следует, что судебная практика исходит из одновременного установления нарушений не только ст. 33, но и принципов, в частности п. 2 ст. 8 ФЗ «О контрактной системе».

Подобная конструкция обусловлена тем, что в том же Обзоре в п. 2 содержится исключения из антимонопольного требования ст. 33, когда специфика использования товара, в частности, позволяет ссылаться на конкретного производителя, когда на рынке еще не появились аналоги, например для инновационных технологий, новых лекарственных препаратов и т.п.

Одним из примеров взаимосвязанного применения подобных норм является Решение Арбитражного суда Свердловской области от 19.09.2019 по делу № А60-31117/2019 [15].

Так, ответчик в рамках электронного аукциона нарушил правила заказа, описав объект – автомобиль таким образом, что указывался конкретный производитель и модель, в частности Toyota Camry, комплектация престиж Safety. При этом суд согласился с доводами истца, что без указания данного производителя под иные спецификации заказа подходил ряд других вариантов, в частности, Hyundai Sonata Business, KIA Optima, Mazda 6 Executive, Volkswagen Passat Business, Skoda Superb.

Таким образом, суд установил ограничение конкуренции на основании того, что участником торгов может быть только одно лицо, предложившее указанную в заказе модель, при наличии целого ряда аналогов. В мотивировочной части одновременно имелись ссылки на п. 2 ст. 8 и ст. 33 ФЗ «О контрактной системе».

Проведенный анализ законодательства и практики в сфере антимонопольных требований к торгам позволяет сделать вывод о том, что критерий, указанный в п. 1 ст. 17 ФЗ «О защите конкуренции», является весьма абстрактным, однако, именно он задает вектор развития правового регулирования в данной сфере. Сформулированный критерий в ст. 17 позволяет расширить перечень требований, закрепить их в ряде других законов, если это необходимо для более детальной регламентации отношений, в целях максимального предотвращения антиконкурентного поведения.

С другой стороны, подобная регламентация может привести к сложностям правоприменения, к конкуренции норм антимонопольного и специального законодательства.

Так, различные министерства и ведомства могут формировать потенциальный массив требований, но их применение на практике будет предполагать необходимость признания уполномоченным органом целесообразности существования данных требований, защиту интересов конкуренции от чрезмерных ограничений.

Критерий п. 1 ст. 17 ФЗ «О защите конкуренции» создает возможность весьма оценочного толкования: «запрещаются действия, которые приводят или могут привести к недопущению, ограничению или устранению конкуренции». В данном случае думается, что вопрос толкования ст. 17 названного закона должен решаться при помощи разъяснений со стороны Верховного Суда РФ.

Применительно к муниципальным образованиям целесообразным будет издание различных разъясняющих положений ненормативного характера в виде инструкций, писем, положений. Эти разъяснения следует воспроизводить и в документах, посвященных порядку проведения торгов, давать ссылки на акты, поясняющие систему требований.

Суммируя изложенное выше, следует отметить, что система антимонопольных требований к торгам должна быть уточнена законодателем (следует дать определение понятию «антимонопольные требования к торгам», уточнить сами требования, обобщить и разработать рекомендации Верховному Суду РФ), поскольку анализ этой сферы убеждает в том, что она носит фрагментарный характер, в ней нет четко выраженной концепции, которая могла бы служить надежным ориентиром для правоприменителя.

Примечания:

1. Кинев А.Ю. Антимонопольный «заслон» сговорам на торгах // Юрист. 2011. № 16 / СПС «КонсультантПлюс».

2. Гатаулина Л.Ф. Правовое регулирование организации и проведения торгов: учеб. пособие / Л.Ф. Гатаулина; под ред. Н.П. Антипова; ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права». 2-е изд., испр. и доп. – Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2011. С. 44.

3. Беляева О.А. Предназначение торгов // Журнал российского права. 2013. № 10.

4. Гатаулина Л.Ф. Правовое регулирование организации и проведения торгов: учеб. пособие / Л.Ф. Гатаулина; под ред. Н.П. Антипова; ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права». 2-е изд., испр. и доп. – Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2011. С. 44.

5. Груздев В. Торги: понятие, правовая природа, признание недействительными // Хозяйство и право. 2004. № 7. С. 25.

6. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 18.07.2019) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2019) // Официальный интернет-портал правовой информации www.pravo.gov.ru (дата обращения 02.12.2019).

7. Официальный сайт Федеральной антимонопольной службы URL: <https://fas.gov.ru/pages/vazhnaya-informacziya/nauka-i-obrazovanie/nauka-i-obrazovanie/azbukaFAS> (дата обращения: 25.11.2019).

8. Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б. Современный экономический словарь. – 6-е изд., перераб. и доп. – М. (ИНФРА-М, 2011).

9. ГОСТ 1.1-2002 Межгосударственная система стандартизации (МГСС). Термины и определения // СПС «Кодекс» (дата обращения: 25.11.2019).

10. Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ (ред. от 18.07.2019) «О защите конкуренции» // Официальный интернет-портал правовой информации www.pravo.gov.ru (дата обращения 02.12.2019).

11. Петров Д.А. Правовые основы антимонопольного контроля в ходе организации и проведения торгов // Вестник СПбГУ. Серия 14. Право. 2010. №1. С. 41. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-osnovy-antimonopolnogo-kontrolya-v-hode-organizatsii-i-provedeniya-torgov> (дата обращения: 02.12.2019).

12. Закон РФ от 21.02.1992 № 2395-1 (ред. от 02.08.2019) «О недрах» // Официальный интернет-портал правовой информации www.pravo.gov.ru (дата обращения 02.12.2019).

13. Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ (ред. от 27.06.2019) «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2019) // Официальный интернет-портал правовой информации www.pravo.gov.ru (дата обращения 04.12.2019).

14. Обзор судебной практики применения законодательства Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 28.06.2017) // СПС «Консультант плюс» (дата обращения 04.12.2019).

15. Решение Арбитражного суда Свердловской области от 19.09.2019 по делу № А60-31117/2019 // электронное правосудие www.kad.arbitr.ru (дата обращения: 10.02.2020).

Основные направления развития полномочий органов местного самоуправления в контексте реализации Стратегии экологической безопасности

Main directions of development of the powers of local self-government bodies in the context of implementation of the environmental safety Strategy

Кирилловых Андрей Александрович,

доцент кафедры трудового
и предпринимательского права
Волго-Вятского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук, доцент, г. Киров

Kirilllovykh Andrey Aleksandrovich,

Associate Professor of the Department of labor and
business law Associate of Volga-Vyatka Institute
(branch) of Kutafin Moscow State Law University
(MSAL), PhD, associate professor, Kirov

Сурманидзе Илья Нодариевич,

заведующий кафедрой правового обеспечения
государственной и муниципальной службы,
заведующий кафедрой государственно-
правовых дисциплин Кировского филиала
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте
Российской Федерации, доцент кафедры
конституционного, административного права
и правового обеспечения государственной
службы Вятского государственного
университета, кандидат юридических наук,
доцент, г. Киров

Surmanidze Ilya Nodarievich,

head of the Department of legal support state
and municipal services, head of the Department
of state and legal disciplines Kirov branch of the
Russian Academy of national economy and public
administration under the President of the Russian
Federation, associate Professor of constitutional
and administrative law and legal support of the
public service Vyatka state University, PhD, associate
professor, Kirov

В статье рассматриваются отдельные проблемы реализации муниципального экологического контроля как одного из видов публичного контроля в рамках Стратегии экологической безопасности. Предложены меры по дальнейшей легализации и совершенствованию муниципального экологического контроля в рамках формирования гражданского общества в Российской Федерации.

Ключевые слова: контроль, надзор, экология, право, государство, муниципалитет, общество.

The article deals with some problems of implementing municipal environmental control as a type of public control within the framework of the environmental safety Strategy. The measures for further legalization and improvement of municipal environmental control in the framework of the formation of civil society in the Russian Federation are proposed.

Key words: monitoring, oversight, ecology, law, State, municipality, community.

Стратегии как неотъемлемый элемент государственной жизни достаточно прочно вошли в арсенал средств, который использует руководство нашей страны для проведения взвешенной политики по поступательному развитию Российской Федерации и реализации ее национальных интересов.

Отправной точкой для создания документов стратегического характера является Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О стратегическом планировании в Российской Федерации», определивший правовые основы стратегического планирования в РФ, координации госу-

дарственного и муниципального стратегического управления, и бюджетной политики.

Закон не дает определение понятия «стратегия», но имеется понятие «документ стратегического планирования». Поэтому из предложенного законодателем перечня понятий можно заключить, что когда идет речь о стратегии, то под ней в широком смысле подразумевается документ стратегического планирования.

Безусловно, что долгосрочным ориентиром, вокруг которого выстраивается деятельность всего государственного механизма в нашей стране – обеспечение национальной безопасности. Подтверждением этому служит подписанный 31.12.2015 Президентом РФ В.В. Путиным Указ № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации».

Анализ содержания данного документа показывает, что Стратегия представляет собой план действий государства по всем направлениям общественной жизни, который должен быть подстроен под стремительно изменяющиеся условия глобального мирового порядка, с учетом роли России в современной геополитике. Стратегия основана на неразрывной взаимосвязи и взаимозависимости национальной безопасности Российской Федерации и социально-экономического развития страны.

Среди прочих Стратегия отдельно выделяет проблемы окружающей среды и продовольственной безопасности, подчеркивая также наличие дефицита пресной воды, последствий изменения климата, распространение эпидемий, многие из которых вызваны новыми, неизвестными ранее вирусами. Кроме того, в качестве основных угроз государственной и общественной безопасности в сфере экологии Стратегия называет стихийные бедствия, аварии и катастрофы, в том числе связанные с глобальным изменением климата, ухудшением технического состояния объектов инфраструктуры и возникновением пожаров (п. 43). В свою очередь, экологическая безопасность определяется как состояние защищенности человека, общества и государства от экологических угроз, а обеспечение экологической безопасности – деятельность по предотвращению экологических угроз [1].

В литературе справедливо отмечают важность в рамках реализации государственной политики в области экологического развития, использование и сохранение природных ресурсов установление долгосрочных целевых программ исходя из интересов всего населения, проживающего на соответствующих территориях, и будущих поколений [2].

Строго говоря, Закон о стратегическом планировании упоминает лишь о стратегии социально-экономического развития публично-правовых образований, и в этом контексте Стратегия экологической безопасности может рассматриваться как документ стратегического планирования весьма условно. В тоже время, если предметно вести речь

о Стратегии экологической безопасности, то такого рода акты рассматриваются как документы стратегического планирования, разрабатываемые в рамках целеполагания по отраслевому принципу [3].

Таким образом, появление акта целеполагания в сфере экологической политики в виде стратегии не представляется чем-то нелогичным, и выпадающим из общего фона документов стратегического характера, принимаемых на государственном уровне.

На этом основании в рамках определения перспектив долгосрочного планирования развития экологической ситуации в стране Указом Президента РФ от 19.04.2017 № 176 утверждена «Стратегия экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года». Важность принятия данного документа трудно переоценить, поскольку в самой Стратегии указано, что Экологическая безопасность Российской Федерации (далее – экологическая безопасность) является составной частью национальной безопасности, а Стратегия, в свою очередь, – документ стратегического планирования в сфере обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, определяющий основные вызовы и угрозы экологической безопасности, цели, задачи и механизмы реализации государственной политики в сфере обеспечения экологической безопасности.

Вполне обоснованным является понимание стратегии, прежде всего, как всестороннего комплексного плана, предназначенного для того, чтобы обеспечить осуществление миссии государства для достижения сформулированных и понятных целей [4].

В качестве основных угроз экологической безопасности на основе оценки ее текущего состояния Стратегия называет неблагоприятное качество воды в водных объектах, практически во всех регионах страны сохраняется тенденция к ухудшению состояния земель и почв, значительно растет объем отходов производства и потребления.

Из Стратегии следует (п. 26), что решение основных задач в области обеспечения экологической безопасности должно осуществляться по приоритетным направлениям, куда также относится совершенствование законодательства в области охраны окружающей среды и природопользования, а также институциональной системы обеспечения экологической безопасности (пп. «а» п. 26).

Кроме того, в числе основных механизмов реализации государственной политики в сфере обеспечения экологической безопасности (пп. «а», «л», «м», п. 27) указываются:

- принятие мер государственного регулирования выбросов парниковых газов, разработка долгосрочных стратегий социально-экономического развития, предусматривающих низкий уровень выбросов парниковых газов и устойчивость экономики к изменению климата;

- повышение эффективности государственного экологического надзора, производственного контр-

оля в области охраны окружающей среды (производственного экологического контроля), общественного контроля в области охраны окружающей среды (общественного экологического контроля) и государственного экологического мониторинга (государственного мониторинга окружающей среды), в том числе в отношении объектов животного и растительного мира, земельных ресурсов;

- повышение эффективности надзора за исполнением органами государственной власти субъектов Российской Федерации переданных Российской Федерацией полномочий в области охраны и использования объектов животного мира;

- создание системы экологического аудита.

Таким образом, можно констатировать, что в рамках регулирования совершенствования государственной контрольно-надзорной деятельности в сфере экологии Стратегия ведет речь о необходимости дальнейшего повышения ее эффективности, не предлагая конкретных параметров оценки и инструментов реализации конкретных контрольно-надзорных мероприятий.

Конечно, реализации стратегических планов не может быть обеспечена без надлежащей институциональной основы, определенной «перестройки» системы государственных органов, уполномоченных в сфере экологии, а также необходимого взаимодействия с органами местного самоуправления, местным сообществом.

Практика зарубежных стран показывает высокий уровень эффективности институтов гражданского общества в области охраны окружающей среды, в том числе в рамках экологического контроля [5]. Например, еще в начале 90-х годов прошлого века в Европе прочно закрепились и вошли в обиход понятие «участие общественности» в выработке решений по охране окружающей среды [6]. Причем, участие общественности в государственных вопросах охраны экологии определяется широким спектром взаимодействия [7], помогает донести широкую палитру мнений местных сообществ до уполномоченных органов [8]. В свою очередь, доступ к информации об окружающей среде позволяет гражданам активно включаться в процесс контроля деятельности как самих контролируемых органов, так частных организаций, способных нанести вред окружающей среде [9]. Результаты подобной практики являются вполне логичными, поскольку только местные сообщества способны решить экологические проблемы в рамках ареала своего проживания, наиболее полно владеют информацией об особенностях экологической обстановки, а также факторах, на нее влияющих, хозяйственной и экономической жизни отдельных территорий.

Необходимо, на наш взгляд, обратить внимание на опыт других стран, которые испытывают достаточно высокий уровень техногенной нагрузки, что вынуждает национальные правительства выстраивать многоступенчатую систему экологического

контроля. Так, например, в Германии используется трехуровневая система экологического контроля, где самостоятельный уровень образует муниципальный контроль, включающий в себя контроль состояния природных экосистем, санитарный контроль, контроль безопасности продуктов питания и т.п.

Можно констатировать, что система экологического контроля, построенная на разумном паритете и взаимодействии всех уровней контрольной деятельности (публичной и частной), эффективно обеспечивает интересы в сфере экологической безопасности как населения отдельного муниципально-образования, так и государства в целом.

Следует учесть, что в настоящий период осуществление муниципального земельного контроля вступает в противоречие с действующим Федеральным законом «Об охране окружающей среды», в котором подобная контрольная деятельность муниципальных органов власти не предусмотрена. Представляется вполне обоснованным и жизненно необходимым введение в легальный оборот понятия муниципального экологического контроля, как составной части контрольно-надзорных форм деятельности уполномоченных органов в сфере охраны окружающей среды.

Примечания:

1. Русин С.Н. Какой быть Стратегии экологической безопасности Российской Федерации? // Журнал российского права. 2014. № 7. С. 32-40.

2. Мухлынина М.М., Виноградова Е.В. Государственная политика в области экологического развития Российской Федерации и анализ компетенции субъектов, реализующих данную политику // Безопасность бизнеса. 2017. № 2. С. 38-42.

3. Коростелев Н.Ю., Зиновьева Н.Б. Документы стратегического планирования в контексте Федерального закона «О стратегическом планировании в Российской Федерации» // Делопроизводство. 2015. № 1. С. 49-53.

4. Никчемная Е.А. Право как средство государственного стратегического планирования: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. С. 7-8.

5. Питрюк А.В. Правовые основы экономического регулирования природопользования и охраны окружающей среды: Тезисы международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы управления – 2013». – М.: ГУУ, 2013.

6. Richardson B.J. and Razzaque J. Public Participation in Environmental Decisionmaking // Environmental Law for Sustainability / Eds. Richardson B.J. and Wood S. Oxford: Hart Publishing, 2006. P. 168.

7. Plessis A. du. Public Participation, Good Environmental Governance and Fulfillment of Environmental Rights // P.E.R. 2008. Vol. 2. P. 6

8. Holder J., Lee M. Environmental Protection, Law and Policy: Text and Materials. Oxford, 2007. P. 87.

9. Anton D.K., Shelton D.L. Environmental Protection and Human Rights. Cambridge, 2011. P. 357.

Уголовно-правовое значение свойств потерпевшего от преступления

Criminal-legal value of special properties of the victim of a crimes

Рогова Наталья Николаевна,

доцент кафедры уголовного права и криминологии Волго-Вятского института (филиала) Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, доцент, г. Киров

Rogova Natalya Nikolaevna,

Associate Professor of Criminal Law and Criminology of Volga-Vyatka Institute (branch) of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), PhD, Associate Professor, Kirov

В некоторых статьях Особенной части УК РФ имеются признаки, придающие обязательное или квалифицирующее значение особым качествам потерпевшего. Предметом исследования являются проблемы отражения в уголовно-правовых нормах признаков, характеризующих потерпевшего. В данном вопросе, в частности, присутствуют сложности, обусловленные толкованием понятия и основаниями возникновения беспомощного состояния.

Постановление Пленума ВС РФ от 27 января 1999 г. № 1, «О судебной практике по делам об убийстве (ст.105 УК РФ)» к лицам, находящимся в беспомощном состоянии, относит: тяжелобольных, престарелых, лиц, страдающих психическими расстройствами, лишаящими их способности правильно воспринимать происходящее. В то же время «престарелый возраст» – достаточно условное понятие, далеко не всегда означающее физическую

Во многих нормах Особенной части Уголовного кодекса РФ юридическое значение придается таким качествам потерпевшего, как беременность, престарелый возраст, беспомощное состояние, болезнь и зависимость от виновного. В них они учтены как криминообразующие или квалифицирующие признаки. Предметом исследования являются проблемы отражения в уголовно-правовых нормах характеризующих потерпевшего признаков. В статье анализируются признаки беспомощного состояния потерпевшего, выявляются различия в толковании данного понятия в судебной практике. Автор приходит к выводу о том, что отсутствие законодательного закрепления понятия и признаков беспомощности потерпевшего затрудняет применение уголовного закона.

Ключевые слова: уголовный закон, потерпевший, беспомощное состояние, физическая и психическая беспомощность, алкогольное опьянение, заведомость.

In many norms of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation legal significance is attached to such qualities of the victim as pregnancy, old age, helplessness, illness and dependence on the culprit. They are considered as criminally-based or qualifying attributes. The main point of the research is the problems of reflection of the norms characterizing the victim signs in the criminal law. The article analyzes elements of a helpless state of a victim, reveals differences in interpretation of this notion in judicial practice. The author concludes that absence of legislative framework for the notion and elements of helplessness of a victim complicates application of criminal law.

Key words: criminal law, victim, helpless state, physical and mental helplessness, alcoholic intoxication, actual knowledge.

беспомощность. Например, вряд ли можно отнести к беспомощному состоянию пенсионный возраст бывшего спортсмена, занимавшегося силовыми видами спорта. Вызывает сложности признание беспомощного состояния потерпевшего, который страдает психическими расстройствами, поскольку в некоторых случаях он может себя защитить. Поэтому подход на практике к признаку беспомощного состояния потерпевшего неоднозначен. Так, в судебной практике во многих случаях не квалифицируется как убийство лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии, когда сам виновный в процессе убийства привел потерпевшего в состояние сонливости и заторможенности. Однако, можно привести примеры квалификации по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ в

случае приведения потерпевшего лица в бессознательное состояние действиями самого виновного в процессе причинения смерти [1].

Противоречивая оценка дается судами при квалификации и в случаях, когда потерпевший находится в состоянии сильного алкогольного опьянения или состоянии сна. В одном случае суд указывает, что беспомощное состояние потерпевшего заключается в сильном алкогольном опьянении, в другом – Судебная коллегия по уголовным делам ВС РФ указала, что «факт сильного алкогольного опьянения и сна потерпевших не может рассматриваться как заведомо для виновного их беспомощное состояние» [2].

Интересную позицию высказывают некоторые ученые относительно квалификации при определении признаков потерпевшего. Например, К.В. Дядюн полагает: «Беспомощное состояние» следует понимать как неспособность лица сопротивляться либо уклоняться от преступного посягательства в силу психологических или физиологических особенностей, осознаваемых виновным. Основания возникновения беспомощного состояния не должны влиять на квалификацию вне зависимости от того, сам ли потерпевший привел себя в означенное состояние либо оно было достигнуто при содействии виновного лица» [3]. Вместе с тем, в судебной практике сформировалась иная позиция относительно оценки действий лица, которое приводит потерпевшего в беспомощное состояние. Так, в постановлении Президиума ВС РФ, № 89П18, отмечено: «Убийство лица, заведомо для виновного, находящегося в беспомощном состоянии, не может быть квалифицировано по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ, если виновный привел потерпевшего в это состояние своими преступными действиями. Установлено, что Б., имея умысел на причинение А. телесных повреждений на почве личных неприязненных отношений, предложил О., С. и З. за денежное вознаграждение избить последнего. Получив их согласие, Б. совместно с О., С. и З. нанесли потерпевшему множественные удары руками и ногами по различным частям тела, причинив вред здоровью средней тяжести, в результате чего потерпевший потерял сознание. После избиения осужденные перенесли находившегося в бессознательном состоянии потерпевшего в лесопосадки. С целью предотвращения возможного обращения потерпевшего в правоохранительные органы об избиении Б. предложил убить его и передал О. свой брючный ремень. Осужденные О. и С. накинули ремень на находившегося в беспомощном состоянии потерпевшего и задушили его. Смерть потерпевшего наступила в результате тупой травмы шеи, сопровождавшейся асфиксией. Суд первой инстанции квалифицировал действия Б. по п. «г» ч. 2 ст. 112, ч. 5 ст. 33, п.п. «в», «ж», «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ, а С. – по п. «г» ч. 2 ст. 112, п.п. «в», «ж», «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Суд кассационной инстанции оставил указанный приговор без изменения. Президиум ВС РФ изменил судебные решения в отношении С. и Б. по следующим основаниям. По смыслу уголовного закона по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ надлежит квалифицировать умышленное причинение смерти по-

терпевшему, не способному в силу физического или психического состояния защитить себя, оказать активное сопротивление виновному, когда последний совершая убийство, сознает это обстоятельство. К лицам, находящимся в беспомощном состоянии, могут быть отнесены, в частности, тяжелобольные, престарелые, лица, страдающие психическими расстройствами, лишаящими их способности правильно воспринимать происходящее. Как установлено судом, осужденные, в том числе С. и Б., избили потерпевшего, причинив ему вред здоровью средней тяжести, доведя его до бессознательного состояния, затем с целью сокрытия преступления совершили его убийство. Основанием для признания в действиях осужденных квалифицирующего признака, предусмотренного п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ, явилось то обстоятельство, что потерпевший находился в заведомо для осужденных в беспомощном состоянии в результате избиения осужденными. Приведение потерпевшего в беспомощное состояние перед совершением убийства самим виновным, как это установлено судом по данному делу, не является основанием для квалификации его действий по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Состояние, в котором находился потерпевший в момент лишения его жизни, не может быть признано беспомощным по смыслу п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ. С учетом изложенного Президиум исключил из судебных решений осуждение С. по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ, а Б. – по ч. 5 ст. 33, п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ со смягчением назначенного им наказания за это преступление» [4].

Проблемы определения рассматриваемого конструктивного признака имеются и при квалификации преступлений против половой свободы. В п. 5 Постановления Пленума ВС РФ от 4 декабря 2014 г. № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности», говорится, что изнасилование следует признавать совершенным с использованием беспомощного состояния потерпевшей в тех случаях, когда она в силу своего физического или психического состояния (слабоумие или другое психическое расстройство, физические недостатки, иное болезненное либо бессознательное состояние), возраста (малолетнее или престарелое лицо) или иных обстоятельств не могла понимать характер и значение совершаемых с ней действий либо оказать сопротивление виновному. Беспомощность потерпевшей в таких преступлениях может быть вызвана как физическим, так и психическим состоянием, когда она не может понимать характер и значение совершаемых с нею действий, то есть психическая беспомощность. Таким образом, беспомощное состояние может быть обусловлено различными физическими и психическими заболеваниями, состоянием инвалидности, сильной степенью опьянения, престарелым или малолетним возрастом.

Причины возникновения беспомощного состояния потерпевшей могут быть различными: ее психи-

ческое или соматическое заболевание, наличие физических недостатков, бессознательное состояние, состояние опьянения, престарелый или малолетний возраст. При этом необходимо установить, что виновный не только осознавал данный факт, но и использовал его для совершения преступления. Когда виновный осознавал, что потерпевшая находится в беспомощном состоянии, еще до начала выполнения деяния, его действия следует квалифицировать с использованием этого беспомощного состояния. Поэтому квалификация преступления, когда виновный воспользовался беспомощным состоянием потерпевшей до начала совершения преступления, редко вызывает сомнения. Когда же потерпевшая оказалась в беспомощном состоянии, например, потеряла сознание, в результате примененного насилия, оценка действий виновного на практике неоднозначна. Следует согласиться с мнением А.В. Дыдо, который считает, что «состояние беспомощности поглощается признаком применения насилия, т.е. беспомощное состояние следует как неминуемый побочный результат действий виновного лица, направленных на преодоление сопротивления. В этом случае не должно идти речи об осознанном использовании беспомощного состояния потерпевшего»[5]. Однако на практике имеют место отличные от этой позиции примеры. В кассационном определении Судебной коллегии по уголовным делам Санкт-Петербургского городского суда указано, что Ф. был признан виновным в совершении изнасилования с применением насилия к потерпевшей и использованием ее беспомощного состояния: он нанес потерпевшей не менее 3 ударов кулаками по голове и 2-3 удара по телу, после чего она потеряла сознание. Когда она пришла в себя, то поняла, что лежит на спине на диване, а Ф. совершает с ней половой акт в естественной форме. Кассационная инстанция оставила приговор без изменения [6]. Другие авторы, например, Т.В. Кондрашова, справедливо считают, что необходимо учитывать оба обязательных признака – применение физического насилия и использования беспомощного состояния потерпевшей в том случае, когда она была приведена в бессознательное состояние путем введения в организм одурманивающих веществ[7].

В связи с противоречиями в судебной практике можно предложить внести дополнение в п. 5 по-

становления Пленума ВС РФ от 4 декабря 2014 г. № 16: «Если виновный, имея умысел на совершение изнасилования, или насильственных действий сексуального характера, привел потерпевшую (потерпевшего) действиями, совершенными с применением насилия, в процессе совершения преступления в беспомощное (бессознательное) состояние, его действия не могут быть квалифицированы как изнасилование, или насильственные действия сексуального характера потерпевшего, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии». Так же, исходя из примеров в судебной практике, можно предложить внести дополнение относительно этого признака в Постановление Пленума ВС РФ от 27 января 1999 г. № 1: «Если виновный, имея умысел на лишение жизни, привел потерпевшего действиями, совершенными с применением насилия, в процессе совершения преступления, в беспомощное (бессознательное) состояние, его действия не могут быть квалифицированы как убийство лица, заведомо для виновного, находящегося в беспомощном состоянии».

Примечания:

1. Бюллетень ВС РФ. 2012. № 5. С. 17.
2. ВС РФ. Официальный сайт. URL: http://www.vsrfr.ru/vscourt_detale.php?id=6174 (дата обращения 19.05.2019).
3. Дядюн К.В. Проблемы толкования и применения критерия «заведомость» при квалификации убийств // Журнал российского права. 2018. № 5. С. 86-95.
4. Обзор судебной практики ВС РФ № 3 (2018). Постановление Президиума ВС РФ № 89П18/ Утв. Президиумом ВС РФ 14 ноября 2018 г. // СПС «Консультант плюс».
5. Дыдо А.В. Изнасилование: проблемы уголовно-правовой квалификации: Дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2006. С. 69.
6. Судебная коллегия по уголовным делам Санкт-Петербургского городского суда по делу № 22-506/2011 (№ 1-539/2010)// URL: <https://rospravosudie.com/>
7. Кондрашова Т.В. Полный курс уголовного права: В 5 т. / Под ред. А.И. Коробеева. СПб.: Юридический центр Пресс, 2008. Т. II: Преступления против личности. С. 513-514.

Консультирование для родителей детей с нарушениями развития

Counseling for parents of children with developmental disabilities

Каракпаева Сарбиназ Куанышбековна,
преподаватель кафедры «Психология
и специальная педагогика»
Южно-Казахстанский государственный
университет им. М. Ауэзова, г. Шымкент,
Республика Казахстан

Karakpaeva Sarbinaz Kuanyshbekovna,
Lecturer, Department of Psychology and Special
Pedagogy South Kazakhstan State University
of M. Auezov, Shymkent, Republic of Kazakhstan

В работе педагога с родителями в условиях инклюзивного образования можно выделить такие основные составляющие: поддержка родителей детей с особенностями психофизического развития (далее – ОПФР), просветительская работа с родителями обычных детей, их подготовка к совместному обучению всех детей и работа со всеми родителями класса на основе партнерских отношений. Установление партнерских отношений – это последовательный пролонгированный процесс, проходящий в своем становлении ряд этапов:

- начальный этап предполагает установление простейших контактов в целях обмена информацией (важным моментом является подтверждение взаимных ожиданий: например, родители обеих групп детей и учитель в качестве важной считают задачу создания условий общения и взаимодействия детей в классе, и первым шагом является знакомство друг с другом);

- этап сотрудничества определяет решение определенных образовательных проблем совместными усилиями (например, помощь учителю в подготовке или подборе учебных средств, дидактических матери-

Семья имеет право выбирать форму получения образования своего ребенка; определять вид учреждения образования; призвана обеспечить освоение ребенком образовательных программ, формируя индивидуальный образовательный маршрут, обозначая требования к образовательным результатам, что предполагает усиление роли семьи в образовательном процессе. Взаимодействие с родителями следует строить на диагностической основе, дающей представления о характере взаимоотношений между членами семьи.

Ключевые слова: взаимодействие педагога с родителями, инклюзивное образование, образование, дети с особенностями психофизического развития.

The family has the right to choose the form of education for their child; determine the type of educational institution. It is designed to ensure that the child learns educational programs, forming an individual educational route, denoting the requirements for educational results, which suggests the strengthening of the role of the family in the educational process. Interaction with parents should be built on a diagnostic basis, giving an idea of the nature of the relationship between family members.

Key words: interaction between teachers and parents, inclusive education, education, children with special needs.

алов с учетом образовательных потребностей всех детей класса);
- этап эффективной совместной деятельности – взаимопонимание и взаимодействие всех сторон в достижении общей цели (например, организация экскурсионной поездки детей и родителей всего класса) [1, с. 51].

Организуя взаимодействие с родителями, учитель ставит перед собой ряд задач, среди которых могут быть такие: установление партнерских отношений с родителями; объединение усилий родителей всех детей класса для развития, обучения, воспитания, социализации детей; создание атмосферы общности интересов; активизация и обогащение воспитательных умений родителей, поддержание их уверенности в собственных педагогических возможностях; личностное и социальное развитие родителей, формирование навыков социальной активности и конструктивного поведения [2, с. 30].

Взаимодействие учителя с родителями, их сопровождение в условиях инклюзивного образования опирается на следующие принципы:

1) принцип априорного уважительного отношения между партнерами по общению или принцип

«презюмции родительской компетенции» в сочетании с повышением уровня образовательного потенциала семьи означает, с одной стороны, признание наличия индивидуального опыта родителей в воспитании своего ребенка, а с другой – расширение возможностей семьи, направленных на полноценное осуществление функций обучения, воспитания и социализации воспитывающихся в ней детей, и реализуется в построении партнерских отношений между учителем и родителями на основе обмена и взаимообогащения педагогического опыта;

2) принцип комплексного подхода предполагает привлечение группы специалистов (учителя-дефектолога, педагога-психолога, социального педагога). Содержание работы группы специалистов направляется на решение как образовательных (просветительских), так и психологических задач (формирование адвокативных компетенций, моделей ассертивного поведения, уверенности в своих силах и силах своего ребенка). Реализация этого принципа предполагает дифференцированную диагностику учебной деятельности, успешности продвижения ребенка по разработанному образовательному маршруту, возникающих затруднений и их причин, характера взаимодействия в коллективе детей, подбор и/или разработку дидактических материалов и учебных средств. Участие родителей в получении необходимой информации, ее анализе и обсуждении вариантов решения возникающих образовательных задач рассматривается как необходимое условие;

3) принцип учета субъектности позиции семьи в обучении, воспитании, социализации каждого ребенка. Сегодня семья имеет право выбирать форму получения образования своего ребенка; определять вид учреждения образования; призвана обеспечить освоение ребенком образовательных программ, формируя индивидуальный образовательный маршрут, обозначая требования к образовательным результатам, что предполагает усиление роли семьи в образовательном процессе. Семья является групповым субъектом и объективно становится «субъектом образовательного пространства, имеющим характеристики самостоятельности, ответственности, активности». Реализация этого принципа предполагает: а) активное включение семьи в образовательное пространство при понимании семьи как группового субъекта, в который включен ребенок, имеющего единые цели в вопросах образования, а также создание условий удовлетворения семьей индивидуальных образовательных потребностей ребенка; б) стимулирование активности членов семьи и направление ее на обучение, воспитание, социализацию ребенка, умение соотносить образовательный запрос с результатами, способность к «адекватной оценке эффективности собственного участия в образовательном процессе с точки зрения результатов образования ребенка»;

4) принцип системности, систематичности, непрерывности и последовательности сопровождения

означает, что работа с семьей представляет собой сложно организованный динамический согласованный процесс, в который включены все формы работы, все направления образовательной деятельности в четкой, логически оправданной последовательности. Реализация этого принципа предполагает построение системы групповой и индивидуальной работы с родителями класса. Планирование такой работы должно носить как долгосрочный (на учебный год), так и кратковременный характер (на одну четверть), учитывать особенности родительского запроса и согласовываться с работой по сопровождению родителей учителем-дефектологом, педагогом-психологом, социальным педагогом, администрацией школы;

5) принцип семейно-ориентированного подхода с центрацией на личности ребенка означает признание целостности семьи, условности прав родителей и априорной абсолютности прав ребенка, права семьи на самоопределение, основанное на уважении права членов семьи на жизнь в соответствии с ценностями, стандартами и понятиями, которые соответствуют их «корням», их культурному наследию, уважение уникальности каждой личности. Реализация принципа предполагает проведение диагностики отношений в семье, просветительскую работу с родителями на основе уважительного толерантного отношения к позициям родителей, их оценкам и суждениям. Советы и пожелания, высказываемые педагогом (учителем-дефектологом, педагогом-психологом, социальным педагогом), должны иметь рекомендательный характер и однозначно определять приоритет интересов и особых потребностей ребенка (быть «на стороне ребенка»);

7) принцип индивидуализации форм и методов работы учителя с учетом родительского запроса, особенностей восприятия ребенка родителями, видения его жизненной перспективы предполагает опору на данные предварительной педагогической диагностики родительской позиции и реализуется посредством подбора адекватных форм и методов работы с родителями [3, с. 15].

Примечания:

1. Андреева А.К. К проблеме инклюзивного воспитания и обучения. – М., 2012. С.51.

2. Алехина С.В. Инклюзивное образование: история и современность. – М., 2013. С. 33.

3. Лекерова Г.Ж., Калыбекова С.К. Особенности психического развития детей с ограниченными возможностями здоровья. Инновации в образовании. – Москва, 2010. № 10. С. 13-17.

4. Лекерова Г.Ж., Калыбекова С.К. Система организации сопровождения образовательной деятельности детей с ограниченными возможностями здоровья. XLIV МНПК Научная дискуссия: инновации в современном мире. – М., 2015. Изд. Интернаука. 2015. № 12 (43). Ч. 2. С. 113-119.

Практика обращения взыскания на часть единственного жилого помещения должника-гражданина в свете парадигмы института общей собственности

Practice of foreclosure for a part of the sole dwelling of a citizen debtor from the point of view of the paradigm of the institute of common property

Савельев Дмитрий Борисович,

доцент кафедры гражданского права и процесса Волго-Вятского института (филиала) Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, г. Киров

Savelyev Dmitriy Borisovich,

PhD (Law), Associate Professor, Kutafin Moscow State Law University (Volga-Vyatka branch), Kirov

Справедливым желанием кредитора является полное погашение долга со стороны должника. Однако существуют ситуации, когда этому частному интересу противостоит не только другой частный интерес должника сохранить свое имущество, но и публичный интерес, выражающийся в сохранении гражданам определенного жизненно-необходимого объема социальных благ. В частности, это недопущение таких явлений как пожизненная кредитная кабала (чему должен противодействовать введенный в российскую правовую действительность институт банкротства граждан) и бездомность (против чего направлен действующий институт защиты от взыскания единственного жилого помещения должника-гражданина).

В статье анализируются решения судов об обращении взыскания на часть единственного жилого помещения должника-гражданина в отсутствие правовых норм, позволяющих преодолеть действие имущественного иммунитета. Автор дает юридическую оценку такой практике, а также рассматривает теоретическую возможность принудительного образования общей собственности в ходе исполнительного производства. Автор обосновывает позицию о том, что действующее нормативное регулирование в достаточной степени гарантирует сохранение баланса между конституционными правами должника и кредитора, а изменения в законодательстве могут создать риск злоупотребления правами со стороны кредиторов.

Ключевые слова: общая собственность, выдел доли, жилое помещение, исполнительное производство, имущественный иммунитет, обращение взыскания.

The article analyzes settlements of the courts as regards foreclosures for a part of the sole dwelling of a citizen debtor in the absence of legal regulations which could help to overcome the property immunity. The author gives a legal assessment to such practice and considers a theoretic possibility of compulsory formation of common property during the enforcement proceedings. The author tells that the present normative regulation guarantees enough the preservation of balance between constitutional rights of debtors and creditors and any changes in law may cause risk of abuse of rights from the part of creditors.

Key words: common property, apportionment of participatory share, dwelling, enforcement proceeding, property immunity, foreclosure.

Действующий уже пятый год институт банкротства граждан делает особенно актуальной проблеме полного определения имущества должника, на которое может быть обращено взыскание и включение его в конкурсную массу. Согласно п. 3 ст. 213-25 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» из конкурсной массы исключается имущество, на которое не может быть обращено взыскание в соответствии с гражданским процессуальным законодательством. В частности, к такому имуществу абз. 2 ч. 1 ст. 446 ГПК РФ отнесено единственное жилое помещение должника-гражданина. Однако в судебной практике достаточно давно формируется тенденция преодоления исполнительского иммунитета в интересах кредиторов. Например, Сык-

тывдинский районный суд Республики Коми, ссылаясь на Определение Конституционного суда РФ от 04.12.2003 № 456-О, сделал вывод о возможности получения взыскателем присужденного долга не в натуре, а посредством передачи по исполнительному производству на сумму долга части единственного жилого дома должника в случае превышения площади данного жилого дома над необходимой для проживания [1].

Дополнительный импульс эта тенденция получила после вынесения Конституционным Судом РФ Постановления № 11-П от 14.05.2012, в котором хоть и было признано соответствие Конституции РФ абз. 2 ч. 1 ст. 446 ГПК РФ, но с оговоркой, что данная норма не всегда позволяет обеспечить справедливый баланс интересов должника и кредитора, в связи с чем законодатель должен предусмотреть правовой механизм, позволяющий преодолевать исполнительский иммунитет для случаев явного превышения размера и качества жилья над разумными потребностями должника и членов его семьи. Нетрудно предугадать, что многие кредиторы в ходе процедуры банкротства граждан будут активно требовать включения в конкурсную массу всего или части единственного жилого помещения должника.

В настоящее время суды в большинстве случаев придерживаются выполнения требований абз. 2 ч. 1 ст. 446 ГПК РФ. Данная позиция исчерпывающе сформулирована в апелляционном определении Псковского областного суда: «...изменения в гражданское процессуальное законодательство до настоящего времени не внесены. Поскольку суд при разрешении конкретного гражданского дела взять на себя функции законодателя не может и определять критерии достаточности жилого помещения для удовлетворения разумной потребности гражданина-должника и членов его семьи в жилище без соответствующего правового регулирования не вправе» [2]. Аналогичная ссылка на отсутствие нормативного механизма, что исключает возможность обращения взыскания на все или часть единственного жилого помещения должника-гражданина содержится и в апелляционном определении Московского городского суда [3].

Однако в практике судов используется и другая правовая позиция. Ее суть состоит в возможности обращения взыскания на часть единственного жилого помещения.

Единого процессуального оформления судами такого постановления нет: выносятся как определения об изменении способа исполнения решения суда, так и решения о признании права собственности истца на долю в жилом помещении должника с выделом этой доли в натуре или без такового, либо решения о признании права кредитора на часть жилого дома или комнату в квартире должника без предварительного определения долей. Насколько такая разнородная практика допустима с процессу-

альной стороны – это отдельный вопрос за рамками настоящей статьи.

Другие теоретически возможные варианты: переселение из более дорогостоящего жилья в менее ценное или выплата денежной компенсации взамен изъятого единственного жилого помещения не получили сколько-нибудь заметного распространения в практике судов. Это можно объяснить тем, что такие действия связаны с выселением должника и обеспечением его жильем или денежной компенсацией, что в отсутствие специальной правовой регламентации выходит слишком далеко за рамки возможного судебного усмотрения.

Для обоснования возможности обратиться взыскание на долю в единственном жилье гражданина суды используют два основных довода. Во-первых, суды признают за собой право преодолевать имущественный иммунитет. Например, в кассационном определении Челябинского областного суда по делу № 33-8747/2010 в обоснование такой позиции указано: «В отсутствие законодательного регулирования в части определения размеров жилого помещения, являющегося для должника и членов его семьи единственным пригодным для проживания, это вправе сделать суд при разрешении конкретного спора, применяя аналогию закона и права в соответствии с ч. 3 ст. 11 ГПК РФ». Далее суд использует норму предоставления площади жилого помещения в месте жительства должника в качестве критерия разумных потребностей в жилище [4].

Во-вторых, путем ограничительного толкования абз. 2 ч. 1 ст. 446 ГПК РФ делается вывод, что если у должника помимо права собственности на одно жилое помещение или доли в нем также имеется и право пользования другим жильем, то правило об имущественном иммунитете не применяется, так как должник не лишается права проживать в чужом жилье или в оставшейся части после выдела доли из своего прежнего жилья. Так, в апелляционном определении Тверского областного суда сделан вывод об обоснованности обращения взыскания на земельный участок с жилым домом должника, поскольку до вынесения решения судом первой инстанции должник фактически проживал и был зарегистрирован в квартире, принадлежащей своей дочери, поэтому разумные потребности в жилье его и членов его семьи обеспечены [5]. Также и Новосибирский областной суд в апелляционном определении указал, что «исходя из общей площади жилого дома в 212,9 кв.м., обращение взыскания на (1/2) долю в праве собственности на жилой дом (площадью 106,45 кв.м.), принадлежащую ответчику, не нарушит его права и права членов его семьи, так как в их пользовании остается вторая половина дома площадью 106,45 кв.м., что соответствует как учетной норме, так и норме предоставления жилого помещения [6].

Следует заметить, что абз. 2 ч. 1 ст. 446 ГПК РФ признан Конституционным Судом РФ соответствующим Конституции РФ, а потому установленный дан-

ной нормой императивный запрет обращать взыскание на единственное жилое помещения гражданина-должника действует независимо от того, считает справедливым или нет данный запрет для конкретной ситуации тот или иной судья. В отсутствие пробела в правовом регулировании ни о какой аналогии права и закона речь идти не может. Что касается толкования данной нормы, то ее буквальное содержание и общий смысл гарантируют должнику сохранение права собственности на его единственное жилое помещение. В тексте нормы абз. 2 ч. 1 ст. 446 ГПК РФ иммунитет распространяется на жилое помещение (его часть), если оно является единственным пригодным для проживания помещением. Единственным, то есть, единственным в собственности должника, а не в его пользовании. Наличие у должника возможности и права проживать временно или постоянно еще в каких-либо жилых помещениях, принадлежащих на праве собственности третьим лицам, ни в коей мере не изменяет статус жилого помещения должника как единственного. В указанных выше случаях при толковании нормы ст. 446 ГПК РФ судами подменяется понятие «единственное жилое помещение» понятием «единственное место жительства», что искажает действительный смысл нормы.

Обращение взыскания на часть единственного жилого помещения должника влечет лишение его того имущества, которое он имел ранее, поскольку часть не тождественна целому, что также очевидным образом противоречит ст. 446 ГПК РФ. Конечно, законодатель может предусмотреть соответствующий механизм, тогда обращение взыскания на часть жилого помещения станет возможно и с практической, и с юридической стороны. Но и законодатель должен стремиться к тому, чтобы правовое регулирование осуществлялось в едином русле, а новые инструменты находили свое логичное место в уже существующей правовой системе. В данном случае необходимо ответить на вопрос, укладывается ли в парадигму права общей собственности возможность принудительного образования долей в ходе исполнительного производства.

Еще в римском праве общая собственность рассматривалась как явление вынужденное. К.И. Скловский объясняет это тем, что «если с содержательной точки зрения общая собственность выступает как препона обороту, то с формальной она существенно ограничивает свободу и автономию участников. Поэтому «впадение» в общую собственность никак нельзя считать нормой, и ее постоянно сопровождает более или менее заметная аномалия, искажение общих правовых установлений» [7].

В некотором смысле право общей собственности представляет собой суррогат, заменитель полноценного права собственности. Предпочтительность единоличного господства над вещью по сравнению с совместным обладанием вполне очевидна. Стремление обладателя права на вещь к полноте и исключительности своего права находит свое наиболее

совершенное выражение в праве собственности, где интерес и воля каждого господствовать над своим имуществом разумно понимается и признается всеми. Это стремление создает подобие силового поля и обуславливает особую природу и содержание права собственности. Можно обнаружить проявление данной силы в эффекте «эластичности» – известное в цивилистике свойство права собственности восстанавливать и увеличивать свой объем при отпадении ограничений и обременений. И.А. Покровский сравнивал принцип эластичности с пружиной, «которая стремится выровняться во весь свой рост, но никогда этого в полной мере не достигает, так как всегда на ней лежат те или другие сжимающие ее гири» [8].

Данная сила проявляется не только в сопротивлении сжатию права, но и в сопротивлении к такому уменьшению полноты права, как преобразование исключительной собственности одного лица в общую. Римское право не поощряло образование общей собственности, ограничивая основания его возникновения двумя ситуациями: 1) по воле участников (*communiovoluntaria*), например, путем заключения договора товарищества; 2) в результате иного события, помимо воли будущих собственников (*communioincidens*). Например, при поступлении неделимой вещи в собственность нескольких наследников [9]. Если образование общей собственности требовало преодолеть сопротивление совместной волей будущих участников или смертью прежнего собственника, то прекращение общей собственности путем слияния долей, напротив, облегчалось наличием права на приращение доли (*iusprohibendi*) [10], а позднее и правом преимущественной покупки, получившем развитие в германской пандектистике [11]. Кроме того, право на выдел доли, являясь неотъемлемой частью права на долю, делает отношения общей собственности потенциально временным явлением.

Система этих правомочий общепринята в современных правовых порядках многих стран и обусловлена парадигмой укрепления исключительности права собственности и защиты его особого статуса как наиболее полного и исключительного права среди вещных прав. Действующее российское гражданское законодательство следует этой парадигме. Согласно ст. 244 ГК РФ общая собственность возникает при поступлении в собственность двух или нескольких лиц имущества, которое не может быть разделено без изменения его назначения (неделимые вещи) либо не подлежит разделу в силу закона. При таком переходе право единоличной собственности прекращается, что возможно только по основаниям п. 1 ст. 235 ГК РФ и в иных случаях, предусмотренных законом, например, в рамках осуществления собственником правомочия распоряжения по п. 2 ст. 209 ГК РФ. В ходе исполнительного производства возможно обращение взыскания только на существующее имущество, в частности, согласно ст. 255 ГК РФ предусматривается по требованию кредитора выдел

доли в уже существующем общем имуществе, но не образование общей собственности с последующим разделением его на части. Не предусматривает такое право и ФЗ «Об исполнительном производстве».

Итак, образование общей собственности в неделимом имуществе вопреки воле единоличного собственника закон не допускает. В праве общей собственности можно обнаружить принципы воспрепятствования враждебному соседству и учета интересов сособственников. В частности, Д.И. Мейер отмечает: «Право предпочтительной покупки установлено по соображению, что между сохозяевами должно быть согласие, единодушие в осуществлении права собственности, а между тем путем отчуждения доли, может быть, навязется беспокойный своенравный товарищ по праву собственности» [12]. Тем более не следует допускать образования общего имущества в ситуации обращения взыскания, когда получение доли или части жилого помещения должника нередко имеет для кредитора не столько экономический интерес в пользовании этим имуществом, сколько как используется средство давления на должника, для создания ему неудобств с целью внеправовыми методами принудить к погашению долга.

Таким образом, по нашему мнению, образование общей собственности допустимо только с согласия единоличного собственника. Применительно к ситуации обращения взыскания должнику должно быть предоставлено право выбора: либо дать согласие на обращение взыскания на часть своего единственного жилого помещения, либо при отсутствии такого согласия обратиться ко взысканию все данное имущество, если оно отвечает критериям преодоления имущественного иммунитета. При этом должнику должно быть гарантировано предоставление компенсации за счет выручки от реализации его жилья, призванной обеспечить его разумные потребности в жилище. Мнение о праве должника на выбор высказано и в юридической литературе [13]. Однако нормальное использование такого механизма возможно только при условии его адекватного закрепления в законодательстве.

До настоящего времени в юридической литературе не получила отражения целостная и сбалансированная концепция нового механизма иммунитета, важнейшим элементом которого должен стать ясно установленный законодателем критерий «явного превышения» достаточного уровня обеспеченности жильем [14]. Учитывая особую болезненность вопросов, затрагивающих жилищные права граждан, следует крайне тщательно и осторожно подходить к их нормативному регулированию.

К сожалению, находящийся в настоящее время на рассмотрении Государственной Думы законопроект № 175340-6 «О внесении изменений в статью 446 ГПК РФ» (о пределах имущественного иммунитета на единственное пригодное для проживания жилое помещение) [15], внесенный депутатами ГД РФ Г. Хованской, Т. Москальковой, Г. Носов-

ко, А. Шеиным, В. Машкариным, направленный на выполнение Постановления КС РФ от 14.05.2012 № 11-П, не дает приемлемого варианта решения этого вопроса. Примечательно, что в заключении на данный законопроект Комитета Государственной Думы по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству указывается, что по концептуальным положениям законопроекта замечаний не имеется, но при этом отмечается, что «законопроект не устанавливает кто и в каком порядке будет реализовывать имущество должника; кем будет приобретаться иное пригодное для постоянного проживания должника и членов его семьи жилое помещение в границах того же населенного пункта; по каким нормам предоставления жилой площади будет производиться расчет размера новой жилой площади должника. Также из законопроекта неясно, должно ли обращение взыскания на жилое помещение должника осуществляться на основании судебного решения» [15]. Практически полное отсутствие механизма реализации в законопроекте свидетельствует скорее об отсутствии концепции, тем более концепция должна содержать обоснование преимуществ предлагаемых изменений по сравнению с действующим законодательством.

Как справедливо отмечает М.А. Гальперин по вопросу о решении проблемы баланса прав при исполнительском иммунитете на жилье, «это вызов современной российской правовой системе, ее способности генерировать качественные юридические решения актуальных проблем общественного развития» [16].

Между тем вопрос о необходимости изменения действующего правила ст. 446 ГПК РФ далеко не однозначен. Отказ от имущественного иммунитета создаст новую правовую реальность, к которой первыми же адаптируются недобросовестные должники и будут выводить из своей собственности единственное жилье. Если же судебная практика пойдет по пути противодействия этому явлению, максимально облегчив признание таких сделок мнимыми, то создается угроза интересам добросовестных приобретателей и стабильности гражданского оборота в целом. Так, О. Олейникова приводит обстоятельства, которые суд может оценить как доказательства мнимости сделки: «совершение сделки после вынесения решения о взыскании с должника суммы долга, распоряжение всем своим имуществом, непринятие мер к исполнению судебного решения, заключение сделки между близкими родственниками, знание о принятых судом мерах по обеспечению иска» [17].

Ранее мы отмечали ряд других возможных отрицательных социально-экономических последствий при ограничении имущественного иммунитета на единственное жилье, а также ряд юридических проблем, в первую очередь, злоупотребления правами и произвольного судебного смотра [18].

Действующее правило абз. 2 ч. 1 ст. 446 ГПК РФ является наиболее оптимальным в обеспечении ба-

ланса прав кредиторов и должников, а попытки его «улучшения», напротив, разбалансирует систему. В случае введения механизма преодоления имущественного иммунитета на единственное жилое помещение должника-гражданина его целесообразно встроить в процедуру банкротства граждан, что позволит в комплексе оценить имущественное положение должника.

Примечания:

1. Обзор судебной практики по оспариванию постановлений, действий (бездействия) должностных лиц ФССП России в 2008 году (приложение к письму Федеральной службы судебных приставов от 27.03.2009 № 12/07-3906-СВС) // Бюллетень Федеральной службы судебных приставов. 2009. № 4.
2. Апелляционное определение Псковского областного суда от 15.07.2014 по делу № 33-1069 // СПС «КонсультантПлюс»: Суды общей юрисдикции.
3. Апелляционное определение Псковского областного суда от 15.07.2014 по делу № 33-1069 // СПС «КонсультантПлюс»: Суды общей юрисдикции.
4. Определение Челябинского областного суда от 14.09.2010 по делу № 33-8749/2010 // <http://bsa.chel-oblsud.ru/db/GetDoc.php?id=616284> (дата обращения: 09.02.15).
5. Апелляционное определение Тверского областного суда от 23.10.14 по делу № 33-3430 // СПС «КонсультантПлюс»: Суды общей юрисдикции.
6. Апелляционное определение Новосибирского областного суда от 16.04.2013 по делу № 33-2899/2013 // СПС «КонсультантПлюс»: Суды общей юрисдикции.
7. Скловский К.И. Собственность в гражданском праве. М. 1999. С. 169.

8. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. М. 1998. С. 202.
9. Хвостов В.М. Система римского права. II. Вещное право. М. 1908. С. 11.
10. Бартошек М. Римское право: (Понятия, термины, определения). М. 1989. С. 79.
11. Емелькина И.А. Вещное преимущественное право покупки недвижимости // Вестник гражданского права. 2010. № 3.
12. Мейер Д.И. Русское гражданское право (в 2-х ч. Часть 2) М.: Статут. 1997. С. 43.
13. Демкина А., Мушудова В.М. кызы. Пределы имущественного иммунитета // ЭЖ-юрист. 2014. № 30.
14. Савельев Д.Б. Явное превышение разумной потребности в жилище как критерий обращения взыскания на единственное жилое помещение должника-гражданина // Вестник ВятГГУ. 2013. № 3 (1). С. 111-113.
15. Паспорт законопроекта № 175340-6 на официальном сайте Государственной Думы РФ: [http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/\(Spravka\)?OpenAgent&RN=175340-6&02](http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/(Spravka)?OpenAgent&RN=175340-6&02) (дата обращения: февраль 2020 г.).
16. Гальперин М.Л. Обращение взыскания на единственное жилое помещение должника-гражданина: существует ли нормативное решение? // Закон. 2013. № 10.
17. Олейникова О. Обращение взыскания на единственное пригодное для проживания жилое помещение: баланс интересов должника и кредитора // Жилищное право. 2015. № 5. С. 49-56.
18. Савельев Д.Б. Имущественный иммунитет на единственное жилое помещение гражданина: обеспечение баланса прав кредиторов и должников // Журнал российского права. 2014. № 11.

Юридические (уголовно-правовые) признаки личности осужденного за совершение незаконной рубки лесных насаждений

Травина Ирина Геннадьевна,
доцент кафедры уголовного права
и криминологии Волго-Вятского института
(филиала) Университета имени О.Е. Кутафина
(МГЮА), кандидат юридических наук,
г. Киров

Legal (criminal-legal) features of a person convicted for illegal logging

Travina Irina Gennadyevna,
PhD, Associate Professor of Criminal Law and
Criminology of Volga-Vyatka Institute (branch) of
Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Kirov

В современный период в РФ широкое распространение получило такое преступление как незаконная рубка лесных насаждений (ст. 260 УК РФ). С начала XXI века в нашей стране лесное браконьерство как негативное социальное явление изменилось качественно. Незаконные рубки леса в значительном объеме стали осуществляться организованно, профессионально, с использованием современных технических средств. Эти преступные посягательства представляют

собой угрозу национальной безопасности, как в экологическом, так и в экономическом отношениях.

Исследование уголовно-правовых признаков субъекта, осужденного за совершение незаконной рубки лесных насаждений, важно для наиболее эффективного предупреждения указанных правонарушений, поскольку особенности личности преступника выражаются «в наличии негативных социальных качеств, свидетельствующих о десоциализации личности и вызывающих выбор и реализацию негативных социальных ролей» [1].

На основании исследования 200 уголовных дел в различных регионах РФ, богатых лесными ресурса-

Автором статьи анализируются уголовно-правовые признаки личности субъекта, осужденного за незаконную рубку лесных насаждений, делается вывод о наметившейся тенденции включения обычных законопослушных граждан в противоправную деятельность по незаконным рубкам лесных насаждений в субъектах РФ, богатых лесными ресурсами.

Ключевые слова: личность преступника, судимость, уголовно-правовые признаки, предупреждение преступности.

The author analyzes criminal-legal features of a personality convicted for illegal logging, makes a conclusion about the emerging trend of drawing ordinary law-abiding citizens into illegal activities associated with illegal logging in the RF subjects rich in forest resources.

Key words: criminal personality, criminal record, criminal-legal features, crime prevention.

ми, уголовно-правовые признаки лиц, осужденных по ст. 260 УК РФ, свидетельствует о том, что у 93,9% преступников не было криминального прошлого, 6,1% из них имели снятые и погашенные судимости. Отдельную группу из числа несудимых составляют граждане, которым наказание было назначено по совокупности преступлений по той же ст. 260 УК РФ (реальная совокупность) они составляют 7,4%. Однако на момент совершения одной незаконной рубки

деревьев они были юридически не судимы за другую.

Так, Ш., судимый 13.08.2004 Н.им районным судом по ч.1 ст. 260 УК РФ за совершенную в октябре 200.. года незаконную рубку 17 деревьев породы ель с целью ремонта дровяника, в сентябре 200..года также незаконно произвел валку 77 деревьев породы ель с целью их продажи в III квартале 24 выдела лесов СПК «З..я» Ш....го лесничества Н...го сельского лесхоза. При вынесении второго приговора, 15.10.2004 года, он считался юридически не судимым. В обоих случаях в судебных решениях отмечены как смягчающие обстоятельства признание

вины, раскаяние, наличие на иждивении малолетнего сына при отсутствииотягчающих обстоятельств.

В подобных ситуациях имеет место повышение степени опасности виновного, так как повторение преступления возможно при наличии стойкой антиобщественной установки [2]. Поэтому, давая оценку личности осужденного, в данном случае следует включать в уголовно-правовую характеристику преступника его прошлое, по сути, противоправное поведение. Кроме того, для лиц, повторно участвовавших в совершении аналогичного преступления, свойственна стереотипность в способах и приемах антизаконной деятельности. Среди официально имеющих снятые и непогашенные судимости сравнительно небольшое количество граждан отбывали наказание в исправительных учреждениях (менее 2%), что свидетельствует об отсутствии влияния на остальную часть осужденных уголовной субкультуры.

Для выявления мотивации преступного поведения виновных в противоправных деяниях против лесов важно знать, какие преступления были совершены ими наряду с указанными. Субъекты, имеющие отношение по своей работе к лесным ресурсам, по совокупности со ст. 260 УК РФ, как показывают данные уголовно-правовой статистики, были осуждены за получение взятки (ст. 290 УК РФ), дачу взятки (ст. 291 УК РФ), присвоение или растрату (ст. 160 УК РФ), злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ). Остальные граждане осуждались по совокупности со ст. 260 УК РФ за кражу, (ст. 158 УК РФ), вымогательство (ст. 163 УК РФ), мошенничество (ст. 159 УК РФ). Таким образом, незаконные рубки лесных насаждений совершаются лицами наряду с преступлениями против собственности либо должностными преступлениями коррупционной направленности.

Если преступление является групповым, то важно при оценке личности субъекта проанализировать его роль в процессе деяния по незаконной рубке леса. Изучение уголовных дел показало, что осужденные по ст. 260 УК РФ в большинстве случаев оказываются исполнителями (97%), остальные 2,3 – организаторами, и менее 1% пособниками.

Типичным является следующий пример. К., испытывая материальные трудности, решил заготовить лес для продажи, после чего он попросил у своего сына К...ва А.И. трактор ЮМЗ, а у знакомого И. взял бензопилу «Урал», введя их в заблуждение, что бензопила и трактор ему нужны, чтобы заготовить и привезти жерди для ремонта огорода. Затем он попросил своих знакомых С. и Л. помочь ему в заготовке леса, введя их в заблуждение о том, что у него имеется разрешение на рубку деревьев. После чего, не имея права на лесопользование, 21.06.20.. г. он на тракторе ЮМЗ, приехав в заранее выбранное место, первого выдела 116 квартала М.....го лесничества, при помощи бензопилы «Урал» с участи-

ем С...на и К...на произвел валку 22 деревьев породы сосна, общей кубомассой 17,04 мЗ, причинив тем самым собственнику крупный ущерб на сумму 107 693 рубля.

Первой проблемой в борьбе с указанным преступлением в последние годы стала ситуация, когда в противоправную деятельность реально втянуты и выполняют различные функции несколько лиц: те, что осуществляют собственно рубку деревьев, те, что производят раскорчевку и погрузку, те, кто перевозят древесину, и те, кто предоставляет транспорт и инструменты. А доказательственной базы хватает, чтобы осудить только одного исполнителя, в итоге лица, в отношении которых было отказано в возбуждении уголовного дела остаются вне поля зрения официальной статистики и вне профилактической деятельности правоохранительных органов.

Второй проблемой можно назвать положение, когда преступник в самом деле использовал доверившихся ему людей в противозаконной деятельности, ставя их обманным путем под угрозу уголовной ответственности и наказания. Полагаем, что в обоих случаях личность официально считающегося исполнителем характеризуется более высокой степенью общественной опасности. Описанные факты встречаются в 26,7 % рассмотренных уголовных дел, а в 19,6 % дел орудия и средства преступникам предоставлялись по их просьбе гражданами, не знавшими об истинной цели их дальнейшего использования.

Исследуя обстоятельства, связанные с уголовно-правовой характеристикой личности, учтенные судом при назначении наказания, единственным отягчающим является рецидив в 5% случаев. В большинстве приговоров были отмечены смягчающие обстоятельства, наиболее часто учитывалось то, что виновный не привлекался к административной ответственности, совершение им преступления впервые и небольшой тяжести, отсутствие тяжких последствий, явка с повинной, активное содействие в раскрытии преступления.

Приведенные данные об общекриминальной направленности рассматриваемого контингента преступников позволяют говорить о наметившейся тенденции включения обычных законопослушных граждан в противоправную деятельность по незаконным рубкам лесных насаждений в субъектах РФ, богатых лесными ресурсами, что необходимо учитывать при организации мероприятий по предупреждению и пресечению незаконных рубок леса.

Примечания:

1. Стручков Н.А. Криминология и проблема личности преступника // Теоретические проблемы изучения личности преступника. – М., 1979. – С. 46.

2. Уголовное право Российской Федерации. Учебник. Общая часть / под ред. Б.В. Здравомыслова. – М., 1996. – С. 77.

Проблемы формирования нетерпимости к коррупционным проявлениям в аспекте противодействия «цветным революциям»

Фещенко Павел Николаевич,

заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Волго-Вятского института Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
к.ю.н., доцент, г. Киров

Problems of the formation of intolerance to corruption manifestations in the aspect of the counteraction to "color revolutions"

Feshchenko Pavel Nikolaevich,

Head of the Department of Criminal Law and Criminology of the Volga-Vyatka Institute of O.E. Kutafin University (Moscow State Law Academy), Candidate of Law, Associate Professor, Kirov

Указом Президента России в 2015 году утверждена новая «Стратегия национальной безопасности», в которую внесены дополнительные угрозы – коррупция и «цветные революции». Как представляется, данное обстоятельство можно, с одной стороны, оценить как необходимость повышения внимания к указанным явлениям со стороны всей системы субъектов обеспечения национальной безопасности, а с другой, как признание того, что за последние годы не удалось добиться коренного улучшения ситуации в сфере противодействия коррупции.

В статье рассматривается состояние и проблемы формирования нетерпимости к коррупционным проявлениям как важное направление деятельности в сфере противодействия коррупции. Показаны правовая основа и направления данной работы, обосновывается необходимость детализации этой деятельности по ее субъектам и объектам, вносится предложение о целесообразности выделения «пассивной» и «активной» нетерпимости к коррупционным проявлениям. Применительно к «пассивной» нетерпимости делается вывод о первостепенном значении мер воспитательной работы с подрастающим поколением для формирования правосознания и нравственных основ жизнедеятельности как гарантии будущего законопослушного поведения.

Ключевые слова: коррупция, активная и пассивная нетерпимость, социальная напряженность, «цветные революции».

The article considers the state and problems of forming intolerance to corruption manifestations as an important activity in the field of combating corruption. The author shows the legal basis and directions of this work, justifies the need to detail this activity by its subjects and objects, and makes a proposal on the expediency of allocating "passive" and "active" intolerance to corruption. In relation to "passive" intolerance, it is concluded that the primary importance of measures of educational work with the younger generation for the formation of legal awareness and moral foundations of life as a guarantee of future law-abiding behavior.

Key words: corruption, active and passive intolerance, social tension, "color revolutions".

Как известно, за последние два десятилетия совершено более 20 так называемых «цветных революций»¹, в основном прошедших под лозунгами «долой коррумпированную власть», что заставляет эти явления рассматривать в неразрывном единстве и проводить системную работу по их нейтрализации.

Говоря о системном подходе к противодействию коррупции, следует отметить, что тут необходимо рассматривать систему мер и систему реализующих их субъектов, систему законодательства и систему объектов, в отношении которых осуществляются меры противодействия².

¹ Цветные революции: технология, жертвы и результаты – URL: <http://ria.ru/infografika/20141121/1034468823.html> (дата обращения: 7.11.2020) – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

² Фещенко П.Н. Системный подход к противодействию коррупции // Актуальные проблемы российского права, 2019. № 2 (99). С. 138-144.

Из всего многообразия антикоррупционных мер в данной статье будет рассмотрена лишь одно направление – формирование нетерпимости к коррупционным проявлениям.

Данная задача поставлена в основополагающем ФЗ-273 2008 года «О противодействии коррупции», детализирована в последующих «Национальных планах» и активно реализуется в течение последних 10 лет.

В целом можно сказать, что в стране сегодня создана единая система организации и проведения данной деятельности.

В то же время, как признание на самом высоком уровне недостаточной эффективности этой работы, можно оценить принятие в конце 2018 года Правительством России «Комплексного плана просветительских мероприятий, направленных на создание в обществе атмосферы нетерпимости к коррупционным проявлениям, в том числе на повышение эффективности антикоррупционного просвещения, на 2019 – 2020 годы»¹.

В данном плане намечены конкретные мероприятия, касающиеся подготовки дополнительных методических и иных материалов, повышения квалификации педагогов, совершенствования воспитательной работы среди учащихся и другие, которые, в целом, должны бы повысить степень нетерпимости граждан к коррупционным проявлениям и в итоге снизить коррупцию в российском обществе.

В то же время, как представляется, ряд направлений данной деятельности требуют раскрытия и дополнительного научного исследования.

Прежде всего, это отсутствие установленных Законом критериев оценки результатов «формирования нетерпимости к коррупции». Традиционно в отчетах пока фигурирует количество лиц, прошедших обучение, проведенных конференций, распротраненных Памяток и т.д.

На наш взгляд, применительно к результатам и оценке работы целесообразно рассмотреть две взаимосвязанные группы вопросов:

- у кого и в отношении кого (или чего) должна формироваться эта «нетерпимость» (субъекты и объекты нетерпимости) и

- в каких формах она должна и может проявляться – активных или пассивных?

Во-первых, коль скоро коррупционные деяния носят умышленный характер, «нетерпимость»

должна формироваться у граждан по отношению к своему поведению: образно говоря, должна быть жизнь по принципу «не беру взятки и не даю» – это достигается, прежде всего, воспитанием, обучением и просвещением. Большую роль здесь играет и Церковь, формирующая у прихожан установки на высоконравственное и законопослушное поведение.

Главное здесь, на наш взгляд, это понимание того, что коррупция – это негативное явление. Чтобы быть «нетерпимым» к чему-либо, следует осознать вредность этого явления лично для себя или семьи, или общества, или государства и т.д.

В частности, опросы студентов, показывают, что громкие разоблачения коррупционеров, миллиарды конфискованных сумм незаконных доходов, замена одного министра-коррупционера на другого и т.д. никак в положительную сторону не повлияли на их повседневную жизнь – стипендии, плату за проезд в транспорте², цены в магазинах, тарифы за услуги ЖКХ и т.д.

Как следствие, они не вступают в ряды членов общественных организаций, провозглашающих своими целями противодействие коррупции и даже не интересуются результатами их текущей деятельности.

Никто не знает, куда «ушли» миллиарды, конфискованные у Захарченко и других фигурантов резонансных уголовных дел, и как от этого улучшилась жизнь простых граждан. При этом большинством указывается на необходимость гласной передачи конфискованного имущества на социальные нужды, а сумм штрафов – на решение конкретных социальных программ. Без этого, как представляется, по-прежнему ведущим мотивом коррупционных отношений будет решение каждым своих личных бытовых проблем – эти результаты конкретны, реальны и позитивны с точки зрения участников коррупционных правоотношений.

Вряд ли считают коррупцию негативным явлением те, кто в свою пользу решает за деньги проблемы в больницах, школах, институтах, на автотрассах и т.д. и т.п. в рамках т.н. «бытовой коррупции»³.

Когда же, возможно, эти же граждане идут за решением проблем к представителям власти на различных уровнях и там сталкиваются с вымогательством взяток, включая т.н. «откаты»⁴, возникает естественное недовольство, собирательное нега-

¹ Комплексный план просветительских мероприятий, направленных на создание в обществе атмосферы нетерпимости к коррупционным проявлениям, в том числе на повышение эффективности антикоррупционного просвещения, на 2019-2020 годы, утвержден Распоряжением Правительства РФ от 21.12.2018 N 2884-р.

² В частности, с 1 февраля 2020 года проезд на общественном транспорте в г.Кирове повысили сразу на 18% (Прим. автора).

³ «Бытовая коррупция» как требующая исследования и нейтрализации указана в п.1 «з» Национального плана противодействия коррупции на 2016 – 2017 годы, утвержденного Указом Президента РФ от 1 апреля 2016 г. № 147 (Прим. автора).

⁴ Данное явление, как требующее специального исследования и нейтрализации, приведено в Указе Президента РФ от 11.04.2014 N 226) "О Национальном плане противодействия коррупции на 2014 – 2015 годы" (п.12 «а») (Прим. автора).

тивное отношение к «чиновникам» – социальная напряженность – как реальная предпосылка «цветной революции»¹.

Когда же в коррупции участвуют представители властной «элиты», то простых граждан возмущает не столько сумма взяток, сколько их бессовестность и безразличие к авторитету Президента, который их назначил, к отсутствию реальной системы контроля за их источниками доходов, сложившейся системе достаточно мягких (по мировым и историческим меркам) наказаний. В итоге только усиливается негативное отношение к власти в целом и возрастает опасность «цветной революции», на недопустимость которой как раз и указал Президент².

Как следует из доклада Уполномоченного по правам человека в России за 2018 год, «в обществе существенно вырос запрос на социальную справедливость..., в последние три-четыре года российское общество стало менее справедливым», что граждане связывают «со снижением уровня жизни, уменьшением заботы о людях, возросшим расслоением общества... Разрыв между конституционными нормами о правах и свободах человека и практикой их воплощения в жизнь сокращается медленнее общественных ожиданий»³.

Таким образом, на наш взгляд, задача формирования нетерпимости к коррупционным проявлениям должна включать не только разъяснение ее негативных последствий, но, прежде всего, решаться через устранение причин коррупции и повышение авторитета власти, принятие мер по доведению до широких слоев населения информации о реальном влиянии коррупции на их повседневную жизнь, как в положительную, так и в отрицательную сторону.

С точки зрения места данной работы, то она должна начинаться с раннего детства и рассматриваться как составная часть деятельности по формированию правосознания⁴ и нетерпимости к нарушению закона, традиционных норм морали и нравственности.

В перспективе эти выросшие дети уже не будут допускать мысли о возможности дать или брать взятки, злоупотреблять или превышать служебные полномочия и т.д.

Как отметил Президент России В.В.Путин, «ключевой задачей остаётся формирование в обществе антикоррупционного правосознания. Неприятие к нарушению закона должно воспитываться со школьной скамьи – и в школах, и в высших учебных заведениях, и в средних учебных заведениях, и, конечно, на работе и в семье. Нужно всегда об этом помнить»⁵.

У сегодняшних же взрослых, в том числе уличенных в коррупции⁶, воспитанных в течение 20 последних лет совершенно на других принципах, формирование «нетерпимости к коррупционным проявлениям», на наш взгляд, следует проводить в более сжатые сроки и более предметно, ориентируясь, прежде всего, на совершенствование кадровой политики, контроль за доходами и расходами, неотвратимость наказания и другие направления работы, делающие невыгодными коррупционные способы решения проблем.

После сделанных выводов, как представляется, следует вновь вернуться в целом к задаче «формирования нетерпимости к коррупционным проявлениям» и отметить, что выше была рассмотрена так называемая «пассивная нетерпимость», касающаяся своего собственного поведения по принципу «не беру и не даю».

Но необходимо рассмотреть и «активную нетерпимость», выражающуюся в нетерпимости по отношению к другим – коллегам, соседям, должностным лицам, власти в целом и, как проблема – членам своей семьи.

На наш взгляд, следует сформировать в обществе привлекательный образ «борца с коррупцией», «простого человека, живущего среди нас», который, руководствуясь положениями ФЗ-273 2008 года, инициативно сообщает о коррупционных правонарушениях, при этом получает поощрение от Властей и рекламируется как истинный патриот и образец для подражания.

Сегодня мы везде видим плакаты и напоминания, в т.ч. в транспорте, типа «Столкнулся с коррупцией – позвони по тел. ...», но нигде нет информации о таких фактах и оценке заявителей как «патриотов, совершивших полезный для общества поступок».

¹ Фешенко П.Н. Криминологический взгляд на место коррупции и социальной напряженности в системе причин «цветных революций» // Коррупция: состояние противодействия и направления оптимизации борьбы. Под редакцией профессора А.И. Долговой. М., Российская криминологическая ассоциация, 2015. С. 78-85.

² Российский лидер жёстко дал ответ надеждам Запада: "цветных революций" ни в России, ни у её союзников не будет – URL: https://tsargrad.tv/articles/cvetnaja-revoljucija-putin-ne-dopustit_58375 (дата обращения: 10.11.2020) – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

³ Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2018 год // Российская газета. 2019. 11 июня.

⁴ Касаева Т.Г. Правосознание: ценностный ориентир современного общества // Российская юстиция. 2019. №3. С.2-4.

⁵ Заседание Совета по противодействию коррупции – URL: <file:///E:/Заседание%20Совета%20по%20C2%А0противодействию%20коррупции%20-%20Президент%20России.html> (дата обращения: 7.02.2020) – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

⁶ Ратинова Н.А. Ценностные ориентации коррупционных преступников: анализ неосознаваемых тенденций // Наука на службе Закону: сб. материалов науч.-практ. конф. (Москва, 30 мая 2018 г) / под общ. ред. А.Ю.Винокурова; [сост. И.А. Васкина и др.]; Ун-т прокуратуры Рос. Федерации. – М., 2018. С. 259-264.

Вместо этого нередко в СМИ можно встретить слова «стукач», «стукачество» с негативным подтекстом, автоматически ставящим сотрудничающего с правоохранительными органами гражданина в категорию «низов», а не «верхов» общества.

С правовой точки зрения, на наш взгляд, создание в СМИ такого негативного облика «стукача» должно рассматриваться как «формирование нетерпимости к социальной группе» (группе, считающей своим долгом сообщать в правоохранительные органы о преступлениях) в качестве признака преступлений экстремистской направленности, прежде всего, ст. 282 УК РФ, с соответствующим реагированием, в т.ч. со стороны прокуратуры.

«Нетерпимость» к коррупции членов семьи и осуждения их поведения обществом неразрывно связана с вопросом о том, формировать ли облик нового «Павлика Морозова»¹ или просто не замечать проблему?

«Нетерпимость» к коррупции конкретных должностных лиц может закончиться самосудом², а «нетерпимость» к «коррупцированной власти» в целом, когда настроения ненависти переходят из субъектно-субъектных в субъектно-объектные, могут привести к массовым беспорядкам и «цветным революциям».³

Основное в плане недопущения «цветной революции» – не только снизить число недовольных Властью – социальную напряженность, но и уменьшить число лиц, как традиционно ориентированных на насилие⁴ – бывших осужденных, алкоголиков, членов ОПГ, т.н. «низов общества», которых сегодня в стране миллионы, так и, можно сказать, «новых насильников», формально имеющих высшее образование и положение в обществе⁵.

По мнению Д.И.Е. рижепалиева, «трагические события в январе текущего года в г. Перми, Челябинской области и Улан-Удэ, связанные с нападениями подростков в школах, указывают на системные просчеты при организации профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, что подтверждается данными официальной статистики»⁶.

Мы сформируем «нетерпимость» к коррупционному поведению, но она в итоге может принять активные, неконтролируемые формы.

На наш взгляд, работа педагогов и иных субъектов профилактики в сфере противодействия коррупции обязательно должна совмещать правовое воспитание с формированием высоко нравственной личности, не допускающей насилия для разрешения возникающих проблем и конфликтов, с которыми несовершеннолетние и их окружение сталкиваются в повседневной жизни.

Как представляется, внесенные предложения позволят повысить эффективность деятельности в сфере противодействия коррупции через реализацию такого важного направления, как формирование в обществе нетерпимости к коррупционным проявлениям и снизит вероятность перехода народного недовольства в неконтролируемые насильственные формы и «цветную революцию».

Примечания:

1. Ережипалиев Д.И. Совершенствование государственной системы профилактики преступности несовершеннолетних в контексте обеспечения национальной безопасности страны // Криминальные реалии, реагирование на них и закон. Под редакцией профессора А.И. Долговой. М., Российская криминологическая ассоциация, 2018.

2. Касаева Т.Г. Правосознание: ценностный ориентир современного общества // Российская юстиция. 2019. №3.

3. Ратинова Н.А. Ценностные ориентации коррупционных преступников: анализ неосознаваемых тенденций // Наука на службе Закону: сб. материалов науч.-практ. конф. (Москва, 30 мая 2018 г) / под общ. ред. А.Ю.Винокурова; [сост. И.А. Васькина и др.]; Ун-т прокуратуры Рос. Федерации. – М., 2018.

4. Смирнов А.М. Самосуд в России: монография / А.М. Смирнов. М.: Юрлитинформ, 2013.

5. Старков О.В., Тюменев А.В. Криминовиолентология (учение о криминальном насилии). Спецкурс для магистратуры: курс лекций / под общ. ред. О.В. Старкова. – М.: Юрлитинформ, 2012.

¹ Фешенко П.Н. Нравственный аспект предупреждения преступности (Появится ли в России новый «Павлик Морозов»?) // Актуальные проблемы гуманитарных и экономических наук: Материалы Всероссийской научно-практической конференции: в 2 т. Т.1. Киров: Издательство Кировского филиала МГЭИ, 2005. С. 138-143.

² Смирнов А.М. Самосуд в России: монография / А.М. Смирнов. М.: Юрлитинформ, 2013. - 384 с.

³ Фешенко П.Н. Коррупция, социальная напряженность, «цветные революции»: попытка системного анализа // Диалектика противодействия коррупции: материалы VI Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, 16 декабря 2016 г. Казань: Изд-во «Познание» Казанского инновационного университета имени В.Г. Тимирязева (ИЭУП), 2016. С. 173-176.

⁴ Старков О.В., Тюменев А.В. Криминовиолентология (учение о криминальном насилии). Спецкурс для магистратуры: курс лекций / под общ. ред. О.В. Старкова. – М.: Юрлитинформ, 2012. - 448 с.

⁵ Ученый убил аспирантку в Петербурге – URL: // <https://www.ntv.ru/theme/63424/> (дата обращения: 10.11.2020) – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный и др. (Прим. автора).

⁶ Ережипалиев Д.И. Совершенствование государственной системы профилактики преступности несовершеннолетних в контексте обеспечения национальной безопасности страны // Криминальные реалии, реагирование на них и закон. Под редакцией профессора А.И. Долговой. М., Российская криминологическая ассоциация, 2018. С. 238.

6. Фещенко П.Н. Нравственный аспект предупреждения преступности (Появится ли в России новый «Павлик Морозов»?) // Актуальные проблемы гуманитарных и экономических наук: Материалы Всероссийской научно-практической конференции: в 2 т. Т.1. Киров: Издательство Кировского филиала МГЭИ, 2005.

7. Фещенко П.Н. Коррупция, социальная напряженность, «цветные революции»: попытка систем-

ного анализа // Диалектика противодействия коррупции: материалы VI Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, 16 декабря 2016 г. Казань: Изд-во «Познание» Казанского инновационного университета имени В.Г. Тимирязова (ИЭУП), 2016.

8. Фещенко П.Н. Системный подход к противодействию коррупции // Актуальные проблемы российского права, 2019. №2 (99).

Пределы вмешательства органов публичной власти в проведение религиозных обрядов в жилых помещениях: в поиске баланса интересов

Limits of interference of public authorities in the performing of religious rites in private premises: searching the balance of interests

Пибаев Игорь Александрович,

доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Волго-Вятского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, г. Киров

Pibaev Igor Aleksandrovich,

Associate Professor of the Chair of State Legal Disciplines of Volgo-Vyatsky institute (branch) of University named after O.E.Kutafin (MSAL), PhD in Law, Kirov

В 2019 году, впервые за семь лет, Россия попала в список 50 стран, в которых чаще всего преследуют христиан, заняв 41-ю строчку между Кенией (40-е место) и Малайзией (42-е место) [9]. Во многом это «заслуга» российского антиэкстремистского законодательства и действия «Закона Яровой», в части регулирования миссионерской деятельности, которые являются весьма несовершенными. Но отдельный вклад в ограничении свободы вероисповедания в Российской Федерации внесла противоречивая практика запрета проведения религиозных обрядов и церемоний в жилых помещениях. Наибольший резонанс вызвали дела о привлечении собственника земельного участка к административной ответственности (по ч.1, ст.8.8 КоАП РФ) за его целевое использование в связи с предоставлением

В статье рассматривается сложившаяся в России на протяжении последних лет противоречивая практика запрета проведения религиозных обрядов и церемоний в жилых помещениях. Автор проводит анализ постановления Конституционного Суда Российской Федерации и решений судов общей юрисдикции. Делает вывод об отсутствии оснований для привлечения граждан к ответственности, предусмотренной частью 1 статьи 8.8 КоАП Российской Федерации, в связи с проведением религиозных обрядов и церемоний в жилых помещениях и указанием адреса жилого помещения в качестве места нахождения религиозной организации.

Ключевые слова: религия, право, дискриминация, религиозная свобода, жилые помещения, обряды, церемонии.

The article deals with divergent practices that proscribe performing religious rites and ceremonies in private premises established in Russia in recent years. The author analyses ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation and judicial decisions of general jurisdiction courts. The article concludes that according to Part 1 Article 8.8 of Administrative Offences Code of the Russian Federation (AOC RF) there are no grounds for bringing citizens to responsibility for performing religious rites and ceremonies in private dwellings as well as indicating an address of a private dwelling as location area of a religious organization.

Key words: religion, law, discrimination, religious freedom, living quarters, ceremonies, religious rites.

религиозной организации жилых помещений, находящихся на этом участке, для периодического проведения религиозных обрядов и церемоний.

В некоторых случаях суды отменяли постановления Управления Росреестра по субъекту Российской Федерации о привлечении к административной ответственности, указывая, что «проведение молитвенных и религиозных мероприятий на назначение земельного участка никак не повлияло, назначение земельного участка не изменилось» [4].

Но чаще суды подтверждали законность этого постановления. Так было в деле гражданки Ольги Гламоздиновой. Она имела в собственности жилой дом и земельный участок площадью 13 соток,

предназначенный для ведения личного подсобного хозяйства, в поселке Веселый Ростовской области.

В начале 2017 года по договору безвозмездного пользования она, являясь прихожанкой Церкви христиан-адвентистов седьмого дня, предоставила свой дом данной Церкви для проведения богослужений на 4 часа в неделю. Адрес жилого дома с ее согласия был внесен в Единый государственный реестр юридических лиц как адрес религиозной организации. 06 сентября 2017 года постановлением главного государственного инспектора Веселовского района по использованию и охране земель Гламоздинова О.В. была признана виновной в совершении административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 8.8 КоАП РФ, и ей назначено наказание в виде административного штрафа в размере 10 000 рублей. Багаевский районный и Ростовский областной суд подтвердили законность этого решения.

После этого она обратилась в Конституционный Суд РФ, полагая, оспариваемые нормы не соответствуют статьям 28, 35 (часть 2) и 55 (часть 3) Конституции РФ, поскольку позволяют привлекать к административной ответственности собственника земельного участка за его нецелевое использование в случае предоставления жилого дома, находящегося на этом участке, религиозной организации для богослужений, обрядов и церемоний, что приводит к нарушению ее конституционного права свободно владеть и распоряжаться своим имуществом, а также права на свободу совести и вероисповедания.

08 октября 2019 года Конституционный Суд РФ рассмотрел данное дело и 14 ноября 2019 года вынес решение. Остановимся подробнее на мотивах суда и доводах адвокатов заявительницы.

Адвокат заявительницы Сергей Чугунов обратил внимание на «вековую русскую традицию» – домовые церкви. По мнению адвоката, наказание граждан за богослужения у себя дома происходит вопреки статье 16 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» (далее – ФЗ «О свободе совести»). Кроме того, он указал, что совершенно спокойно службы проводят и в других зданиях, например больницах, домах престарелых, часовни есть и на территории различных госучреждений: «Ни в одном из этих случаев нет земли религиозного назначения. Не может быть земли религиозного назначения под Московским городским судом (на территории данного суда находится часовня свт. Николая Чудотворца, относящаяся к юрисдикции Русской Православной Церкви – прим. авт.)» [1].

Адвокат Владимир Ряховский подчеркнул, что если не разрешить сложившуюся правовую неопределенность, которая порождает нарушение конституционных прав верующих, то «норма о возможности религиозных обрядов в жилом помещении может оказаться «мертвой» – ведь земельный участок под жилым домом не может иметь религиозного назначения» [2].

Конституционный Суд, рассматривая дело, подчеркнул, что согласно пункту 2 статьи 16 ФЗ «О свободе совести» богослужения, другие религиозные

обряды и церемонии беспрепятственно совершаются не только в культовых помещениях, зданиях и сооружениях, но и в других местах, в частности в помещениях, принадлежащих религиозным организациям на праве собственности или предоставленных им на ином имущественном праве для осуществления их уставной деятельности, а также в жилых помещениях.

Закрепление такой возможности согласуется с предназначением жилых помещений, призванных удовлетворять не только материальные потребности граждан, но и их духовные интересы как неотъемлемый элемент развития и совершенствования личности, в том числе духовные нужды верующих, реализуемые на основе свободы вероисповедания, при условии пользования жилым помещением с учетом соблюдения правил, определенных законодателем.

Особо Конституционный Суд остановился на моменте предоставления жилого помещения по договору для использования в качестве места нахождения религиозной организации, сославшись на пункт 15 Методических рекомендаций по применению органами юстиции некоторых положений ФЗ «О свободе совести» (утверждены Министерством юстиции Российской Федерации 27 декабря 1999 года) и пункт 4 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 30 июля 2013 года №61 «О некоторых вопросах практики рассмотрения споров, связанных с достоверностью адреса юридического лица»: «Само по себе предоставление жилого помещения по договору для использования в качестве места нахождения религиозной организации может быть в конкретной ситуации направлено на обеспечение или подтверждение формальных условий ее правосубъектности как юридического лица, подлежащего государственной регистрации» [6]. Данный факт приобретает важное значение для малочисленных религиозных организаций, не имеющих в собственности своих зданий и помещений, а также возможности приобрести или арендовать их.

В итоге Конституционный Суд оспоренные законоположения признал не противоречащими Конституции РФ и разъяснил их конституционно-правовой смысл. Если собственник жилого помещения предоставит религиозной организации возможность указать адрес дома как адрес места нахождения религиозной организации и разрешит проводить в нем религиозные обряды, то данные действия не могут образовывать состав административного правонарушения, предусмотренного частью 1 статьи 8.8 КоАП Российской Федерации.

Однако если все-таки возникает вопрос о привлечении к административной ответственности собственника за использование земельного участка не по назначению, то правоприменителям необходимо исходить из всей совокупности фактических обстоятельств. Важно установить именно трансфор-

мацию жилого помещения в помещение культового значения, например, когда здание используется только для проведения религиозных обрядов или для размещения руководящих органов религиозной организации. Такие здания можно размещать только на земельных участках с такими видами использования, как «осуществление религиозных обрядов» (код 3.7.1), «религиозное управление и образование» (код 3.7.2.).

На слушаниях в поддержку прав российских протестантов высказался от имени Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека И.Г. Шаблинский. Он отметил, что «в таких делах административные органы использовали нормы земельного законодательства совершенно тенденциозно – в целях ограничения прав религиозных объединений и свободы вероисповедания. Очевидная спорность и даже предвзятость позиции, занятой управлениями Росреестра, требовала четкой правовой оценки. В противном случае, данная практика стала превращаться в расширяющееся наступление на права религиозных меньшинств – в основном, христианских церквей, не относящихся к Русской Православной Церкви» [8].

По-нашему мнению, на жилом доме может находиться вывеска с указанием полного наименования религиозной организации, расписание служб и религиозная символика (например, символ креста и т.п.) – это не будет свидетельствовать о трансформации здания в помещение культового значения. Вместе с тем, если в реальности в доме никто не проживает или само помещение предназначено исключительно для проведения богослужений (обустроено капитальным образом «молитвенное пространство» – алтарь, кафедра для проповеди, места для сидения и т.п.), то в этом случае обязательно необходимо переводить земельный участок под требуемые законодательством виды использования.

Другое дело, пусть не дошедшее до Конституционного Суда, касалось регистрации в одной из комнат коммунальной квартиры в г.Москве, принадлежащей проживающему там лицу на праве собственности, Министерством юстиции РФ Религиозной группы «Церковь Рождества Христова» (христиане веры евангельской («пятидесятники»)). В данной комнате проходили собрания верующих. Один из жильцов коммунальной квартиры, проживающий в других комнатах, обратился в Останкинский районный суд г.Москвы с иском о запрете деятельности данной религиозной группы. 29 января 2019 году суд вынес решение [5]. При рассмотрении дела суд пришел к весьма своеобразному выводу. Он указал, что истцы (соседи) не входят в религиозную группу и не давали согласия на проведения в квартире богослужений и иных религиозных обрядов, поэтому деятельность группы необходимо прекратить. Но

как быть с правом на свободу вероисповедания, которое может осуществляться в жилых помещениях? Суд отметил – реализуйте, но только в помещениях специально предназначенных для этого или в помещениях принадлежащих только членам группы на праве собственности, праве аренды, субаренды и т.д. Получалось, что с точки зрения суда двум людям нельзя «молиться» в их собственной комнате. Конечно, имущество, находящееся в долевой собственности, всегда непросто использовать так, чтобы не возникло претензий со стороны других собственников. Но выходит, что отмечать шумные дни рождения можно в своей комнате, можно встречаться с людьми, можно много чего, но только «не молиться».

Однако Московский городской суд решение отменил, а кассационная инстанция направила на новое рассмотрение¹. 20 ноября 2019 года Останкинский районный суд города Москвы отказал в исковых требованиях в полном объеме.

В 2020 году Конституционный Суд РФ в продолжение темы «использования жилых помещений для религиозных нужд» запретил контролирующим органам требовать от религиозных организаций размещения вывесок с полным наименованием, если они занимают под свои нужды не здание целиком, а только часть помещений в доме. В этом случае речь шла о практике привлечения к административной ответственности религиозных организаций по 5.26 КоАП РФ в том случае, если они размещали информацию о религиозной организации не на жилом доме (при входе на земельный участок, на котором этот дом находится), где она была бы доступна неограниченному кругу лиц, а на двери помещения (комнаты), непосредственно занимаемого религиозной организацией [7].

Таким образом, в 2019-2020 году было вынесено несколько решений, касающихся пределов вмешательства органов публичной власти в реализации права граждан на свободу вероисповедания, что позволяет сформулировать следующие выводы:

Земельный участок, предназначенный для ведения личного подсобного хозяйства, предполагает в числе прочего размещение жилого дома, в котором могут беспрепятственно совершаться богослужения, религиозные обряды и церемонии. Главное, чтобы не допускалась трансформация жилого помещения в помещение культового значения (из-за утраты признаков жилого помещения).

Религиозные организации могут использовать жилые дома с согласия их собственников в качестве места нахождения религиозной организации. При этом размещение вывесок с полным наименованием организации допускается внутри жилого дома при входе в используемые ею помещения.

Религиозные группы могут осуществлять свою деятельность в комнате коммунальной квартиры,

¹ Информация по жалобе № 4г-10143/2019 // <https://www.mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/cassation-civil/details/8fb572a2-8145-439e-b015-00f62eaab02d> (дата обращения – 23.10.2020).

принадлежащей членам религиозной группы на праве собственности. Суды не могут запретить деятельность таких групп.

При применении этих норм на практике возникло множество проблем, обусловленных, прежде всего, недостаточным пониманием специфики религиозной деятельности в России судебными органами, уровнем знаний отдельных сотрудников правоохранительных структур, и, в целом, иногда предвзятом отношении к немногочисленным религиозным организациям, что свидетельствует о необходимости существенной корректировки российского законодательства в сфере государственно-конфессиональных отношений. Стоит надеяться, что данные решения положительным образом скажутся на реализации конституционной свободы вероисповедания.

Примечания:

1. Конституционный Суд обсудил жертвоприношения и право на «домовые церкви» // http://www.sclj.ru/news/detail.php?SECTION_ID=514&ELEMENT_ID=8146 (дата обращения – 23.10.2020).

2. Кулаков М. Земля не для молитвы // http://www.ng.ru/ng_religii/2019-10-01/11_473_sud.html (дата обращения – 23.10.2020).

3. Россия попала в список преследующих христиан стран впервые за семь лет // <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5c3f228d9a794778ad909e4e> (дата обращения – 14.02.2020).

4. Решение Арсеньевского городского суда Приморского края № 12-140/2018 от 15 октября 2018 года по делу № 12-140/2018 // <https://clck.ru/K9Say> (дата обращения – 23.10.2020).

5. Решение Останкинского районного суда г. Москвы от 29 января 2019 года №2-334/19 //

<https://www.mos-gorsud.ru/rs/ostankinskij/services/cases/civil/details/db337ce1-4d96-4676-8992-854b6ef2a712?year=2019&caseFinalRangeDateFrom=29.01.2019&caseFinalRangeDateTo=29.01.2019&formType=fullForm> (дата обращения – 23.10.2020).

6. Постановление Конституционного Суда РФ от 14 ноября 2019 года № 35-П «По делу о проверке конституционности абзаца второго статьи 42 Земельного кодекса Российской Федерации и части 1 статьи 8.8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой гражданки О.В. Гламоздиновой» // Российская газета. № 265. 25.11.2019.

7. Постановление Конституционного Суда РФ от 3 ноября 2020 года № 45-П «По делу о проверке конституционности части 3 статьи 5.26 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и пункта 8 статьи 8 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» в связи с жалобой религиозной организации Церковь христиан веры евангельской (пятидесятников) «Слово жизни» Долгопрудный» // <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202011090006> (дата обращения – 25.11.2020).

8. Шаблинский И.Г. Свобода вероисповедания: о правомерности богослужений в жилых помещениях // https://academia.ilpp.ru/svoboda-veroispovedaniya-o-pravomernosti-bogosluzheniy-v-zhilh-pomeshteniyah/?fbclid=IwAR0DVtj0vUjDG6DxXCy2ObkYyVuEVPnB6EZQ0XorQQO3pbS_pPiRQfctVcU (дата обращения – 23.10.2020).

9. Россия попала в список преследующих христиан стран впервые за семь лет // <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5c3f228d9a794778ad909e4e> (дата обращения – 23.10.2020).

К вопросу о судебной реформе в РФ

On the Issue of Judicial Reform in the Russian Federation

Ермакова Татьяна Николаевна,

заведующая кафедрой уголовно-процессуального права и криминалистики
ФГБОУ ВО Волго-Вятский институт (филиал)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
к.ю.н., доцент, г. Киров

Ermakova Tatyana Nikolaevna,

Head of the Department of Criminal Procedure Law and Criminalistics of the Volga-Vyatskiy Institute (Branch) of O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL), PhD in Law, Associate Professor, Kirov

Жить в эпоху перемен всегда очень непросто, а тем более, когда эти перемены затрагивают интересы и граждан, и «власти». Но общественные отношения развиваются так стремительно, что без глобальных перемен просто не обойтись. Как подчеркнул глава государства В.В. Путин на IX Всероссийском съезде судей, «жизнь, развитие страны требуют корректировки, настройки нашей правовой системы и законодательства. Но вместе с тем, нужно признать, что наше правовое поле меняется очень быстро, может быть, слишком быстро и порой не системно, что создает немало угроз в процессе правоприменения» [1].

Сказанное подтверждает основные направления развития судебной системы, отмеченные в Концепции федеральной целевой программы «Развитие судебной системы России на 2013-2020 годы, в которой были поставлены такие задачи, как: проведение судебной реформы, обеспечивающей действенность и справедливость принимаемых судом решений; обеспечение доступа граждан к правосудию и обеспечение его максимальной открытости и прозрачности; реализация принципа независимости и объективности при вынесении судебных решений [2]. Решению данных задач посвящена и судебная

В статье анализируются основные направления развития судебной системы на современном этапе. Делается вывод о достоинствах и недостатках проводимой реформы судостроительства, основная цель которой, заключается в обеспечении независимости и самостоятельности судей путем создания организационно и территориально обособленных апелляционных и кассационных инстанций в рамках системы судов общей юрисдикции.

Ключевые слова: судебная система, судебная реформа, апелляционный суд, кассационный суд, суды общей юрисдикции.

The article considers the main directions of the development of the judicial system at the present stage. The author makes conclusions about the advantages and disadvantages of the ongoing reform of the judicial system. The main goal of the reform is to ensure the independence of judges by creating organizationally and geographically separate courts of appeal and cassation in the system of courts of general jurisdiction.

Key words: judicial system, judicial reform, court of appeal, court of cassation, courts of general jurisdiction.

реформа, которая затрагивает вопросы и судостроительства, и судопроизводства. Поэтому все нововведения, проводимые в настоящее время, направлены на увеличение прозрачности и открытости судебного процесса, уменьшение коррупционной составляющей, а также повышение самостоятельности, независимости и беспристрастности судебной системы. Если говорить о не менее значимой по резонансу реформе судостроительства, то её основная цель заключается в обеспечении независимости и самостоятельности судей путем создания организационно и территориально обособленных апелляционных и кассационных

инстанций в рамках системы судов общей юрисдикции. Несомненно, процесс выстраивания системы судов общей юрисдикции по образцу системы арбитражных судов Российской Федерации – это положительный и прогрессивный процесс, особенно, учитывая, что при «дореформенном» порядке обжалования судебных решений в судах общей юрисдикции, они, как правило, пересматривались лишь в пределах одного и того же субъекта Российской Федерации, и часто даже одного и того же суда (в его коллегиях и на президиуме), например, в судах общей юрисдикции возникали ситуации, когда президиум областного суда рассматривал в кассационном порядке

жалобы на апелляционные определения этого же областного суда, находящегося в одном здании. Такая ситуация создает вероятность оказания давления на председателей соответствующих судов, а через них и на все судебные решения, в первую очередь со стороны региональной власти, где расположены эти суды. Ожидается, что в результате данной реформы произойдет такое перераспределение компетенций между разными судами, в результате которого функции апелляционной и кассационной инстанций не будут сконцентрированы в одних и тех же судах. По аналогии с системой арбитражных судов дело теперь будет рассматриваться отдельной структурой экстерриториального характера, охватывающей несколько регионов [3]. Поэтому создание апелляционных и кассационных судов, не совпадающих с административно-территориальным делением, по мнению разработчиков данной реформы, сделает судей более независимыми при принятии решений и снизит коррупционные риски. Но, за громкими обсуждениями многочисленных достоинств судебной реформы, можно разглядеть её существенный недостаток, нивелирующий большую часть прогнозируемых положительных результатов и придающий реформе незавершенный вид. Ведь при более внимательном анализе выяснилось бы, что апелляционные суды общей юрисдикции будут рассматривать только апелляции на гражданские и уголовные дела, подсудные по первой инстанции судам уровня субъектов Федерации (областные, краевые и т.п. суды), а их на общем фоне крайне мало как по уголовным, так и гражданским делам. Для большинства же, причем подавляющего, судебных дел в плане апелляции не меняется ровным счетом ничего, что позволит спокойно продолжить дискурс о судебной реформе и после столь, казалось бы, эпохальных нововведений [4].

Соответственно, надежда на более справедливое и независимое для заявителей судебное постановление по результатам рассмотрения в более независимом от местных властей суде другого региона (как это реализовано в системе арбитражных судов) полностью исчезла. А ведь Верховный суд РФ, изначально предложивший данную реформу, очевидно, опирался на положительный опыт системы арбитражных судов, в рамках которой уже достаточно давно существуют отдельные апелляционные и кассационные суды, которые позволяют повысить независимость судебных решений и унифицировать систему судоустройства.

Не все так радужно, как представляют разработчики реформы, и с кассационной инстанцией. К числу ожидаемых рисков, проводимой реформы судоустройства, относится, во-первых, возможная «нехватка» судов кассационной инстанции. В сравнении с системой арбитражных судов, их создано меньше – 9, а в системе арбитражных судов – 10 окружных (кассационных) судов. Если учесть, что в системе арбитражных судов нет районных судов, а количество апелляционных и окружных кассационных судов

значительно больше, нежели в судах общей юрисдикции, то следует предполагать в будущем создание в их системе постоянных судебных присутствий как апелляционных, так возможно, и кассационных судов. Институту постоянных судебных присутствий необходимо уделить отдельное пристальное внимание, так как от этого напрямую зависит достижение главной цели судебной реформы: повышение качества и доступности правосудия.

Во-вторых, это реализация принципа «сплошной кассации», заключающегося в передаче на рассмотрение всех поступающих кассационных жалоб, формально соответствующих установленным процессуальным законодательством. Эти изменения должны привести к увеличению процента судебных актов, подлежащих проверке в кассационном порядке, и снижению рисков регионального влияния на деятельность судей.

«Здесь, напротив, уголовные дела, подсудные по первой инстанции судам уровня субъектов Федерации, из компетенции новых кассационных судов общей юрисдикции по непонятным причинам выведены, т.е. по делам о менее опасных преступлениях, предусматривающих менее строгие наказания, будут две кассационные инстанции, а по делам о более опасных преступлениях с более строгими наказаниями – только одна. Здравому смыслу это несколько противоречит» [5].

В-третьих, создание, организационно обособленных от нижестоящих судов, апелляционных и кассационных судов общей юрисдикции может повлечь дополнительное финансовое бремя на участников процесса, поскольку проезд к месту судебного заседания, проживание там, необходимо оплачивать из собственных средств, до того, как ходатайство о возмещении судебных издержек будет рассмотрено и удовлетворено. Особенно указанные затраты могут быть существенны для физических лиц, выступающих стороной судебного разбирательства.

В-четвертых, избежать дополнительных финансовых затрат, связанных с проездом к месту нахождения суда и проживанием там, возможно путем непосредственного участия в судебном заседании по месту нахождения суда кассационной инстанции участия в судебном заседании посредством использования систем видео-конференц-связи, предусмотренного процессуальным законодательством. Однако такой способ участия возможен при наличии в суде, рассматривающем дело в кассационной инстанции и в суде по месту жительства, нахождения лица, участвующего в деле, технической возможности осуществления видео-конференц-связи.

Стоит отметить, что, несмотря на законодательное закрепление права лица воспользоваться указанным способом участия в судебном заседании с середины 2013 года до настоящего времени оно не нашло широкого применения в деятельности судов общей юрисдикции по причине отсутствия у них технической возможности обеспечить видео-

конференц-связь, в отличие от арбитражных судов, уже практикующих проведение судебных заседаний с использованием видео-конференц-связи.

Мы видим реальность указанных проблем, которые очевидны и далеки от пафосных рассуждений. Без их решения мы вряд ли сможем оценить судебную реформу как завершенную, стабильную и институционально непротиворечивую нормативную модель уголовного судопроизводства, рассчитанную на длительное применение. Однако, как мы уже отмечали, без такой реформы невозможно оптимизировать правоприменительную практику, вдумчиво, логично и экономно совершенствовать законодательство, готовить кадры для правоохранительных органов и судов.

Примечания:

1. Итоги IX Съезда судей: просьбы о дополнительном финансировании и отмена конфликта интересов. – URL: <https://pravo.ru/news/view/136333/> (дата обращения 25.11.2020). – Режим доступа : свободный. – Текст : электронный.

2. Российская Федерация. Правительство. Об утверждении Концепции федеральной целевой программы «Развитие судебной системы России на 2013-2020 годы» : распоряжение Правительства РФ от 20.09.2012 № 1735-р. – Доступ из справочно-правовой системы Консультант Плюс. – Текст : электронный.

3. Российская Федерация. Федеральный конституционный закон. О судах общей юрисдикции в РФ : текст с изм. и доп. от 06.03.2019 : [принят Государственной Думой 28 января 2011 : одобрен Советом Федерации 02 февраля 2011 года]. – Москва, 2019. – Доступ из справочно-правовой системы Консультант Плюс. – Текст : электронный.

4. Головкин, А.В. Уголовное судопроизводство в условиях перманентной судебной реформы / А.В. Головкин. – Текст : непосредственный // Закон. – 2019. – №4. – С. 74.

5. Головкин, А.В. Уголовное судопроизводство в условиях перманентной судебной реформы / А.В. Головкин. – Текст : непосредственный // Закон. – 2019. – №4. – С. 75.

Досудебный порядок урегулирования спора в частных и публичных правоотношениях: проблемы правопонимания

Pre-trial procedure for resolving a dispute in private and public legal relations: problems of legal thinking

Кошечкина Елена Сергеевна,

доцент кафедры гражданского права и процесса, заместитель директора по учебной и воспитательной работе Волго-Вятского Института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина, кандидат юридических наук, доцент, г. Киров

Koscheeva Elena Sergeevna,

Associate Professor at the Department of Civil Law and Procedure, Deputy Director for Academic and Educational Work Volgo-Vyatka Institute (branch) University named after O.E. Kutafin, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Kirov

Петрунева Анна Николаевна,

преподаватель кафедры гражданского права и процесса, научный сотрудник Волго-Вятского Института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина, г. Киров

Petruneva Anna Nikolaevna,

Lecturer at the Department of Civil Law and Procedure, Researcher Volgo-Vyatka Institute (branch) University named after O.E. Kutafin, Kirov

Указание на необходимость соблюдения претензионного порядка урегулирования спора содержится в целом ряде статей Гражданского кодекса РФ [1; ст.ст. 452, 466, 468, 475, 480, 482, 503, 504, 518-523, 737-739, 797] и иных кодифицированных нормативных актах, регулирующих частные или публичные правоотношения.

В соответствии с нормами процессуального законодательства, регламентирующего гражданское и административное судопроизводство, соблюдение досудебного порядка урегулирования спора является обязательным условием для применения судебной формы защиты [2; ст. 135], [3; ст. 129], [4; ст. 129].

В статье авторами обозначены отдельные проблемы правопонимания относительно досудебного урегулирования спора в частных и публичных правоотношениях; отмечена необходимость формирования общего понимания рассматриваемой категории с учетом как правовой природы спорного правоотношения (частное или публичное), так и в разрезе науки материального и процессуального права.

Ключевые слова: частные и публичные правоотношения, досудебный порядок, урегулирование спора, разрешение спора.

In the article, the authors identify certain problems of legal thinking regarding the pre-trial settlement of a dispute in private and public legal relations; the need to form a common understanding of the category under consideration is noted, taking into account both the legal nature of the disputed legal relationship (private or public), and in the context of the science of material and procedural law.

Key words: private and public legal relations, pre-trial order, dispute settlement, dispute resolution.

В этой связи возникает необходимость формирования общего понимания рассматриваемой категории с учетом как правовой природы спорного правоотношения (частное или публичное), так и в разрезе науки материального и процессуального права. Согласимся с мнением Р. С. Банникова, что досудебный порядок урегулирования спора «это комплексный институт права, объединяющий нормы как процессуального, так и материального права, поскольку действия сторон спорного правоотношения по соблюдению данного порядка имеют значе-

ние юридических фактов как материально-правового, так и процессуального характера» [5; с. 6].

Для единого подхода в исследовании отметим, что рассмотрению подлежит определенный этап механизма реализации правоотношения: с момента возникновения его охранительного характера (то есть собственно возникновения спора) до момента обращения в государственный суд с целью его разрешения. По мнению авторов, именно этот акцент делается законодателем при включении в наименование рассматриваемого института термина «досудебный».

Целью участников спора на указанном этапе выступает прекращение спорной ситуации и исключение судебного порядка разрешения спора.

Подтверждением данного тезиса служит параллельное нормативное регулирование института, которое, с позиции материального права имеет целью урегулирование (или уточнение наличия) спора между сторонами, а с позиции процессуального права выступает препятствием в реализации права на предъявление иска.

Вместе с тем, рассмотрение досудебного урегулирования как единого института применительно к различным по природе спорам: возникающим из частных или публичных правоотношений, вызывает определенные теоретические сложности.

По мнению авторов, это связано с несколькими обстоятельствами: различной природой спорных материальных отношений, что определяет различие в содержании спора; неоднозначным нормативным закреплением процедуры урегулирования спора. В научной литературе существует достаточное количество работ, направленных на анализ досудебного порядка как в рамках частных (гражданских) [6], так и в рамках публичных правоотношений [7]. При этом большинство исследований в контексте охранительного материального правоотношения сосредоточиваются на определении порядка (процедуры), а не на цели.

А с позиции процессуального права акцент делается на рассмотрении досудебного порядка урегулирования спора как условия реализации права на предъявление иска [5], [8], а не на характеристике его процессуальной формы (порядка реализации).

По мнению авторов, применительно к частным правоотношениям досудебный порядок урегулирования спора используется после возникновения материального охранительного правоотношения и представляет собой форму осуществления деятельности, целью которой является урегулирование спора, содержанием – «обращение к стороне в правоотношении с требованием об устранении нарушения права либо угрозы его нарушения» [9; с. 90], которая не имеет в настоящее время однозначного регулирования. В качестве одной из форм осуществления рассматриваемой деятельности предлагается претензионный порядок, который, в свою очередь не имеет нормативного закрепления всех этапов. Применение иных примирительных процедур также допускается (переговоры, медиация и т.п.), что тре-

бует соответствующего закрепления в нормах материального права.

Далее возникает вопрос о различном содержании в понимании досудебного порядка в публичных правоотношениях.

Ключевым моментом в определении доктринальной позиции имеет ответ на вопрос о цели рассматриваемого досудебного этапа. Если в качестве цели обозначить только урегулирование спора, то в этом случае можно будет сделать вывод о возможности единого понимания указанного института в рамках частных и публичных правоотношений. В том же случае, если в качестве цели рассматривать помимо урегулирования и разрешение публичного спора, то в этом случае досудебный порядок применительно к публичным спорам будет иметь более широкое толкование.

В качестве аргумента указанного подхода приведем мнение М. А. Рожковой: «следует различать досудебные процедуры урегулирования спора и административный порядок разрешения дела, поскольку последний «нельзя причислить к примирительной процедуре» и «приравнять к претензионному порядку урегулирования спора» в силу публичного характера правоотношений, из которых возникает дело, и статуса субъекта, его рассматривающего, обладающего властными полномочиями» [10; с. 15].

Если же вопрос цели с позиции материального права проигнорировать, то есть рассмотреть исключительно с процессуальной формы, то можно привести в пример мнение Р. Ю. Банникова, который не считает разграничение указанных целей принципиальным для определения природы досудебного порядка и рассматривает данный институт с позиции применяемых процедур: «к неюрисдикционной форме относится обращение управомоченной стороны к обязанной стороне спорного правоотношения с требованием о добровольном исполнении последней лежащих на ней обязанностей. Юрисдикционная же форма защиты прав и (или) интересов охватывает деятельность государственных органов и некоторых общественных институтов, управомоченных на рассмотрение и разрешение правовых споров» [5; с. 12].

По мнению авторов, ключевым в понимании досудебного порядка является:

- этап развития материальных правоотношений, которые лежат в основе применения данного института;
- цель деятельности, осуществляемой сторонами на указанной стадии;
- применяемые формы деятельности в зависимости от ее цели.

Примечания:

1. Российская Федерация. Законы. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) : ГК : текст с изменениями от 28 апреля 2020 года : [принят Государственной Думой 22 декабря 1995 года]. –

Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс. – Текст : электронный.

2. Российская Федерация. Законы. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации : ГПК : текст с изменениями от 31 июля 2020 года : [принят Государственной Думой 23 октября 2002 года : одобрен Советом Федерации 30 октября 2002 года]. – Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс. – Текст : электронный.

3. Российская Федерация. Законы. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации : АПК : текст с изменениями от 08 июня 2020 года : [принят Государственной Думой 14 июня 2002 года : одобрен Советом Федерации 10 июля 2002 года]. – Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс. – Текст : электронный.

4. Российская Федерация. Законы. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации : КАС : текст с изменениями и дополнениями, вступ. в силу с 11 августа 2020 года : [принят Государственной Думой 20 февраля 2015 года : одобрен Советом Федерации 25 февраля 2015 года]. – Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс. – Текст : электронный.

5. Банников, Р. Ю. Досудебный порядок урегулирования споров в системе предпосылок и условий реализации (осуществления) права на предъявление иска в суд : специальность 12.00.15 «Гражданский процесс; арбитражный процесс» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Банников Руслан Юрьевич ; Воронежский государственный университет. – Воронеж, 2010. – 28 с. – Место защиты: Уральская государственная юридическая академия. – Текст : непосредственный.

6. Болдырева, Н. Н. Досудебный (претензионный) порядок урегулирования споров в арбитраж-

ном процессе: общие положения / Н. Н. Болдырева. – Текст : непосредственный // Современная юриспруденция: актуальные вопросы, достижения и инновации: сборник статей VII Международной научно-практической конференции. – Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение». – 2018. – С. 194-198.

7. Трафименко, Ю. А., Дементьев, И. В. Налоговый процесс как правовая форма досудебного порядка урегулирования налоговых споров / Ю. А. Трафименко, И. В. Дементьев // Экономика. Образование. Право. Научные исследования состояния и развития современного общества: сборник научных трудов по материалам II Ежегодной международной научно-практической конференции (Волгоград, 01-31 октября 2017 г.) [Электронный ресурс] / под ред. А. А. Вашенко [и др.]. 2017. – Волгоград : Изд-во «ИП Вашенко А. Н.», 2017. – С. 383-386.

8. Медникова, М. Е. Досудебное урегулирование споров в сфере экономической деятельности (проблемы теории и практики) : специальность 12.00.15 «Гражданский процесс; арбитражный процесс» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Медникова Марина Евгеньевна ; Саратовская государственная академия права. – Саратов, 2007. – 27 с. – Место защиты: Саратовская государственная академия права. – Текст : непосредственный.

9. Курбатов, А. Я. Защита прав предпринимателей в отношениях с государством / А. Я. Курбатов. – Текст : непосредственный // Хозяйство и право. – 2005. – № 10. – С. 87-96.

10. Рожкова, М. А. Правила оформления, предъявления и рассмотрения претензий. Приложение к ежемесячному юридическому журналу / М. А. Рожкова. – Текст : непосредственный // Хозяйство и право. – 2008. – № 2. – С. 14-18.

Влияние идей эпохи Просвещения на содержание теории общественного договора и принципа народного суверенитета в трактовке Иммануила Канта

The influence of the ideas of the Enlightenment on the content of the theory of social contract and the principle of popular sovereignty in the interpretation of Immanuel Kant

Козловский Станислав Иванович,

доцент кафедры теории и истории
государства и права Волго-Вятского
института (филиала) Университета
имени О. Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат исторических наук, г. Киров

Kozlovsky Stanislav Ivanovich,

Assistant Professor of theory and history of the State
and the law of Volga-Vyatka Institute (branch)
of Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
candidate of historical sciences, Kirov

Сосновщенко Татьяна Романовна,

магистрант 2 курса Волго-Вятского института
(филиала) Университета имени О. Е. Кутафина
(МГЮА), г. Киров

Sosnovshchenko Tatyana Romanovna,

second-year master student of Volga-Vyatka Institute
(branch) of Kutafin Moscow State Law University
(MSAL), Kirov

Шуракова Анастасия Дмитриевна,

магистрант 2 курса Волго-Вятского института
(филиала) Университета имени О. Е. Кутафина
(МГЮА), г. Киров

Shurakova Anastasiya Dmitrievna,

second-year master student of Volga-Vyatka Institute
(branch) of Kutafin Moscow State Law University
(MSAL), Kirov

Философскую мысль сложно оценивать без учёта окружающего её социального и политического контекста. В работах Иммануила Канта также нашли своё отражение исторический опыт Европы и его рефлексия другими философами. В данной статье рассматривается влияние идей, характерных для эпохи Просвещения, на содержание работ Иммануила Канта, касающихся обоснования положений об общественном договоре и народном суверенитете.

Ключевые слова: Иммануил Кант, народный суверенитет, эпоха Просвещения, теория общественного договора, Декларация прав человека и гражданина.

Philosophical thought is difficult to assess without taking into account the surrounding social and political context. Immanuel Kant's works also reflect the historical experience of Europe and its interpretation by other philosophers. In this article, the authors examine the influence of ideas that are characteristic of the Age of Enlightenment on the content of the works of Immanuel Kant, which substantiate the provisions of the theory of the social contract and popular sovereignty.

Key words: Immanuel Kant, popular sovereignty, Age of Enlightenment, theory of the social contract, Declaration of the Rights of Man and of the Citizen.

«Критический» этап научной деятельности немецкого философа Иммануила Канта, в период которого он занимался вопросами государства и права, приблизительно совпадает по своей хронологии с завершением эпохи Просвещения (как отмечает В. С. Антипов, ранним началом формирования

«исторической просветительской мысли во Франции можно считать последнее десятилетие XVII века», а её финальная часть соотносится с годами Великой французской революции, однако, следует заметить, что у исследователей нет однозначного мнения о временных границах данной эпохи) [1].

Кант, размышляя над природой эпохи Просвещения и изменениях, которые она внесла в общественную жизнь, пишет: «Просвещение – это выход человека из состояния своего несовершеннолетия, в котором он находится по собственной вине» [2]. Таким образом, эти перемены Кант понимает и принимает, давая положительную оценку нового мышления.

На политико-правовые взгляды Канта, сформулированные в его работах «Критика чистого разума» (1781 год), «Критика практического разума» (1788 год), «Критика способности суждения» (1790 год), «Метафизика нравов» (1797 год), оказали влияние идеи многих мыслителей, а также общий исторический контекст XVIII века, отличающегося антифеодалным движением, развитием гуманистических идеалов, верой в общественный прогресс и революционными преобразованиями в ряде стран.

В трудах Иммануила Канта теория общественного договора и связанные с ней принципы народного суверенитета и разделения властей, занимают важное место. Философ придерживался позиции, что создание государства является следствием заключения первоначального договора, в котором население отрекается от своей естественной свободы, чтобы получить гражданскую свободу и обеспечение правопорядка в рамках государства [3].

Обозначенный договор, по мнению Канта, не является историческим фактом, «...этот договор есть всего лишь идея разума, которая, однако, имеет несомненную (практическую) реальность в том смысле, что он налагает на каждого законодателя обязанность издавать свои законы так, чтобы они могли исходить из объединенной воли целого народа» [4]. Э. Ю. Соловьёв, обобщая данную концепцию Канта, отмечает, что в понимании философа «общественный договор» представляет собой соглашение индивидов об идеале «правового государства» [5].

Свобода в теории Иммануила Канта является единственным прирожденным человеческим правом, из которого следуют все остальные права («право человека быть своим собственным господином», «право делиться с другими своими мыслями» и другие) [6]. И. А. Горюлько в своём исследовании пишет, что: «Кант устанавливает первичность понятия свободы по отношению к праву, первичность права по отношению к идее государственности как юридически оформленного общества, а также первичность самой идеи государства по отношению к реально существующим государствам» [6].

Из принципа общественного договора у Канта берут своё начало принципы народного суверенитета и разделения властей. Размышляя о формах правления (которые классифицируются по числу законодательствующих лиц на автократию (абсолютизм), аристократию и демократию, а по наличию разделения властей на деспотические и республиканские) [7], философ замечает, что самой простой в своём осуществлении является автократия, однако

в таких обстоятельствах очень многое зависит от личных качеств правителя. Правильными формами правления, по мнению Канта, можно считать парламентскую республику и конституционную монархию с разделением властей [8].

Как отмечает Н. Е. Каменская, благо государства, по мнению Канта, может быть достигнуто при «согласованности государственного устройства с правовыми принципами» [9], которое достигается при следующих условиях:

1. Законодательная власть принадлежит объединенной воле народа;
2. Исполнительная власть исполняет роль поверенного в делах государства как правового объединения граждан;
3. Народ вправе и обязан самостоятельно судить себя через своих сограждан [10].

Таким образом, в понимании Канта, народный суверенитет основывается на идее первоначального договора и выражается через приоритетное положение законодательной ветви власти, принадлежавшей объединенной воле народу, а также в обязанности исполнительной власти воплощать в жизнь данную волю, судебных гарантиях её защиты.

На данные суждения, по нашему мнению, могли оказать влияние идеи более ранних авторов эпохи Просвещения – Томаса Гоббса, Джона Локка, Жан-Жака Руссо.

Так, нельзя не отметить фундаментальное значение трудов Томаса Гоббса и Джона Локка для развития теории общественного договора и связанных с ней принципов управления. Томас Гоббс изложил свои взгляды на данный вопрос в работе под названием «Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского», созданной в 1651 году и определяющей, что: первоначально люди находились в «естественном состоянии человеческого рода», характеризующимся правом каждого «на всё», «войной всех против всех», в целях мира и безопасности народ договаривается о создании государства (с сувереном во главе), которое отныне будет устанавливать императив поведения [11]. При этом, у человека изымаются не все принадлежавшие ему ранее права (за ним сохраняются права «без которых человек не может жить или не может жить хорошо» [12]), но суверен обладает абсолютной и неменяемой властью. Несмотря на ярко выраженную промонархическую позицию Гоббс внес свой вклад в дальнейшее развитие принципа народного суверенитета, признав народ первоначальным источником государственной власти [13].

Джон Локк в своей работе «Два трактата о государственном правлении» (1689 год) пишет, что естественным состоянием человечества является свобода и равенство, в интересах общего блага и сохранения природных прав (таких как право на жизнь, свободу и собственность) люди передают государству ряд функций по защите своих интересов [14]. Он отмечает: «кто бы ни обладал законодательной

или верховной властью в любом государстве, он обязан править согласно установленным постоянным законам, провозглашенным народом и известным народу, а не путем импровизированных указов» [15]. Локк допускает право народа на расторжение данного договора («право на восстание против тирании») в случае, если государство не выполняет свои основные задачи [16]. Таким образом, философ расширяет принцип народного суверенитета, обозначенный ранее Гоббсом, распространяя его и на ситуации после принятия решения о создании государства, однако народ не обладает полновластием, он может принять решение о смене власти, потерявшей доверие, но не осуществляет свой суверенитет на постоянной основе [13].

Как утверждает А. В. Кузин в своем исследовании: «воззрения Джона Локка оказали огромное влияние на последующее развитие философско-правовых концепций в западной философской традиции, его идеи обозначили «водораздел между двумя традициями в политической философии»: политическим тоталитаризмом, ... либерализмом, политическая концепция которого подразумевает передачу человеком государству лишь части его суверенитета» [18].

Жан-Жак Руссо в сочинении «Об общественном договоре, или Принципы политического права», изданном в 1762 году, и других работах, посвящённых политическим вопросам, излагает еще более либеральный взгляд на общественный договор и народный суверенитет. Руссо характеризует общественный договор как соглашение особого рода, которое заключают «две стороны ... – это каждое частное лицо и общество» и образует ассоциацию людей – носителей общего суверенитета [19]. Суверенная власть в понимании Руссо неделима и не может передаваться кому-либо, принадлежа только народу как сообществу.

Согласно мнению Руссо, участники договора сохраняют свою свободу и равенство, непосредственно проявляют свой суверенитет через осуществление законодательной власти: механизм выявления интересов народа функционирует через выяснение общей воли (центра пересечения волеизъявлений граждан) [20]. Общее благо, как считает Руссо, не может быть определено философами, или учёными без участия народа, только он имеет право судить о том, что соответствует интересам сообщества (в задачу политики входит просветительская деятельность). Народ также вправе изменить своим решением не только предыдущие законы, но и условия первоначального договора [20].

Руссо, основываясь на неделимости суверенитета, отказывается от идеи разделения властей: необходимо только отделить исполнительную власть от законодательной и подчинить первую второй [20]. Единственной возможной формой правления при осуществлении народной власти Руссо называет республику.

Как отмечает А. И. Гройсберг в своём исследовании: «Несмотря на тот факт, что Руссо не был первым, кто выразил идею народного суверенитета, именно в его трудах эта идея оформилась окончательно» [21].

Также, рассматривая политический и социальный контекст конца XVIII века – периода, в который Кант занимался вопросами государства и права, следует отметить, что философу удалось заставить непосредственную реализацию народом Франции в ходе Великой французской революции положений о гражданской свободе, равенстве и естественных правах человека, провозглашаемых мыслителями эпохи Просвещения. Одним из важнейших документов, в которых нашли своё отражение революционные преобразования общества, стала Декларация прав человека и гражданина, принятая Национальным учредительным собранием 26 августа 1789 года. Ряд статей данного правового акта согласуются с содержанием принципа народного суверенитета в трактовке Канта:

1. В статье 3 закрепляется, что «источником суверенной власти является нация»;

2. В статье 6 закон определяется как выражение общей воли всех граждан, которые лично или через представителей имеют право участвовать в его создании;

3. В статье 15 общество получает право требования отчета о деятельности любого должностного лица (данное положение соотносится с идеями Канта, так как философ рассматривает исполнительную власть через осуществляемую ей функцию поверенного в делах реализации воли народа) [22].

Таким образом, при формировании своих политико-правовых взглядов на теорию общественного договора и принцип народного суверенитета Кант не мог не учитывать известные и прогрессивные по своему содержанию мнения философов, писавших в более ранний период эпохи Просвещения. Отголоски некоторых их суждений прослеживаются в работах Канта (в частности, такие как приоритет законодательной власти и реализация с её помощью общей воли, признание решения народа первоначальным источником государственной власти и провозглашение принципа народного суверенитета). Согласно мнению Г.Ю. Курсковой, теория Иммануила Канта, относящаяся к политико-правовой сфере, – «логическое завершение теоретических исследований в области государства и права эпохи Просвещения» [3].

Кроме того, философ не мог не учитывать при построении своей теории актуального общественного запроса на признание народного суверенитета со стороны властей, выраженного, в частности, в содержании Декларации прав и свобод человека 1789 года.

Примечания:

1. Антипов В.С. Методология классического рационализма и французская историческая мысль эпохи Просвещения // Метаморфозы

истории. 2003. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodologiya-klassicheskogo-ratsionalizma-i-frantsuzskaya-istoricheskaya-mysl-epohi-prosveshcheniya> (дата обращения: 05.05.2020).

2. Кант И. Ответ на вопрос: Что такое Просвещение? // Сочинения в 6 тт. Т. 6. М., 1966.

3. Курскова Г.Ю. Учение о государстве и праве И. Канта // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2014. №15 (137). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/uchenie-o-gosudarstve-i-prave-i-kanta-1> (дата обращения: 04.05.2020).

4. История политических и правовых учений: Учебник / Под ред. О.Э. Лейста. – М.: Юридическая литература, 1997. – 576 с.

5. Соловьев Э.Ю. Теория «общественного договора» и кантовское моральное обоснование права – Философия Канта и современность. – М., 1974. – С. 220.

6. Горюлько И. А. Свобода личности как основание учения о праве Иммануила Канта // Вестник ТГУ. 2008. №10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/svoboda-lichnosti-kak-osnovanie-ucheniya-o-prave-immanuila-kanta> (дата обращения: 04.05.2020).

7. Суслова Л. А. Философия И. Канта. – М. Высшая школа, 1988. С. 215.

8. Беляева О. М. Политико-правовые воззрения И. Канта // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2014. №1 (23). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politiko-pravovye-vozzreniya-i-kanta> (дата обращения: 04.05.2020).

9. Кант И. Метафизика нравов в двух частях. 1797. / Соч. В 6 т. – М., 1965., Т.4., Ч. 2. – С. 240.

10. Каменская Н.Е. Взгляды И. Канта на государство и современность // Научно-технический вестник информационных технологий, механики и оптики. 2003. №8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vzglyady-i-kanta-na-gosudarstvo-i-sovremennost> (дата обращения: 04.05.2020).

11. Вражнова А.С., Царёв Д.А. Теория общественного договора в «Левиафане» Томаса Гоббса // Время науки – The Times of Science. 2016. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoriya-obschestvennogo-dogovora-v-leviafane-tomasa-gobbsa> (дата обращения: 07.05.2020).

12. Томас Гоббс. Левиафан – Москва: Мысль, 2001. – 478 с.

13. Нечаев П.Ю. Принцип народного суверенитета: проблемы теории и практики // Ленинградский юридический журнал. 2014. №2 (36). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/printsip-narodnogo-suvereniteta-problemy-teorii-i-praktiki> (дата обращения: 07.05.2020).

14. Меняева Марина Петровна Идея культуры согласия в контексте теорий «Общественного договора» Т. Гоббса, Дж. Локка и Ж.-Ж. Руссо // Социум и власть. 2015. № 1 (51). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ideya-kultury-soglasiya-v-kontekste-teoriy-obschestvennogo-dogovora-t-gobbsa-dzh-lokka-i-zh-zh-russo> (дата обращения: 07.05.2020).

15. Локк Дж. Два трактата о правлении. – М.: Канон+; РООИ «Реабилитация», 2009. – Кн. II. – Гл. 2. – С. 68.

16. Локк Джон Сочинения: В 3 т. – Т. 3. – М.: Мысль, 1988. С. 137–405.

17. Кузин А.В. Проблема справедливости в работах Джона Локка и Томаса Гоббса // Вестник Самарского юридического института. 2017. №2 (24). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-spravedlivosti-v-rabotah-dzh-lokka-i-t-gobbsa> (дата обращения: 07.05.2020).

18. Филаретов Н. И. О специфике договорной теории Ж.-Ж. Руссо // Актуальные проблемы российского права. 2009. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-spetsifike-dogovornoj-teorii-zh-zh-russo> (дата обращения: 07.05.2020).

19. История политических и правовых учений: Учебник / Под ред. О.Э. Лейста. – М.: Юридическая литература, 1997. – 576 с.

20. Гройсберг А. И. Развитие теории суверенитета Ж.-Ж. Руссо в годы французской буржуазной революции // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2015. №1 (27). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-teorii-suvereniteta-zh-zh-russo-v-gody-frantsuzskoy-burzhuznoy-revoljutsii> (дата обращения: 07.05.2020).

21. Французская Республика: Конституция и законодательные акты. – М., 1989. – С. 26-29.

К вопросу о полноправосубъективности: подход, структура, валентность и ее счисления

Холкин Олег Михайлович,

юрист, эксперт Общественной палаты Кировской области в области права, магистр философии, г. Киров

On the question of full subjectivity: approach, structure, valence and its numbers

Holkin Oleg Mihailovich,

the lawyer, the expert of Public chamber of the Kirov region in the field of the right, the master of philosophy, Kirov

Ранее вышла в свет моя статья по вопросу о структурно-функциональной модели правосубъективности как инструменте выявления констелляционной полноты разброса состояний человеческой правосубъективности как правового феномена [2]. В статье была предложена модель, позволяющая определить по меньшей мере 27 видов правосубъективных состояний с объяснением почему их столько, а не больше или меньше, и почему они такие, а не другие.

В статье мы исходили из общего понимания правосубъективности как способности субъекта обеспечивать надлежащее существование в сфере правового оборота (шире, в отношениях, связанных с «нормализацией» экзистирования в целом). При этом структурно и функционально модель правосубъективности была представлена следующим образом (табл. 1, 2).

Наложённые друг на друга «горизонтальный» и «вертикальный» срезы правосубъективности в результате представляли в «матрице» правосубъективности (табл. 3).

В настоящей статье рассматривается вопрос о правосубъективности как полноправосубъективности, не получившем пока еще надлежащей постановки и разработки как в философско-правовой литературе, так и в дискурсе, с использованием философско-правовых и логико-математических инструментов, позволивших составить предварительное описание феномена полноправосубъективности с введением ранее не использовавшихся параметров в виде рефлексивного масштаба и валентности, а также представлен фрагмент их счисления.

Ключевые слова: полноправосубъективность, правосубъективность, структурно-функциональная модель субъективности, модальная триположность правосубъективности и ее базовые режимы: биономия, социономия, ноономия; онтологии: субъектные, интерсубъектные, метаинтерсубъектные; «периодический закон» правосубъективности, закон возвышения правосубъективности, рефлексивные масштабы, валентность и ее счисления.

This article deals with the issue of legal subjectivity as a full-fledged legal subjectivity remains unclear, which has not yet received proper post-novation and development both in the philosophical and legal literature and in the dis-course, with the use of philosophical-legal and logical-mathematical tools, which made it possible to make a preliminary description of the phenomenon of full subjectivity with the introduction of previously unused parameters in the form of reflexive scale and valence, and also a fragment of their number is presented.

Key words: full-legal subjectivity, legal subjectivity, structural and functional model of subjectivity, modal tri-position of legal subjectivity and its basic modes: bi-nomy, socio-nomy, no-onomy; ontologies: subject, intersubjective, metaintersubjective; “periodic law” of legal subjectivity, law of elevation of legal subjectivity, reflexive scales, valence and its numbers.

«Матрица» в свою очередь позволяла увидеть, что все компоненты «вертикального» среза правосубъективности в свете «горизонтального» представляли как тройственные по своей природе.

«Горизонтальный» срез правосубъективности в свете «матрицы» также предстает как тройственный по своему содержанию. Это означает, что каждая из трех модальностей правосубъективности при рассмотрении должна быть непреодолимо тематизирована когнитивным, эмоциональным и волевым началами правосубъективности.

Вышеизложенный подход позволял произвести исчисление компонентных констелляций правосубъективности путем перебора всех возможных вариантов соотношения «матричных» ячеек между собой:

1. **Бк-Бп-Бв**, Бк-Сп-Бв, Бк-Нп-Бв, Бк-Бп-Св, Бк-Бп-Нв, Бк-Сп-Св, Бк-Сп-Нв, Бк-Нп-Нв, Бк-Нп-Нв;
2. Ск-Бп-Бв, Ск-Бп-Св, Ск-Бп-Нв, Ск-Сп-Бв, **Ск-Сп-Св**, Ск-Сп-Нв, Ск-Нп-Бв, Ск-Нп-Св, Ск-Нп-Нв;

3. Нк-Бп-Бв, Нк-Бп-Св, Нк-Бп-Нв, Нк-Сп-Бв, Нк-Сп-Св, Нк-Сп-Нв, Нк-Нп-Бв, Нк-Нп-Св, **Нк-Нп-Нв**.

В результате данного исчисления были найдены 27 конечных констелляций (вариантов сочетания) элементов правосубъективности.

Таблица 1 – «Вертикальный» срез правосубъективности

Правовые когнции (когнитивно-правовое)
Правовые переживания (эмотивно-правовое)
Правоволение

Таблица 2 – «Горизонтальный» срез правосубъективности

«Биономный» режим	«Социономный» режим	«Ноономный» режим
-------------------	---------------------	-------------------

Таблица 3 – «Матрица» правосубъективности (СФМП)

Бк	Ск	Нк
Бп	Сп	Нп
Бв	Св	Нв

где:

Бк, Бп, Бв – соответственно, биономные по своей природе и доминантной экзистенциальной установке правовые когнции, эмоции и волеизъявления;

Ск, Сп, Св – соответственно, социономные по своей доминантной экзистенциальной установке правовое когнитивное, эмотивное и волевое;

Нк, Нп, Нв – соответственно, ноономные (сугубо рациональные) по своей доминантной экзистенциальной установке правовые когнции, переживания и воления.

Если полученная систематика констелляций правосубъективности отражает действительное положение дел в данной сфере, то есть основания утверждать, что каждый индивид в части своей правосубъективности на тот или иной момент своей жизнедеятельности является носителем одной из вышеисчисленных констелляций.

На основе «констелляционного» исчисления «составов» правосубъективности была обнаружена некая связность, имеющая инвариантный характер, и которая могла бы быть квалифицирована как своего рода «периодический закон» правосубъективности, а именно: правосубъективные свойства и характеристики отдельного индивида стоят в периодической зависимости от модальностного состояния (режима) его правосубъективности. Табличным выражением данного «закона» и явилась представленная выше «периодическая» система (констелляционный разброс) компонентов правосубъективности.

Таким образом, согласно упомянутой статьи основная направленность авторской позиции была связана с выявлением структурно-функционального содержания человеческой правосубъективности.

Между тем остался невыясненным вопрос о правосубъективности как полноправосубъективности, позволяющем в удачном случае определиться с мерой феномена и его онтологическими пределами. Кроме того, ответ на вопрос даже в первом приближении позволил бы пролить рациональный свет на релевантные по характеру представления о механизмах правосубъектного и правосубъективного развития, научных критериях этого процесса и методиках, основанных на них.

В настоящей статье в развитие вышеупомянутой автор предлагает подход, который в известной мере позволяет построить модель полноправосубъективности с применением некоторых логико-философских инструментов проективно-модальной онтологии В.И. Моисеева [3]. В этих целях автор использует аксиоматику, включающей в себя следующие инвариантные по своему характеру начала правовых онтологий: правосубъектные онтологии, правоинтерсубъективные онтологии и право метасубъективные онтологии, – весь этот ряд онтологий вытекает из непосредственной данной тройственной структуры фундирующих человеческую субъективность отношений: (1) «человек как абстракт, присущий отдельному индивиду»; (2) «человек как совокупность общественных отношений»; (3) «человек как житель Мира».

Если правовое как таковое является «срезом» всех этих отношений, то и его базовая структура должна представляться по меньшей мере как тройственная. Таким образом из базовой аксиоматики можно вывести представление о существовании по меньшей мере трех также базовых и взаимосвязанных правовых онтологий: правосубъектные онтологии, интерсубъективные онтологии и метаправосубъектные. В данной статье рассматривается сугубо правосубъективный («рефлексивный») аспект названных правовых онтологий.

Перспективным в исследовании вопроса о полноправосубъективности видится использование для анализа структур философской логики в составе понятий самобытия, инобытия и полнобытия, а также – соответствующих формальных структур, выражающих их взаимоотношения с использованием элементов математической логики.

Тогда в общем случае формула, выражающая полнобытийный аспект какого-либо начала, может быть представлена в виде: $X = X \downarrow X + X \downarrow Y + X \downarrow Z$, при условии что $X \neq Y$ и $X \neq Z$, и где часть формулы $X \downarrow X$ выражает аспект самобытия, другая часть $X \downarrow Y$, $X \downarrow Z$ – инобытийные аспекты X , а X – полнобытие. В более компактном виде эта же формула выглядит так: $X = X \downarrow X + \sum X \downarrow Y$. Из формулы следует, что во всех инобытийных аспектах X рассматривается при неких ограничивающих условиях Y , Z и т.п. Знак $\downarrow$ (стрелка вниз) означает «при ограничивающих условиях», стрелка вверх $\uparrow$ – «при расширяющих условиях». Представление данных в таком виде, кроме всего прочего, позволяет значительно «сжать» (заар-

хивировать) смыслы и текст и тем самым достигнуть значительной экономии в изложении материала.

Применительно к феномену правосубъективности формула полноправосубъективности соответственно может быть выражена следующим образом:

$$\Sigma \Pi^0 = \Sigma \Pi \downarrow \Pi_1 + \Sigma \Pi \downarrow \Pi_2 + \Sigma \Pi \downarrow \Pi_3, + [\Sigma \Pi^0 \downarrow \Sigma \Pi^0],$$

где

$\Sigma \Pi^0$ – полноправосубъективность;

Π_1 – «срез» (аспект, масштаб) правосубъективности, ограниченный самостью лица, взятой самой по себе (условно «импульсивное» или «самостное» право);

Π_2 – «срез» правосубъективности, нагруженный конвенциональными составляющими правового характера (позитивно-правовой аспект габитуса [Бурдье]);

Π_3 – «срез» правосубъективности, обусловленный усмотрениями, значимостями и волевыми актами, имеющими сугубо юс-правовой («доктринальный», ноономный) характер;

$[\Sigma \Pi^0 \downarrow \Sigma \Pi^0]$ – самобытийный аспект полноправосубъективности, когда полноправосубъективности, взятой в качестве аспекта, сопоставлено свое же «каноническое» условие.

Если части формулы Π_1 , Π_2 и Π_3 «распаковать», а именно:

$$\Pi_1 = \Pi_1 \downarrow \Pi_1 + \Pi_1 \downarrow \Pi_2 + \Pi_1 \downarrow \Pi_3;$$

$$\Pi_3 = \Pi_3 \downarrow \Pi_3, -$$

то формула полноправосубъективности предстанет в развернутом виде:

$$\Sigma \Pi^0 = [\Sigma \Pi^0 \downarrow \Sigma \Pi^0] + \Sigma \Pi^0 \downarrow (\Pi_1 \downarrow \Pi_1 + \Pi_1 \downarrow \Pi_2 + \Pi_1 \downarrow \Pi_3) + \Sigma \Pi^0 \downarrow (\Pi_2 \downarrow \Pi_2 + \Pi_2 \downarrow \Pi_3) + \Sigma \Pi^0 \downarrow (\Pi_3 \downarrow \Pi_3).$$

Из этого следует, что аспекты («срезы») правосубъективности, взятые сами по себе и по совокупности, несут в себе определенные валентные составы, сочетающие «+» и «-» валентности в зависимости от соответствия/несоответствия более высоким ступеням (мере) правосубъективных онтологий. В этом случае Π_1 предстает как три-валентная структура, Π_2 – как би-валентная, а Π_3 – как моно-валентная с учетом нижеизложенного нюанса.

При этом в рамках каждой из названных структур складывается присущий каждой из них набор валентных констелляций:

Исчисление констелляций три-валентной структуры Π_1 :

1.	-	-	-
2.	+	-	-
3.	+	+	-
4.	+	-	+
5.	-	+	+
6.	-	+	-
7.	+	+	+

Исчисление констелляций бивалентной структуры Π_2 :

1.	-	-
2.	+	-
3.	-	+
4.	+	+

Исчисление констелляций «моно-валентной» структуры Π_3 :

1.	-
2.	+

Это означает, что «самостный» аспект правосубъективности является самым неоднозначным с потенциалом «конфликтных» точек сразу на двух «швах»: между Π_1 и Π_2 , с одной стороны, и между Π_1 и Π_3 , с другой. Сугубо «конвенционалистский» аспект правосубъективности также является неоднозначным, но с существенно меньшим валентным разбросом, а потому «конфликтно» нагружен преимущественно на «шве» между Π_2 и Π_3 . И только метаинтерправосубъективный («ноономный») аспект правосубъективности, может быть в известном смысле расценен как однозначный. Утверждение об однозначности объясняется принятым в целях данной статьи допущением, что этот аспект правосубъективности наиболее тесно приближен к «канонической» правосубъективной онтологии, в которой правосубъективность предстает в качестве исходной («первой» по природе), и в силу этого Π_3 во всяком случае получает характер большей безусловности по сравнению с очевидной условностью Π_1 и Π_2 . Другое дело, что метаинтерправосубъективные интуиции (когниции, значимости и воления) на шкале меры соответствия/несоответствия полноправосубъективному канону могут быть в известном смысле также поняты как бивалентные (неоднозначные). При таком положении валентные составы иных аспектов должны быть увеличены на одну единицу, а к моновалентному должен быть отнесен только аспект вида $[\Sigma \Pi^0 \downarrow \Sigma \Pi^0]$. Данный нюанс подлежит учету при осмыслении излагаемого здесь концепта.

Вопрос: как все это работает, и как физическое лицо в качестве рефлексивного субъекта правового оборота достигает (должен достигнуть) валентной однозначности во внутреннем расположении себя?

Здесь следует привлечь структуры рефлексивной онтологии и закона субъективности, состоящего в присущем каждому «порыве» (стремлении) повышения степеней себя с учетом уже феноменологически обобщенного и опытно устанавливаемого факта так называемого смещения («переноса») знака валентности с относительно более масштабных структур правосубъективности на относительно менее масштабные [4]. Так структура Π_1 рефлексивно является менее масштабной по сравнению со структурой $\Pi_1 \rightarrow \Pi_2$, структура $\Pi_2 \rightarrow \Pi_3$ – более мас-

штабной по отношению к структуре P_2 , а структура $P_1 \rightarrow P_2, \rightarrow P_3$ – более масштабной по сравнению с другими структурами. Это означает, что правовая активность в «самостном» режиме самим субъектом может расцениваться как положительная, но в масштабе $P_1 \rightarrow P_2$ (с «габитуально» укорененных и с внешних позитивно-правовых воздействий) окажется отрицательной (неправомерной) с последствием в виде изменения знака валентности с положительного на отрицательный (падение «степеней себя»). Другой пример: правовая активность субъекта может не соответствовать закону, но если сам закон является неправовым при соотнесении его с «правовым канонном», то согласно механизму валентного «смещения» такое поведение должно получить «+»-валентность. И так далее. В этом смысле становится понятным утверждение К. Поппера в своей известной работе «Предположения и опровержения» о непреодолимой бивалентности положения чиновника, а также открытие С. Кьеркегором в работе «Страх и трепет» парадокса, когда лицо, будучи «Единичным» по природе, поднявшись в духе своем до «Абсолютного», должно расцениваться как вышестоящее по отношению к «Всеобщему», т.е. к относительным общественным установлениям. Таков механизм переноса валентностей. С учетом сказанного формула полноправосубъективности может быть преобразована следующим образом:

$\Sigma \Pi^0 = P_1 \uparrow \Sigma \Pi^0 + P_2 \uparrow \Sigma \Pi + \downarrow P_3 \uparrow \Sigma \Pi^0$. При этом следует обратить внимание, что в этой формуле используется оператор $\uparrow$ (стрелка вверх), означающий, что некий источник свойств берется при расширяющих условиях.

Итак, из вышеизложенного следует, что правосубъективность возрастает в направлении полноправосубъективности при условии изменения ее состояния в сторону повышения «+»-валентной однозначности при сохранении валентного состава согласно соответствующим аспектам, что, как следует из таблиц и сказанного выше, достигается преобразованием правосубъективности на пути движения от низших модальностных состояний субъективности к более высоким. Высшая точка этого движения может быть понята как точка синтеза, образующая единство всех частных аспектов правосубъективности (вложенность друг в друга), в котором по смыслу изложенного манифестируется существование объективного правосубъективного порядка на вполне эмпирических субъектах с их конкретно-эмпирическими правосубъективными способностями и рефлексией, стремлениями к увеличению степеней себя, валентным разбросом состояний, механизмом переноса значения валентности в направлении с относительно более масштабных рефлексивных структур (относительно общих) на менее масштабные (частные). С учетом сказанного может быть сформулирован своего рода «закон возвыше-

ния валентности»: валентные характеристики правоспособного индивида (знак валентности, текущая констелляция, модальность) стоят в «периодической» зависимости от оценивания (масштабирования) его правосубъективности на рефлексивной шкале [«периодов»] полноправосубъективности. Табличным выражением данного «закона» и явился представленный в «таблицах [логической] истинности» имеющий «периодический» характер констелляционный разброс валентных составов.

Так в целом возникает определенная универсальная структура и представление о некоторой логике синтеза в правосубъективных и правосубъективных онтологиях. Базовая структура, лежащая в основе этого синтеза, может быть понята как проявление общей универсальной структуры, расположенной на разного рода частных структурах синтезопроявлен, в том числе и в рассмотренном выше случае. В этом смысле построенные выше структуры полноправосубъективности и используемые при этом конструкции могут свидетельствовать о попытках получения более строгого знания, тематизированного на логике правосубъективности как направления исследований. С этой точки зрения ранее накопленное знание по данному вопросу может быть существенно уточнено (реконструировано) с перспективой выхода на проблемы полноправобытийной онтологии в целом. Но это уже другой вопрос и материал для дальнейших исследований.

Примечания:

1. Холкин О.М. Функциональная модель субъективности: гипотеза и практические применения / О.М. Холкин. – Киров: Изд-во ООО «ВЕСИ», 2016. – 151 с.
2. Холкин О. М. К вопросу о построении структурно-функциональной модели правосознания (СФМП) [Электронный ресурс] / О.М. Холкин. – Режим доступа: Неволинские чтения. Вопросы совершенствования высшего юридического образования на современном этапе [Электронный ресурс]: сборник материалов Международной научно-практической конференции, посвященной 210-летию со дня рождения К.А. Неволлина, 85-летию Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) и 45-летию Волго-Вятского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). Киров, 18 ноября 2016 г. / Волго-Вятский институт (филиал) ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)». – Электрон. текстовые дан. (9 МБ). – Киров : Аверс, 2017. – с. 62-68.
3. Моисеев В.И. Исчисление форм как проект математической философии. [Текст] / В. Моисеев // Credo New: Журнальный клуб Интелрос. – 2014. – N 4.
4. Моисеев В.И. Человек и Общество: образы синтеза. Книга вторая [Текст] / В. Моисеев // Мск.: Издательский дом «Навигатор», 2012. – 759 с.; ил.

Трибуна молодого ученого

Принцип разделения властей: трансформация политико-правовой мысли

The principle of separation of powers: transformation of political and legal thought

Капустина Анастасия Владимировна,
студент 1 курса магистратуры Волго-Вятского
института (филиала) Университета
имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Киров

Kapustina Anastasiya Vladimirovna,
1st year master's student of the Volgo-Vyatka Institute
(branch) of Kutafin Moscow State Law University
(MSAL), Kirov

Принцип разделения властей является одним из важнейших элементов правового государства. Он позволяет существенно ограничить возможность монополизации власти каким-либо органом публичной власти, а также обеспечивает их деятельность в соответствии с требованиями законности.

В своем классическом понимании доктрина подразумевает разделение государственной власти на законодательную, исполнительную и судебную, что непосредственно связано с ее основными функциями.

Однако в связи со стремительно происходящими политико-правовыми преобразованиями в мире, изменением взаимоотношений между властными институтами государства, закономерно претерпевают изменения и взгляды на прочтение принципа.

Чтобы проследить трансформацию идеи о разделении властей, а также причины таких изменений, стоит начать рассмотрение вопроса с истории возникновения концепции.

По мнению ряда ученых, свое зарождение концепция получила еще в эпоху античности.

В частности, в трудах Аристотеля указывается на необходимость выделения в составе любого государственного устройства трех обязательных частей, от состояния которых зависит состояние и самого

В статье рассматривается процесс формирования и становления принципа разделения властей, а также анализируются подходы современных ученых к пониманию данного принципа. Особое внимание уделяется вопросу выделения иных ветвей власти, непредусмотренных в классическом понимании принципа.

Ключевые слова: принцип разделения властей, система сдержек и противовесов, ветви власти, президентская власть, контрольная власть.

This article considers the problem of effective regulation of activities of municipal structures, combining the powers of the head of the municipal structures with the powers of the head of administration. Special attention is paid to the issue of allocating other branches of government that are not provided for in the classical understanding of the principle.

Key words: principle of powers' separation, system of checks and balances, branches of power, presidential power, supervisory power.

государства. Первая часть – законосовещательный орган, рассматривающий вопросы о законах, войне и мире, союзах, смертной казни, об избрании должностных лиц, их отчетности и т.д. Вторая часть – должности, третья – судебные органы [1].

Выделение данных частей по Аристотелю строится лишь на необходимости грамотного разделения государственных функций и их успешной реализации.

Анализируя взгляды Аристотеля, Н.В. Нерсисянц пишет: «Хотя названные три элемента и составляют, по Аристотелю,

основу каждой из форм государственного строя, и «само различие отдельных форм государственного строя обусловлено различной организацией каждого из этих элементов», эти элементы характеризуются в учении Аристотеля не как различные власти, не как относительно самостоятельные проявления единой государственной власти (т.е. не с позиций разделения властей), а скорее, как формообразующие элементы» [2].

Если говорить об античной правовой мысли, то нельзя не упомянуть работы и римского мыслителя Полибия, писавшего в своих трудах о необходимости уравнивания ветвей власти в целях недопущения конфликта между ними и исключения произвола по отношению к народу. Тем самым ученый

выделили принцип взаимного сдерживания и противодействия государственных элементов [3].

Политико-правовые учения античных мыслителей нельзя связывать непосредственно с принципом разделения властей в его современном понимании, однако они оказали существенное влияние на работы ученых Нового времени.

Большинство же правоведов связывают классическую теорию разделения властей с именами английского философа Джона Локка, а также французского правоведа и философа Шарля Луи Монтескье.

Дж. Локк исходил из теории, что люди, отказавшись от естественной власти, передают политическому обществу возможность устанавливать постоянные правила, одинаковые для каждого члена этого общества, и в дальнейшем при помощи людей, получивших от общества специальные полномочия, проводить законы в жизнь, разрешать разногласия и наказывать за преступления, которые совершил любой из членов общества.

В результате этого государство получает власть устанавливать, какое наказание и за какие нарушения заслуживают члены общества. Именно это, по мнению Локка, является законодательной властью, то есть «властью, которая имеет право указывать, как должна быть употреблена сила государства для сохранения сообщества и его членов». При этом есть опасность, что лица, которые наделены властью издавать законы, могут сосредоточить в своих руках право на их исполнение для того, чтобы не соблюдать их и использовать для личной выгоды. В связи с этим необходима власть, которая бы следила за исполнением законов. В результате выделяется исполнительная власть, отвечающая за исполнение законов общества внутри государства, и федеративная – руководящая внешней безопасностью [4].

Основной постулат теории Локка – недопущение совмещения законодательной и исполнительной властей в одних руках для сохранения естественных прав граждан, которые они передали государству.

Виднейший правовед эпохи Просвещения Ш. Монтескье, говоря о политической свободе, выделил в своих трудах власть законодательную, власть исполнительную, ведающую вопросами международного права, и власть исполнительную, ведающую вопросами гражданского права. В дальнейшем вторую власть Монтескье назвал просто исполнительной, а третью – судебной [5].

Необходимость разделения этих трех ветвей власти Монтескье видел в реализации главной цели государства – предоставлении гражданам гарантий безопасности от произвола и злоупотребления властей.

Идеи, сформулированные мыслителями XVII-XVIII века, впервые получили закрепление в Конституции США 1787 г. При этом важную роль в разработке правовой концепции разделения властей в вопросе взаимного конституционного контроля сыграла серия политико-правовых публикаций «Федералист». Так в номере 51 от февраля 1788 г.

указывалось: «Восполним изъян, создав такую внутреннюю структуру правления, чтобы составные ее части сами стали средством удерживать каждую на отведенном ей месте». В данном случае речь шла о системе, способной к саморегулированию, а именно о системе сдержек и противовесов [6].

В XIX веке «эпоха демократических революций» внесла некоторые поправки в политико-правовые воззрения.

Так, например, французский правовед Б. Констант впервые выделил в доктрине не три, а пять ветвей власти. Законодательную власть ученый разделял на две ветви. Первая являлась постоянной и воплощалась в наследственной палате, вторая – представляла общественное мнение и была воплощена в наследственной палате. Кроме того, в теории Константа была выделена королевская власть, стоявшая над всеми другими, которая должна была при необходимости приводить все остальные власти к примирению.

К XX веку принцип разделения властей получил закрепление в конституциях многих государств.

Однако выделение трех ветвей власти не всегда отражает существующие реалии, в связи с чем в конституциях отдельных странах выделяются иные ветви власти, нежели предусмотренные в классической теории.

Так, например, в Конституциях некоторых стран Латинской Америки, в частности, в Конституции Никарагуа 1987 г., Колумбии 1991 г. и др. законодатель закрепляет избирательную власть, под которой подразумевается граждан, обладающих избирательными правами [7].

По мнению судьи Европейского суда по правам человека Luis López Guerra (2008 – 2018), выделение всего трех ветвей власти в настоящее время является неправильным, в своем докладе судья отмечает: «Со времен Локка и Монтескье значение разделения властей сильно изменилось и расширилось. В настоящее время было бы неправильным сводить количество ветвей власти до трех. Появились новые формы разделения публичной власти. Создание и развитие федеральных систем означает появление распределения власти «по вертикали» (между федеральным правительством и правительствами штатов), отличное от первоначального функционального разделения. Кроме того, возникли другие, не предусмотренные традиционной системой разделения властей, центры сосредоточения силы, такие как: Конституционный Суд, отделенный от Верховного суда; независимая избирательная администрация; институт омбудсмена; защитники прав человека. Во всех больших странах появляется новая власть – прокуратура, независимая от исполнительной власти» [8].

Профессор А.Д. Керимов так же отмечает: «Теория разделения властей нуждается в переосмыслении, совершенствовании, дальнейшем творческом развитии. Дело в том, что усложнение и ускорение общественных процессов, их буквально с каждым днем все более угрожающая бесконтрольность, объ-

активно происходящее “втягивание” в орбиту государственного регулирования доселе неизвестных феноменов общественного бытия и многие другие факторы обуславливают необходимость создания новых властных институтов и структур, способных существенно повысить эффективность и вместе с тем обеспечить законность и справедливость управления социумом. Естественно, что эти институты и структуры далеко не всегда вписываются в традиционную триаду, как зачастую не вписываются многообразные проявления жизни в заранее разработанные схемы» [9].

Так, например, по мнению С.А. Авакьяна, закрепление трех ветвей власти в Конституции РФ вызывает проблему определения статуса отдельных государственных органов. В связи с этим он указывает на необходимость выделения президентской, прокурорской, банковской, избирательной и иных ветвей власти [10].

Большинство современных ученых едины во мнении о необходимости выделения президентской власти, которую ранее связывали с исполнительной властью.

Еще в начале 2000-х А.И. Черкасов писал: «Роль главы государства в качестве главы исполнительной власти может непосредственно и не фиксироваться в основном законе. В последнее время в ряде стран (преимущественно со смешанными формами правления) стала прослеживаться тенденция к формальному отделению главы государства от исполнительной власти, усилению акцента на его арбитражных функция» [11].

В настоящий момент эти утверждения становятся все более актуальным. Можно сказать, что специфичной ролью президентской власти выступает функция согласования деятельности всех ветвей власти.

Подводя итоги вышесказанному, стоит отметить, что реализация принципа разделения властей выступает важнейшим элементом политической организации общества. Несмотря на сохранение единства государственной власти, разделение властей выступает тем элементом, который способен предотвратить злоупотребление властью.

При этом изменения, происходящие в обществе, требуют пересмотра некоторых положений доктрины. В частности, некоторые современные ученые говорят о необходимости выделения дополнительных ветвей власти, которые вытекают из закрепления в конституциях государств иных органов государственной власти с присущими только им функциями и полномочиями.

Примечания:

1. Аристотель. Политика / пер. с древнегреч. С. Жебелева. – М.: РИПОЛ классик. – 2016. – с. 528. – ISBN 978-5-17-099791-6 – Текст : непосредственный.

2. Нерсисянц, В.С. Политические учения Древней Греции. / М.: Норма. – 1979. – с. 264. – ISBN 978-5-91768-315-7 – Текст : непосредственный.

3. Полибий. Всеобщая история. В 2 томах. Том 2. Книги XI-XXIX. / М.: ООО «Издательство АСТ». – 2004. – с. 15. – ISBN: 978-5-17-013518-9 – Текст : непосредственный.

4. Дж. Локк. Два трактата о правлении / Нижний Новгород: Канон +. – 2009. – с.47. – ISBN: 978-5-88373-175-3 – Текст : непосредственный.

5. Монтескье Ш. Л. Избранные произведения / Ш. Л. Монтескье; общ. ред. и вступ. ст. М. П. Баскина; примеч. Р. С. Миндиной. – М.: Гослитиздат. – 1955. – с. 800 Текст : непосредственный.

6. Федералист. Политические эссе Александра Гамильтона, Джеймса Мэдисона и Джона Джея. М., М. Пер. с англ. / Под общ. ред., с предисл. Н.Н. Яковлева, коммент. О.А. Степановой. – М.: Издательская группа «Прогресс». – 1994. – с. 346. – ISBN 5-01-004495-1 (в пер.) – Текст : непосредственный.

7. Енгибарян, Р.В. Сравнительное конституционное право: учеб. пособие. / Р.В. Енгибарян. – Ростов-на-Дону : Феникс. – 2007. – с. 543 – ISBN 5-222-09155-4. – Текст : непосредственный.

8. López Guerra L. The Report «The Judiciary and the Separation of Powers» / L. López Guerra // Conference for Constitutional and Supreme Court Judges from the Southern African Region (Siavonga, Zambia, 12-13 February 2000). – Strasbourg, 22 March. 2000. – pp. 28-45. URL: [https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-JU\(2000\)021-e](https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-JU(2000)021-e) (дата обращения: 12.11.2020).

9. Керимов, А.Д. Современное государство: вопросы теории. – М.: Норма. – 2008. – с. 96. – ISBN 978-5-468-00072-4. – Текст : непосредственный.

10. Авакьян, С.А. Политические отношения и конституционное регулирование в современной России: проблемы и перспективы // Журнал российского права. 2003. N 11. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJ1&n=4905#08764320473348914> (дата обращения: 12.11.2020).

11. Черкасов, А.И. Глава государства и правительство в странах современного мира (конституционно-правовое регулирование и практика). М.: Экзамен. – 2006. – с. 5. ISBN 5-472-01173-6. – Текст : непосредственный.

Проблемы квалификации мошенничества в сфере кредитования

Problems of qualification of fraud in the field of lending

Кадаева Ольга Владимировна,

студент 2 курса магистратуры Волго-Вятского
института (филиала) Университета
имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Киров

Kadaeva Olga Vladimirovna,

2nd year master's student of the Volgo-Vyatka
Institute (branch) of Kutafin Moscow State Law
University (MSAL), Kirov

Федеральным законом от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ Уголовный кодекс дополнен ст. ст. 159.1 – 159.6. С момента появления в уголовном законе ст. ст. 159.1 – 159.6 правоприменитель столкнулся с множеством квалификационных вопросов, разрешить которые попытался Пленум Верховного Суда РФ путем принятия Постановления от 30 ноября 2017 г.

№ 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» (далее – Постановление Пленума № 48). Несмотря на то, что высшей судебной инстанции удалось справиться с большей частью возникших у правоприменителя трудностей, некоторые разъяснения Постановления Пленума № 48 сложно признать универсальными. Например, ст. 159.1 УК РФ устанавливает уголовную ответственность за мошенничество в сфере кредитования. Согласно указанной норме мошенничеством в сфере кредитования признается хищение денежных средств заемщиком путем представления банку или иному кредитору заведомо ложных и (или) недостоверных сведений [1].

Применительно к процитированному положению уголовного закона возникают два вопроса: как ограничивается круг субъектов данного преступления (кто признается заемщиком по смыслу ст. 159.1 УК РФ) и как ограничивается круг потерпевших от него (кто признается иным кредитором по смыслу ст. 159.1 УК РФ)?

В статье рассматриваются проблемы квалификации мошенничества в сфере кредитования, разъяснение постановления пленума №48, моделируются квалификационные ситуации, которые являются предметом судебного исследования.

Ключевые слова: проблемы квалификации, мошенничество в сфере кредитования, Постановление Пленума № 48, кредитная организация.

The article deals with the problems of fraud qualification in the field of lending, explanation of the resolution of the Plenum No. 48, and models the qualification situations that are the subject of judicial research.

Key words: problems of qualification, fraud in the field of lending, resolution of the Plenum No. 48, credit organization.

Постановление Пленума № 48 содержит следующие разъяснения на этот счет:

- для целей ст. 159.1 УК РФ заемщиком признается лицо, обратившееся к кредитору с намерением получить, получающее или получившее кредит в виде денежных средств от своего имени или от имени представляемого им на законных основаниях юридического лица (абз. 2 п. 13);

- по смыслу закона кредитором в ст. 159.1 УК РФ может являться банк или иная кредитная организация, обладающая правом заключения кредитного договора (ст. 819 Гражданского кодекса РФ) (абз. 3 п. 13).

Определение термина «банк» приведено в абз. 2 ст. 1 Федерального закона от 2 декабря 1990 г. № 395-1 «О банках и банковской деятельности» (далее – Закон о банках), в силу которого банк – это кредитная организация, имеющая исключительное право осуществлять в совокупности следующие банковские операции: привлечение во вклады денежных средств физических и юридических лиц, размещение указанных средств от своего имени и за свой счет на условиях возвратности, платности, срочности, открытие и ведение банковских счетов физических и юридических лиц. Понятие кредитной организации раскрыто законодателем в абз. 1 ст. 1 Закона о банках, согласно которому таковой признается юридическое лицо, которое для извлечения

прибыли как основной цели своей деятельности на основании специального разрешения (лицензии) Центрального банка РФ (Банка России) имеет право осуществлять банковские операции, предусмотренные Законом о банках[1].

Изложенное порождает следующие два вопроса:

- следует ли понимать словосочетание «кредит в виде денежных средств» строго формально, признавая таковыми исключительно денежные средства, полученные виновным на основании кредитного договора, заключенного в соответствии со ст. 819 ГК РФ, или же в него следует включать и другие предусмотренные гражданским законодательством формы кредитования в экономическом смысле термина?

- исключает ли толкование термина «заемщик», приведенное в Постановлении Пленума № 48, возможность квалификации хищения у банка или иной кредитной организации под видом факторинговых отношений по ст. 159.1 УК РФ?

Настоящую актуальность эти вопросы приобретают в том случае, если мы пытаемся квалифицировать мошенническое хищение, совершенное путем предоставления потерпевшему заведомо ложных и (или) недостоверных сведений не в целях заключения кредитного договора в строгом смысле слова (ст. 819 ГК РФ), а в целях заключения другого гражданско-правового договора, представляющего собой разновидность кредитования в экономическом смысле, в частности договора факторинга (гл. 43 ГК РФ).

Смоделируем следующие две квалификационные ситуации, которые становились предметом судебного исследования:

- виновным совершено хищение имущества банка или иной кредитной организации путем предоставления потерпевшему заведомо ложных и (или) недостоверных сведений, послуживших основанием для заключения договора факторинга;

- виновным совершено хищение имущества организации, которая не относится ни к банкам, ни к иным кредитным организациям, путем предоставления ей заведомо ложных и (или) недостоверных сведений, послуживших основанием для заключения договора факторинга.

1. Виновным совершено хищение имущества банка или иной кредитной организации путем предоставления потерпевшему заведомо ложных и (или) недостоверных сведений, послуживших основанием для заключения договора факторинга.

В представленной ситуации сомнений в фигуре потерпевшего не возникает – им, безусловно, может быть банк или иная кредитная организация в силу прямого указания Постановления Пленума № 48 (абз. 3 п. 13). Сомнения, однако, возникают в субъекте преступления (может ли им признаваться клиент по договору факторинга?) и в объективной стороне содеянного (может ли она выражаться в хищении под видом факторинговых отношений, а не строго кредитных?).

Представляется, что Постановление Пленума № 48 не содержит исчерпывающего ответа на эти вопросы. В части субъекта оно разъясняет, что таковым признается заемщик, получивший кредит в виде денежных средств, не отсылая при этом прямо к ст. 819 ГК РФ, что оставляет поле для широкого, экономического понимания термина «кредит» и позволяет отнести к таковому и денежные средства, полученные под уступку денежных требований. Объективную сторону преступления Постановление Пленума № 48 в данном случае оставляет без комментариев.

До появления Постановления Пленума № 48 суды в единичных случаях квалифицировали действия лиц, совершивших хищение имущества банка или иной кредитной организации под видом факторинговых отношений, по ст. 159.1 УК РФ[2].

Некоторые ученые полагают, что квалификации по ст. 159.1 УК РФ подлежит лишь мошенническое хищение, совершенное под видом вступления в отношения по договору кредита в узком смысле слова, указывая, например, что «под иным кредитором с учетом определения в статье [159.1 УК РФ] предмета хищения как денежных средств следует понимать лицо, которое, будучи введено в заблуждение (в заблуждение может быть введено и уполномоченное лицо организации-кредитора), заключает с мошенником договор и передает тому денежные средства как предмет указанного договора. В качестве кредита эти денежные средства лицу, выступающему в роли заемщика, могут быть переданы по кредитному договору (§ 2 главы 42 ГК), а также в качестве коммерческого кредита (ст. 823 ГК)». Согласны с этим мнением и другие специалисты [3].

Однако думается все же, что суды в рассматриваемом случае – при наличии потерпевшего-банка – верно отнесли клиента по договору факторинга к заемщику по смыслу ст. 159.1 УК РФ.

Во-первых, договор факторинга в экономическом смысле действительно представляет собой форму кредитования, а клиент по такому договору выступает в роли лица, пользующегося на определенных условиях заемными средствами фактора. Во-вторых, иное толкование приводило бы к неравному применению уголовного закона к равным лицам в аналогичных ситуациях. Если понимать под заемщиком исключительно сторону кредитного договора (ст. 819 ГК РФ), то остается непонятным, почему действия такого лица, похитившего денежные средства у банка путем предоставления ему заведомо ложных и (или) недостоверных сведений, должны быть квалифицированы по привилегированной норме, а действия точно такого же лица, похитившего у банка денежные средства тем же способом, но заключившего с ним немного отличающийся по гражданско-правовой форме договор – по более строгой норме ст. 159 УК РФ. Поскольку характер и степень общественной опасности в обоих случаях одинаковы, такой подход приводил бы к нарушению принципа справедливости (ч. 1 ст. 6 УК РФ) [5].

Представляется, что разъяснения Пленума не содержат препятствий для квалификации действий лица, похитившего денежные средства у банка или иной кредитной организации путем предоставления потерпевшему заведомо ложных и (или) недостоверных сведений под видом заключения договора факторинга, по ст. 159.1 УК РФ.

Как указывалось выше, Постановление Пленума № 48 в части субъекта этого преступления указывает лишь на лицо, обратившееся к кредитору с намерением получить, получающее или получившее кредит в виде денежных средств, и ничто не мешает суду истолковать понятие «кредит» в широком экономическом смысле слова, тем более что такое толкование осуществляется в пользу подсудимого.

2. Виновным совершено хищение имущества организации, которая не относится ни к банкам, ни к иным кредитным организациям, путем предоставления ей заведомо ложных и (или) недостоверных сведений, послуживших основанием для заключения договора факторинга [7].

В рассматриваемой ситуации сомнения вызывает как фигура потерпевшего, так и субъект преступления. Выше мы отмечали, что Постановление Пленума № 48 строго ограничивает круг потерпевших от преступления, предусмотренного ст. 159.1 УК РФ, признавая таковыми лишь банки и иные кредитные организации, которые, в свою очередь, определены в Законе о банках через формальный признак – наличие лицензии Банка России.

Остается непонятным, почему хищение, совершенное путем предоставления потерпевшему заведомо ложных и (или) недостоверных сведений, следует квалифицировать по привилегированной норме в том случае, если оно совершено в отношении банка или иной кредитной организации, а в случае если оно совершено в отношении какой-либо иной организации, содеянное следует квалифицировать по более строгой норме ст. 159 УК РФ.

Однако в настоящее время в силу действующих разъяснений Постановления Пленума № 48 право-

применитель обязан поступить именно указанным несправедливым образом, поскольку он жестко ограничен «специальным потерпевшим»: если хищение совершено не у банка или иной кредитной организации, содеянное не может быть признано мошенничеством в сфере кредитования вне зависимости от субъекта преступления, а равно и от его способа [4].

Представляется, что **Постановление Пленума № 48** в части толкования термина «иной кредитор» **нуждается в корректировке**, конструирование Верховным Судом РФ привилегированного состава **путем введения фигуры «специального потерпевшего»** в данном случае может привести к несправедливому применению уголовного закона.

Примечания:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 N 14-ФЗ (ред. от 18.03.2019, с изм. от 03.07.2019) // Российская газета. - N 23. - 06.02.1996.

2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 27.12.2019) // Российская газета. - N 113. - 18.06.1996.

3. Федеральный закон от 02.12.1990 N 395-1 (ред. от 27.12.2019) «О банках и банковской деятельности» (с изм. и доп., вступ. в силу с 08.01.2020) // Российская газета. - N 27. - 10.02.1996.

4. Федеральный закон от 29.11.2012 N 207-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. - N 278. - 03.12.2012.

5. Нудель С.Л. Особенности квалификации мошенничества в сфере кредитования // Российский следователь. 2013. N 13. С. 18-21.

6. Яни П. Специальные виды мошенничества // Законность. 2015. N 3. С. 47-52.

7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 N 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // Российская газета. - N 280. - 11.12.2017.

Информация для авторов статей

Заявка представляется на бумажном или электронном носителях. Допускается также представлять заявку по электронной почте по адресу: science@msalkirov.ru.

Заявку на публикацию следует представлять по следующей форме:

- 1) фамилия, имя, отчество;
- 2) ученая степень, звание;
- 3) должность;
- 4) город, представляемая организация или учреждение;
- 5) тема статьи (или иной публикации);
- 6) домашний и служебный адрес (с указанием почтового индекса);
- 7) телефон, факс (с указанием кода города), e-mail.

1. Требования к объему представляемых материалов:

- 1) статья: 5-10 страниц формата А4 (до 20000 печатных знаков со всеми сносками и пробелами);
- 2) тезисы, рецензия, иные материалы: до 2 страниц.

2. Оформление текста представляемых материалов:

Текст статьи должен быть подготовлен с применением текстового редактора Word и удовлетворять следующим требованиям:

- 1) поля – левое, правое, верхнее и нижнее – 2 см;
- 2) шрифт – Times New Roman;
- 3) размер символов – 14 пунктов;
- 4) абзацный отступ – 1,25 см;
- 5) интервал – полуторный;
- 6) номера страниц не проставляются.

3. Оформление сносок:

- 1) размер символов – 12 пунктов;
- 2) абзацный отступ – 1 см;
- 3) интервал – одинарный;
- 4) при ссылках на авторов в тексте следует указывать фамилию, инициалы автора, название публикации, источник – место, год, номер, страница;
- 5) при ссылках на правовые акты следует указывать его вид (Федеральный закон, Указ Президента Российской Федерации, Постановление Правительства Российской Федерации и т.д.), дату (день принятия – цифрами, месяц – словом, год принятия – четырьмя цифрами, т.е. например: 12 декабря 2012 г.), привести в кавычках полное (без сокращений) наименование.

4. Оформление аннотации и ключевых слов к статье:

Аннотация и ключевые слова к статье представляется на русском и английском языках. Аннотация должна быть подготовлена в соответствии с общими требованиями, указанными в п. 2.

5. Материалы аспирантов и соискателей принимаются при наличии рекомендации соответствующих кафедр вузов, отделов, секторов научно-исследовательских учреждений.

6. Авторам рекомендуется проверять перед отправкой в журнал общую орфографию материалов, а также правильность написания соответствующих юридических терминов.